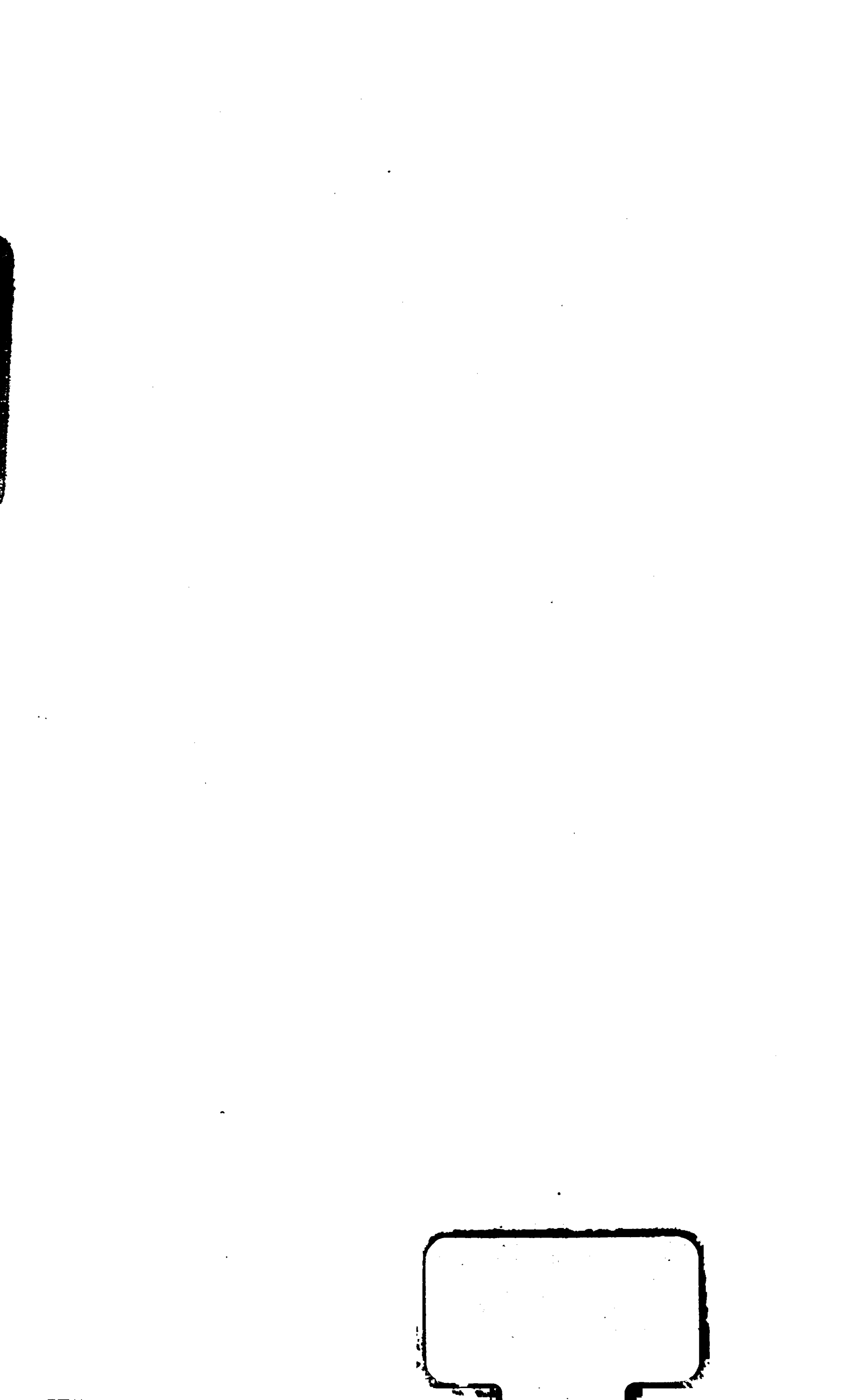

Razvitie

РАЗВИТІЕ

narodnago khoziaistva

НАРОДНАГО ХОЗЯЙСТВА

v Zapadnoi Evropie

ВЪ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПѢ

ПУБЛИЧНЫЯ ЛЕКЦІИ

Профессора **М. М. Ковалевскаго**,

M. M. Kovalevskii

ЧИТАННЫЯ ВЪ В. БРЮССЕЛЬСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе Ф. Павленкова.

1899.

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ, 23 Сентября 1898 г.

„Центральная“ Типо-Литографія М. Я. Минкова, 3 Рождеств., 7

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЛЕКЦІЯ ПЕРВАЯ.

Взглядъ на эволюцію экономическихъ порядковъ.

I.

Съ тѣхъ поръ, какъ Огюстъ Контъ положилъ начало динамической соціологіи, всѣ составные элементы современной цивилизаціи изучались и въ ихъ происхожденіи, и въ ихъ развитіи. Говорили о прогрессѣ точныхъ наукъ, морали, права, правительства, искусствъ, промышленности и доходили даже до разсужденій объ эволюціи въ области литературныхъ жанровъ. Я знаю одно только исключеніе изъ правила, по которому все въ мірѣ признано подлежащимъ эволюціи. Это исключеніе было впрочемъ скорѣе молча принято, чѣмъ доказано. Экономисты разсматривали современныя формы производства, распредѣленія и обмѣна, какъ нѣчто постоянное, на всегда подчиненное естественнымъ и, слѣдовательно, непреложнымъ законамъ спроса и предложенія,—законамъ, правильное отправленіе которыхъ должно привести всѣхъ и каждаго къ богатству и благоденствію.

Такъ какъ это обѣщаніе не осуществилось, то мало-помалу началъ возникать вопросъ о томъ, не является-ли и современный экономическій строй, какъ и все остальное, переходнымъ фазисомъ нашей эволюціи. Обращаясь къ древности

и къ среднимъ вѣкамъ точно такъ же, какъ къ тѣмъ многочисленнымъ народамъ, которые не имѣли исторіи и которые въ силу этого являются достояніемъ этнографіи, мы можемъ констатировать тотъ фактъ, что производство и распредѣленіе богатствъ совершались не всегда одинаково; обмѣнъ совершенно не входилъ въ разсчеты первобытныхъ охотниковъ, пастуховъ и земледѣльцевъ, населявшихъ земной шаръ; они довольствовались удовлетвореніемъ своихъ собственныхъ нуждъ и нуждъ того ограниченнаго круга, въ которомъ протекала ихъ жизнь. Ничто слѣдовательно не заставляло ихъ стремиться къ индивидуальному владѣнію землею или къ накопленію. Рента и процентъ на капиталъ были неизвѣстны, и единственной стоимостью была такъ называемая стоимость потребительная.

Вмѣсто того, чтобы горевать вмѣстѣ съ экономистами о судьбѣ этихъ жалкихъ народовъ, не знавшихъ употребленія монетъ и преимуществъ обмѣна, постараемся отдать себѣ отчетъ какъ въ причинахъ подобнаго порядка вещей, такъ и въ причинахъ, приведшихъ мало-по-малу къ установленію современнаго экономическаго строя.

Продолжительныя изысканія привели меня къ тому заключенію, что главнымъ факторомъ всѣхъ измѣненій экономическаго строя является не что иное, какъ ростъ населенія.

Первый вопросъ, который долженъ себѣ поставить соціологъ, внимательно изслѣдующій основы опредѣленнаго экономическаго строя, есть вопросъ о томъ, какова плотность населенія какъ въ данной странѣ, такъ и въ тѣхъ, съ которыми она состоитъ въ болѣе или менѣе тѣсномъ общеніи, ибо достаточно населенію сдѣлаться болѣе плотнымъ, чтобы заставить народъ выйти изъ своей обособленности и принудить сосѣдей своихъ служить интересамъ своего собственнаго производства и потребленія. Такимъ образомъ для меня главнымъ двигателемъ экономической эволюціи является ростъ населенія.

Этотъ взглядъ не имѣетъ ничего общаго съ теоріей Лоріа. Для него единственнымъ основаніемъ всей эволюціи экономи-

ческаго строя является прогрессивное исчезновеніе свободныхъ къ занятію земель. Онъ полагаетъ, что res nullius, о которыхъ такъ часто заходитъ рѣчь у римскихъ юристовъ, дѣйствительно существовали. Можно подумать, что ему совершенно неизвѣстенъ тотъ, однако же прекрасно установленный общей исторіей права, фактъ, что земля, раньше чѣмъ превратиться въ предметъ индивидуальнаго владѣнія, разсматривалась, какъ недѣлимое владѣніе нераздѣльной семьи, рода, племени, что поднятіе нови могло имѣть слѣдовательно мѣсто лишь съ согласія родныхъ, сосѣдей, или того, кто представлялъ собой власть общины, избраннаго герцога, наслѣдственнаго короля, феодальнаго сеньера. Отсюда происходятъ тѣ многочисленные обычаи, которые позволяютъ *vicini* или *comarcani*, т. е. сосѣдямъ-совладѣльцамъ, противиться водворенію пришельцевъ въ ихъ средѣ.

По этой же причинѣ глава вѣрующихъ или глава государства объявлялся въ извѣстный моментъ единственнымъ собственникомъ земли въ той или другой странѣ. Столь любезная федистамъ и встрѣчающаяся уже у Бoманаура формула «nulle terre sans seigneur» точно такъ же связана съ этой теоріей. Тезисъ Лоріа грѣшитъ слѣдовательно въ своемъ основаніи. Отправнымъ пунктомъ его является признаніе мнимаго факта, который не пришелъ-бы вѣроятно ему на умъ, еслибы знаменитый падуанскій профессоръ не увлекся въ своихъ изслѣдованіяхъ желаніемъ найти аналогію между аппропріаціей земли американскими поселенцами и той аппропріаціей, которая произошла въ эпоху переселеній германскихъ народовъ. Если поселенцы, являвшіеся въ Новый Свѣтъ изъ Европы, приписывали себѣ право перваго захвата, то только потому, что они совершенно не считались съ правами болѣе ранняго происхожденія, съ правами первобытныхъ жителей. Не то было съ германцами, которые нашли земли занятыми славянскими, кельтическими и римскими насельниками и считали себя поэтому только зваными и еще чаще незваными гостьми. Туземцы уступали имъ часть

1*

обработываемыхъ полей, пастбищъ и лѣсовъ, здѣсь треть, тамъ половину; нигдѣ прежніе собственники не были совершенно лишены своихъ владѣній. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда новыя германскія колоніи выбирали мѣстомъ жительства домены римскихъ императоровъ, земля дѣлалась достояніемъ всей общины и не могла слѣдовательно аппропріироваться безъ согласія послѣдней.

Изслѣдованіе Лоріа содержитъ все-таки долю истины. Извѣстно, что обѣ формы вынужденнаго труда, рабство и крѣпостничество, исчезаютъ вмѣстѣ съ послѣдними остатками свободныхъ и пригодныхъ къ обработкѣ земель; но эти два факта вовсе не состоятъ между собою въ причинной зависимости, они имѣютъ лишь общее происхожденіе—ростъ населенія. Большая плотность требуетъ увеличенія воздѣлываемой площади и болѣе интенсивнаго труда. Пустоши, служащія лишь для выгона скота, были слѣдовательно принесены въ жертву, и свободный трудъ, безконечно болѣе вознаграждающій, занялъ мѣсто крестьянской барщины.

Что касается вліянія роста населенія на экономическую эволюцію, то наша теорія можетъ быть допущена лишь при томъ условіи, если она сама доставитъ доказательства своей жизнеспособности. Она можетъ это сдѣлать, давъ научное объясненіе различнымъ явленіямъ, которыя привели къ созданію современнаго экономическаго строя.

Много разъ указывалось на тотъ фактъ, что народы, живущіе охотой и рыбной ловлей, нуждаются въ очень обширныхъ пространствахъ. Ихъ существованіе и размноженіе возможно поэтому лишь подъ условіемъ, чтобы прилегающія къ нимъ области оставались для нихъ открытыми. Ростъ населенія въ послѣднихъ, прекращая этотъ доступъ, производитъ слѣдовательно то же послѣдствіе, что и увеличеніе числа очаговъ среди самаго племени. Возрастаніе народонаселенія является слѣдовательно могучимъ разрушительнымъ факторомъ для тѣхъ примитивныхъ обществъ, которыя не знаютъ другихъ средствъ существованія, кромѣ

охоты на лѣсного звѣря и улова рыбы. Одомашненіе животныхъ и обращеніе въ рабство военноплѣнныхъ являются въ этомъ случаѣ единственнымъ средствомъ избѣжать вымиранія безъ рѣзкаго и насильственнаго выхода изъ тѣхъ условій, которыя ставятся сосѣдствомъ столь-же воинственныхъ племенъ, не позволяющихъ безнаказанно нарушать свои границы.

Но еще до этого естественнаго перехода къ пастушескому состоянію первобытные люди приходятъ къ индивидуальной аппропріаціи, но не земли и продуктовъ ея, съ которыми они не знали-бы, что дѣлать, а къ индивидуальной аппропріаціи оружія, одежды, впрочемъ очень грубыхъ и состоящихъ большею частью лишь изъ отточеннаго или неотточеннаго кремня, изъ кожъ и перьевъ. Производство обходится слѣдовательно безъ института частной недвижимой собственности. Болѣе того, оно принимаетъ чисто коммунистическую форму въ томъ смыслѣ, что въ охотѣ на крупныхъ животныхъ и на человѣка участвуютъ цѣлыя общества людей, сходящіяся изъ различныхъ мѣстъ, но принадлежащія къ одному и тому-же племени. Добыча этихъ общихъ предпріятій дѣлится рѣдко; мясо убитыхъ животныхъ потребляется на мѣстѣ, въ запасъ-же оставляется лишь то, что̀ можетъ сохраняться втеченіе болѣе или менѣе долгаго времени — жиръ, кожи, рога; они-то и подлежатъ дѣлежу. Разнообразнѣйшіе обычаи регулируютъ этотъ дѣлежъ: рога отдаютъ, напримѣръ, тому изъ охотниковъ, стрѣла котораго первой проникла въ звѣря; часто распредѣляютъ также паи сообразно участію каждаго изъ охотниковъ въ общемъ предпріятіи. Точно такъ же, по словамъ Ринка, у эскимосовъ, сообща охотящихся на акулъ, большій пай отдается тому, кто доставилъ лодку или сѣти, и меньшій тому, кто служилъ общему предпріятію только своими руками.

Итакъ, коллективный трудъ, потребленіе сообща и раздѣлъ на неравные паи всего, что можетъ быть сохранено отъ продуктовъ охоты и рыбной ловли, таковы тѣ принципы, которые регулируютъ экономическій строй рыбачьихъ и охотничьихъ

народовъ и отличаютъ ихъ замѣтнымъ образомъ отъ пастухо и земледѣльцевъ, являющихся имъ на смѣну.

Всѣ эти явленія связаны между собой и имѣютъ общи источникомъ происхожденія значительное протяженіе урочищ и слабую плотность населенія. Съ приростомъ послѣдняго со вершается переходъ къ новому способу производства,—к разведенію домашняго скота. Этотъ видъ занятій требует меньшей территоріи, но большихъ гарантій противъ инопле менныхъ вторженій. И для того, чтобы защитить пастбищ отъ всякихъ покушеній на раздѣлъ со стороны сосѣдних племенъ, пастушескіе народы принуждены охранять свои границ силой. Какъ только скотъ становится слишкомъ многочисленным или-же росту травы помѣшали засуха или очень суровы холода, племена пастуховъ покидаютъ свои степи и уходят на зеленые склоны горъ и въ лѣса, часто остающіеся общим владѣніемъ нѣсколькихъ племенъ. Тѣ, которымъ не достает пастбищъ, обращаются къ сосѣдямъ и заставляютъ ихъ волей неволей принять свой скотъ на прокормленіе. Такъ, на Кав казѣ кабардинцы всегда прибѣгали за пастбищемъ къ горцам татарскаго происхожденія, извѣстнымъ подъ именемъ балкар цевъ. Политическая зависимость послѣднихъ возникла из этой чисто экономической причины. То же самое наблюдаетс въ отношеніяхъ между тушинами и грузинами большой до лины Алазани, столь богатой виноградниками, дающими пре восходныя кахетинскія вина. Только на этотъ разъ племен долинъ попадаютъ въ зависимость къ горцамъ.

Весьма вѣроятно, что не одинъ фактъ изъ древней исто ріи, вродѣ вторженія гиксовъ въ Египетъ, произошелъ имени въ силу недостатка пастбищъ, который былъ слѣдствіемъ за сухъ или еще чаще естественнаго прироста населенія, со путствуемаго расширеніемъ скотоводства. Точно такъ же у ир ландскихъ кельтовъ встрѣчается поразительный примѣръ очен сложныхъ отношеній, постепенно устанавливающихся меж тѣми, у кого много скота и мало пастбищъ, и тѣми, у кого ма скота и много луговъ. Ирландскій *fuidhir* соглашается сд

латься подвластнымъ человѣкомъ по отношенію къ *boaire*'у, владѣющему коровами. Не есть-ли это воспроизведеніе въ большихъ размѣрахъ того добровольнаго рабства, которое принялъ на себя, по словамъ Библіи, Іаковъ по отношенію къ Лавану, въ надеждѣ быть вознагражденнымъ женами и телушками. Такимъ образомъ пастушескіе народы приходятъ, въ концѣ концовъ, не скажу къ рабству, но къ извѣстному роду кліентства, которое можетъ затѣмъ сдѣлаться источникомъ настоящей зависимости не только между частными лицами, но и между цѣлыми кланами и племенами. Тотъ фактъ, что названіе *fief* (феодъ) происходитъ, по словамъ филологовъ, отъ слова ve или vieh — «скотъ» — можетъ служить иллюстраціей этому взгляду.

Постараемся теперь сдѣлать общій выводъ, которому поддаются всѣ эти отдѣльныя черты быта, столь отдаленнаго отъ нашего, что мы съ трудомъ лишь можемъ схватить его поистинѣ оригинальныя черты. Нѣтъ еще пока никакихъ слѣдовъ индивидуальной собственности на землю. Выгоны принадлежатъ иногда племени, иногда клану или разросшейся семьѣ, тѣмъ consanguinitates hominum qui una coierunt, о которыхъ говорится въ повѣствованіяхъ Цезаря относительно древнихъ германцевъ. Индивидуальная аппропріація людей и скота также совершенно еще неизвѣстна. Слуги являются частью «familia», частью семьи или рода.

Нѣтъ также индивидуальнаго присвоенія стадъ: продукты ихъ, молоко и шерсть, одни являются предметомъ частнаго владѣнія, ограниченнаго въ своихъ размѣрахъ личными потребностями каждаго. Въ этомъ отношеніи состояніе пастушескихъ племенъ не отличается рѣзко отъ состоянія охотниковъ и рыболововъ. Но рядомъ съ этимъ мы констатируемъ и существенной различіе. Вотъ въ чемъ оно заключается. Домашнее разведеніе скота порождаетъ разницу въ богатствѣ и бѣдности разныхъ родовъ и семьей. И этимъ пользуются, чтобы взвалить на плечи бѣднѣйшаго обязанность обезпечивать трудомъ своимъ существованіе и покой болѣе богатой, а слѣ-

довательно и болѣе могущественной семьи или рода. Слуга-пастухъ появляется рядомъ со служанкой-прядильщицей. И эти первые подневольные труженики лишь отдаленнымъ образомъ напоминаютъ тѣхъ рабовъ, которыми хозяинъ располагаетъ, какъ своей вещью, какъ своимъ добромъ. Особенно пастухъ является привилегированнымъ существомъ: въ силу многочисленныхъ обычаевъ ему отдается значительная часть годовыхъ продуктовъ стадъ, за которыми онъ наблюдаетъ.

Договоръ объ отдачѣ скота на прокормъ изъ части прироста, извѣстный въ Италіи подъ именемъ socida, имѣетъ въ прошломъ многочисленные образцы въ жизни пастушескаго населенія русскихъ степей. Что касается служанки, она живетъ въ семьѣ, подобно той дочери жреца Аполлона, которую похитили греки подъ Троей и которую Агамемнонъ отказался возвратить, заявляя, что она ни разу не выйдетъ изъ его дворца въ Аргосѣ, что цѣлый день она будетъ прясть шерсть, а съ наступленіемъ ночи будетъ приближаться къ его ложу («Иліада», п. 1-я).

Переходъ отъ пастушескаго состоянія къ земледѣльческому совершается медленно. Чтобы взяться за разведеніе скота, нѣтъ еще надобности порывать съ охотой и рыбной ловлею. Послѣднія занятія перестаютъ только быть занятіями регулярными. Тоже самое повторяется съ земледѣліемъ. Ячмень, овесъ, рожь, маисъ, рисъ, растущіе сами собой среди дикихъ травъ, могли собираться пастушескими племенами еще до ихъ перехода къ земледѣлію. При открытіи Новаго Свѣта испанцы наблюдали среди краснокожихъ употребленіе табачныхъ листьевъ, но ничто не доказываетъ, чтобы это растеніе служило для краснокожихъ объектомъ искусственной культуры. Тоже самое по отношенію къ злакамъ встрѣчалось среди германскихъ племенъ, которыя были извѣстны Цезарю подъ именемъ свевовъ. Половина населенія занималась у нихъ земледѣліемъ, половина продолжала охотиться и воевать. Каждый годъ занятія мѣнялись, охотники становились земледѣльцами, земледѣльцы — охотниками. Этнографія даетъ многочисленные при-

мѣры племенъ, у которыхъ женщины исполняютъ всѣ полевыя работы, тогда какъ мужчины остаются охотниками, пастухами, воинами. Еще совсѣмъ недавно на Кавказѣ черкесы и сванеты оставляли за женщинами всѣ заботы по обработкѣ земли, а сами шатались съ ружьемъ въ рукахъ по лѣсамъ или стерегли въ горахъ стада.

Численный ростъ семей вынуждаетъ пастушескія племена перейти къ преимущественному занятію земледѣліемъ и къ новому образу жизни, дѣлающему передвиженія менѣе частыми, заставляющему номада уступить мѣсто домосѣду. Впрочемъ и здѣсь не наблюдается рѣзкаго, непосредственнаго перехода. Земледѣліе само сохраняетъ нѣкоторое время бродячій характеръ въ томъ смыслѣ, что поля обработываются лишь втеченіе одного или нѣсколькихъ лѣтъ, послѣ чего ихъ покидаютъ для дѣвственныхъ пространствъ, обѣщающихъ болѣе обильную жатву. Таковъ дѣйствительный характеръ той Feldgrasswirthschaft, или, что то же, *подсѣчнаго хозяйства*, отличительной чертой котораго является вырубка или сжиганіе лѣсовъ, кустарниковъ и травъ. Американскіе поселенцы практиковали его втеченіе цѣлаго ряда десятилѣтій, и еще теперь его придерживаются земледѣльцы въ Сибири. Говоря о германцахъ, Тацитъ рисуетъ ихъ перекочевывающими ежегодно съ одного мѣста на другое, занимающимися кочевымъ земледѣліемъ, вынуждающимъ ихъ къ постояннымъ перемѣщеніямъ. Этимъ объясняется, почему по древнимъ юридическимъ обычаямъ жилище относится къ движимости; перевозимыя на дрогахъ кибитки ногайцевъ, или тѣ наскоро сдѣланныя изъ кустарника и листьевъ курени, которыми когда-то довольствовались донскіе и днѣпровскіе казаки, тысячу разъ оправдываютъ точку зрѣнія обычнаго права. Но достаточно, чтобы племя возрасло въ численности, при невозможности выйти изъ своихъ границъ, какъ происходятъ важныя измѣненія и въ способѣ обработки полей, и въ другихъ условіяхъ существованія.

Занимать любое количество земли въ любой части общей территоріи теперь уже нельзя. Весь народецъ, составленный

изъ одноплеменныхъ или разноплеменныхъ родовъ, противится подобнымъ заимкамъ, имѣющимъ единственнымъ предѣломъ добрую волю поселенца или, по русской поговоркѣ, его «топоръ и соху». Земля начинаетъ обработываться сообща и по надѣламъ; бродячее земледѣліе, при которомъ почву бросали, истощивъ ее сначала рядомъ посѣвовъ, уступаетъ мѣсто организованному двухъ—и трехполью. Частной недвижимой собственности еще нѣтъ. Мѣсто ея занимаетъ тотъ аграрный коммунизмъ, который этнографы и историки констатируютъ у самыхъ различныхъ племенъ, начиная съ краснокожихъ и въ частности съ ацтековъ и инковъ, переходя затѣмъ къ ирландцамъ и уэльскимъ кельтамъ, къ извѣстнымъ Цезарю и Тациту германцамъ, къ малайскому населенію Явы, къ раджпутамъ, джатамъ и другимъ арійскимъ и туранскимъ племенамъ Индіи, къ природнымъ обитателямъ Китая, и кончая столь извѣстнымъ примѣромъ русскаго *міра* позднѣйшаго происхожденія и сложнаго характера, которому предшествовалъ болѣе архаическій коммунизмъ, не имѣющій нужды, благодаря слабой плотности населенія и обширности свободныхъ пространствъ, въ періодическихъ передѣлахъ.

Въ эпоху зарожденія земледѣлія частная аппропріація носитъ временный характеръ. Встрѣчается индивидуальное или, скорѣе, семейное владѣніе землей, но ни въ какомъ случаѣ не частная собственность. Цезарь весьма категорически указываетъ на это, говоря о свевахъ: *sed privati ac separati agri apud eos nihil est*. И въ этомъ отношеніи обычай древнихъ германцевъ вполнѣ аналогиченъ тому, который регулируетъ отношенія русскаго крестьянина къ обрабатываемой имъ землѣ. То-же самое можетъ быть сказано о *calpulli* (мексиканскихъ родахъ) и объ *ayllos* (или перуанскихъ), которые, по свидѣтельству Сантилліана, владѣли лишь втеченіе года тѣми полевыми участками, которые ихъ члены подвергали обработкѣ. И земля не только была коллективной собственностью; она даже обработывалась сообща. Перуанскіе крестьяне, собираясь дюжинами и отправляясь на работы съ

бранным начальником во главѣ, рыли землю особаго да копьями, извѣстными подъ именемъ Iaшра и замѣнявими для нихъ соху. Сообща обсѣменялись и поля, начиная тѣхъ, продуктъ съ которыхъ шелъ князю (инка) и духонству, и кончая тѣми, которыя удовлетворяли собственымъ нуждамъ крестьянъ. Такимъ-же образомъ производиась и жатва, хотя каждый имѣлъ право только на продуктъ юего собственнаго участка. У русскихъ крестьянъ сохраниись еще слѣды этого коммунизма, именно, при обработкѣ мель, продукты которыхъ служатъ для наполненія продоольственныхъ магазиновъ. Эти земли извѣстны у насъ подъ іенемъ мірскихъ запашекъ.

Другимъ пережиткомъ этого коммунистическаго производгва являются такъ называемыя «мірскія помочи» —доброволь-ое содѣйствіе, какое во время жатвы обязаны оказывать ругъ другу члены одного и того-же міра, одной и той-же эмледѣльческой общины. Онѣ тѣмъ болѣе заслуживаютъ быть гмѣченными, что мы встрѣчаемъ ихъ и въ средніе вѣка подъ азличными названіями: весеннихъ и осеннихъ службъ angariae», работъ, производимыхъ по просьбѣ «ad preces, recariae» и любви ради, «lovebones»; но въ средніе вѣка ъ выигрышѣ отъ нихъ оказывается помѣщикъ, которому бычай повелѣваетъ только накормить и напоить столь драгоѣнныхъ въ страдную пору помощниковъ.

Но если земледѣльческій бытъ обходится, по крайней ѣрѣ извѣстное время, безъ частной земельной собственности, о онъ, съ другой стороны, не мало содѣйствуетъ индивидульной аппропріаціи человѣческаго труда. Здѣсь лежитъ источикъ того широкаго распространенія рабства и крѣпостничегва, которое имѣетъ мѣсто среди земледѣльческихъ народовъ. [ы встрѣчаемъ ихъ даже у тѣхъ племенъ, которыя, вродѣ рійскихъ народностей Пенджаба, владѣютъ землей сообща. этихъ послѣднихъ земля воздѣлывается небольшими участами при помощи крѣпостныхъ, набранныхъ изъ среды пооренныхъ туземцевъ. Но это не мѣшаетъ раджпутамъ или

джатамъ смотрѣть на самихъ себя, какъ на совладѣльцевъ земли, и ограничиваться простымъ распредѣленіемъ ея продуктовъ между собою.

Я не вижу такимъ образомъ повода отрицать существованіе коллективной собственности у германцевъ только потому, что послѣдніе, по словамъ Тацита, имѣли крѣпостныхъ. То же самое было и у славянъ; господствовавшій у нихъ коммунистическій строй нисколько не былъ затронутъ однако существованіемъ рабства и крѣпостной зависимости. Какъ и германцы, они имѣли среди своихъ подневольныхъ работниковъ и бѣдныхъ людей свободнаго происхожденія. Эти люди, не имѣя скота для обработки полей, соглашались обмѣнивать свою независимость на ссуду живого инвентаря. Именно въ этомъ надо видѣть источникъ происхожденія тѣхъ *ролейныхъ закуповъ* или добровольныхъ рабовъ, которые въ Россіи увлекались заманчивой перспективой владѣть достаточнымъ для своей сохи или «рала» числомъ быковъ («Русская Правда»).

Эволюція крѣпостного состоянія въ Россіи очень поучительна въ томъ отношеніи, что она является прямымъ отрицаніемъ теоріи, относящей его происхожденіе единственно на счетъ войнъ и завоеваній. Рядомъ съ рабомъ или холопомъ, прикрѣпленнымъ къ землѣ, мы встрѣчаемъ въ Россіи и свободныхъ людей, нуждающихся въ скотѣ и въ силу этого готовыхъ уступить сосѣду право располагать ихъ личностью, а также обремененныхъ долгами арендаторовъ (серебрениковъ), имѣющихъ возможность снять съ себя обязательства по отношенію къ заимодавцу, лишь закабалившись послѣднему.

Развитіе крѣпостного права является послѣднимъ звеномъ долгой эволюціи, поведшей къ созданію замкнутаго, самодовлѣющаго земледѣльческаго хозяйства. Она совершилась, можно сказать, внѣ исторіи и раньше, чѣмъ пришло кому-либо въ голову изучать дѣйствіе экономическихъ законовъ, управляющихъ производствомъ и распредѣленіемъ въ только что указанныхъ условіяхъ.

Тѣ, которые, подобно Брентано, называютъ разсмотрѣн-
й нами періодъ именемъ Haus - или Familien-Wirthschaft,
эхой двороваго или семейнаго хозяйства, не вполнѣ пере-
отъ ея характеръ, ибо не подлежитъ сомнѣнію, что про-
водство и потребленіе пока еще являются дѣломъ не семьи,
племени и рода. Недостаточно отрицать матріархатъ
і всякую другую группировку индивидовъ, кромѣ той, ко-
)ую представляетъ собою семья, основанная на власти
[а; надо еще обосновать на чемъ нибудь свой скепти-
змъ. Насмѣшливыми выходками противъ этнографовъ вы-
ощійся профессоръ Мюнхенскаго университета только обна-
килъ свою малую начитанность въ вопросахъ описательной
ціологіи. Но даже независимо отъ теоріи, стремящейся до-
зать, что бракъ есть явленіе относительно новѣйшее, сдѣ-
нный нами анализъ не позволяетъ дать названіе Haus- или
milien-Wirthschaft порядкамъ, при которыхъ очагъ, какъ
ковой, т. е. постоянное мѣстожительство и ограниченный
угъ родныхъ, играетъ самую незначительную роль. Мы пред-
читаемъ слѣдовательно связать эти первичныя фазы эконо-
ческой эволюціи съ идеей племени и рода.

II.

Исторія экономической литературы, развитію котор[ой] так много содѣйствовалъ своимъ ученымъ журналомъ Бру[но] Гильдебрандъ, не могла обойтись безъ общаго очерка различ[ных] ныхъ экономическихъ порядковъ, предшествовавшихъ современ[ному] нашему строю. Въ самомъ началѣ такихъ порядковъ насчиты[вали] вали три: натуральное хозяйство, денежное и кредитное (Naturalwirthschaft, Geldwirthschaft и Creditwirthschaft). Главнымъ возраженіемъ, которое могло-бы быть сдѣлано противъ раздѣленія исторіи на эти три періода, является отсутствіе точно установленной границы между двумя послѣдними изъ нихъ. Неоспоримо, что кредитъ появляется тотчасъ же за эпохой производства, имѣющаго цѣлью своей не обмѣнъ, а непосредственное потребленіе. Даже у такихъ отсталыхъ народовъ, какъ современные намъ осетины или русскіе славяне XI вѣка, мы встрѣчаемъ уже сдѣлки, основанныя на довѣріи. Скотъ ссужается на годъ или на нѣсколько лѣтъ, и проценты вычисляются соотвѣтственно вѣроятному числу телокъ и ягнятъ, которыхъ обѣщаетъ дать естественный приростъ скота къ концу назначеннаго срока. Такъ какъ корова можетъ телиться каждый годъ, то осетинскій обычай требуетъ, чтобы занимающій корову возвратилъ ее черезъ годъ съ теленкомъ, а черезъ два года, съ коровой, потому что телка двухъ лѣтъ уже можетъ быть матерью. Капиталъ удваивается такимъ образомъ въ два года, что даетъ 50%. Отправляясь отъ этого принципа, осетины приложили впослѣдствіи тотъ же разсчетъ къ денежнымъ займамъ. Такимъ образомъ становится понятнымъ, почему они могли считать совершенно законнымъ со стороны заимодавца требованіе, по которому должникъ обязывался уплатить черезъ годъ однихъ процен-

зъ половину взятой имъ суммы. Подобный-же взглядъ на ци не былъ чуждъ и другимъ народамъ. Такъ, индусскій цексъ, извѣстный подъ именемъ Віаза, уступаетъ кредитору :ественный приростъ скота и женщинъ-рабынь, данныхъ займы. Точно такъ-же «Русская Правда», упомянувъ о займѣ, гчасъ же высчитываетъ и приростъ, который можетъ быть лученъ отъ скота въ двадцать и въ двѣнадцать лѣтъ. Вы-га процентовъ, допускаемыхъ этимъ сводомъ, объясняется мой взглядъ тѣмъ, что къ деньгамъ примѣненъ былъ раз-этъ, установленный для ссуды скотомъ.

Во всѣхъ древнихъ законодательствахъ уже встрѣчается оминаніе о взиманіи процентовъ не только простыхъ, но сложныхъ. Рабство, въ которое были обращены низшіе ассы населенія Аѳинъ и Рима за долги евпатридамъ и пат-ціямъ, не поддавалось бы объясненію, если бы кредиторы овлетворялисѣ взиманіемъ простыхъ процентовъ. И одинаково ілъ бы непонятенъ тотъ фактъ, что индусскіе кодексы могли едвидѣть такой ростъ основного капитала и процентовъ,) ихъ сумма, даже еще при жизни должника, могла въ семь разъ превысить стоимость занятой вещи (Вишну, , 14). Но подсчетъ сложныхъ процентовъ есть операція столько тонкая, что трудно было бы допустить пользованіе въ отдаленную эпоху, еслибы народъ не находилъ прак-ческаго примѣра такой операціи въ приростѣ скота. Горцы гарскаго происхожденія, извѣстные подъ именемъ карат-евцевъ и живущіе тамъ, гдѣ жили нѣкогда осетины, произ-дятъ еще въ наши дни подсчетъ сложныхъ процентовъ, новываясь на естественномъ приростѣ коровъ. Такимъ обра-мъ не подлежитъ сомнѣнію, что ссуда съ процентами, т. е. едитъ, становится извѣстнымъ съ момента развитія обмѣна производства мѣновыхъ стоимостей.

Обстоятельствомъ, способствовавшимъ затемнѣнію этого проса, является запрещеніе канонистами, папами и соборами только ростовщичества, но и взиманія процентовъ. Не гѣли понять, что самый фактъ постояннаго повторенія суро-

выхъ наказаній противъ заимодавцевъ, наказаній сначала чисто религіозныхъ, а затѣмъ и свѣтскихъ, былъ вѣрнымъ залогомъ недѣйствительности этихъ мѣръ. Да и какъ можно было-бы объяснить въ противномъ случаѣ введеніе векселей въ итальянскихъ и фламандскихъ торговыхъ городахъ XII и XIII столѣтій или несмѣтное количество частныхъ банковъ, которое мы встрѣчаемъ въ XIII и въ XIV вѣкахъ въ Сициліи, въ Генуѣ, въ Венеціи, во Флоренціи, Ипрѣ, Брюггѣ, Гентѣ и т. д.?

Съ другой стороны, извѣстно, что чѣмъ больше расширяется обмѣнъ, чѣмъ больше производство имѣетъ въ виду потребителей всего свѣта, тѣмъ болѣе кредитъ замѣняетъ деньги; откуда еще вовсе не слѣдуетъ, что послѣднія должны исчезнуть и чтобы самый широкій обмѣнъ не приводилъ въ концѣ концовъ къ расплатѣ денежными знаками, какъ въ современныхъ Clearing-houses Лондона и Нью-Іорка. Такимъ образомъ третій періодъ, на который указываетъ Гильдебрандъ, не имѣетъ опредѣленнаго отправного пункта: начало его сливается съ эпохой, именуемой Гильдебрандомъ періодомъ денежнаго хозяйства, а торжество его не есть еще смертный приговоръ для порядка, основаніемъ котораго являются эти самыя деньги.

Мы думаемъ, поэтому, что установленные Гильдебрандомъ три періода могутъ быть сведены къ двумъ: къ періоду, въ который производство имѣетъ въ виду непосредственное и мѣстное потребленіе и который нѣмецкимъ экономистомъ обозначается именемъ натуральнаго хозяйства, и къ періоду, когда производство имѣетъ цѣлью созданіе мѣновыхъ цѣнностей, предназначенныхъ для все болѣе и болѣе расширяющагося рынка, немогущаго обойтись безъ денегъ и кредита. Впрочемъ терминологія Гильдебранда мнѣ вовсе не нравится. Терминъ «натуральное хозяйство» совершенно не представляетъ, на мой взглядъ, отличительнаго характера хозяйства, не имѣющаго другой цѣли, кромѣ непосредственнаго мѣстнаго потребленія. Съ другой стороны, не деньги и не кредитъ, а обмѣнъ является отличительной чертой современнаго строя. Мнѣ ка-

жется такимъ образомъ болѣе вѣрнымъ обозначить терминами: хозяйство непосредственнаго потребленія и хозяйство мѣновое, два большіе періода, пройденные до настоящаго времени экономической эволюціей. Замѣчу, что терминъ «хозяйство» употребляется здѣсь въ томъ же смыслѣ, какой придаетъ ему де-Серръ, авторъ *Ménage des champs*, т. е. въ смыслѣ экономическаго строя.

«Хозяйство непосредственнаго потребленія» не есть то-же самое, что «домашнее хозяйство», ибо оно можетъ одинаково вестись какъ племенемъ-родомъ или сельской общиной, такъ и главой помѣстья или городской корпораціей. Мы имѣли уже случай говорить о двухъ первыхъ его формахъ. Обратимся теперь къ организаціи хозяйства, разсчитаннаго на удовлетвореніе спроса въ предѣлахъ одного помѣстья или города. Но прежде всего опредѣлимъ точнѣе разницу между нашимъ взглядомъ и тѣмъ, который былъ высказанъ недавно нѣкоторыми нѣмецкими учеными и въ частности Бюхеромъ. На 15-ой страницѣ его *Монографіи о происхожденіи народнаго хозяйства* мы находимъ слѣдующее подраздѣленіе экономической исторіи на три періода:

1) періодъ домашняго хозяйства (Hauswirthschaft), живущаго своими собственными продуктами, не прибѣгающаго къ обмѣну и потребляющаго непосредственно все имъ самимъ производимое;

2) періодъ городского хозяйства, когда обмѣнъ ограниченъ болѣе или менѣе незначительнымъ числомъ обычныхъ покупателей, потребляющихъ пріобрѣтенныя стоимости безъ уступки ихъ кому либо, когда стоимости переходятъ прямо отъ производителя къ потребителю;

3) періодъ національнаго хозяйства, имѣющаго цѣлью производство товаровъ и ихъ обращеніе, когда одинъ и тотъ же продуктъ проходитъ черезъ цѣлый рядъ хозяйствъ раньше, чѣмъ сдѣлается предметомъ потребленія (Bücher, *Die Entstehung der Volkswirthschaft*).

Такимъ образомъ до упроченія національнаго хозяйства

Бюхеръ знаетъ только хозяйство нераздѣльной семьи и городское хозяйство. Чтоже сдѣлалъ онъ съ хозяйствомъ племени-рода и сельской общины, равно какъ и съ хозяйствомъ феодальнаго помѣстья? На этотъ вопросъ я не нахожу отвѣта; не могу также уловить прямого преемства между домашнимъ и городскимъ хозяйствомъ.

Исторія не исключаетъ впрочемъ возможности сосуществованія домашняго хозяйства съ родомъ и общиной, съ помѣстьемъ и городомъ. Хозяйства эти являются лишь однимъ изъ органовъ производства, въ которомъ участвуетъ гораздо большее число лицъ—всѣ члены племени-рода деревни и часто даже нѣсколькихъ деревень, входящихъ въ составъ одной и той-же *марки*, всѣ члены помѣстья или всѣ лица, живущія въ предѣлахъ одного и того-же городского округа.

Очагъ продолжаетъ оставаться однимъ изъ факторовъ производства, но только сокращается въ своемъ объемѣ, переходя отъ нераздѣльной семьи къ отдѣльной четѣ, въ то время какъ кругъ, внутри котораго происходитъ потребленіе богатствъ, стремится, наоборотъ, къ расширенію: мѣсто рода, включающаго въ себѣ нѣсколько родственныхъ очаговъ, занимаетъ болѣе многочисленное общество сосѣдей, входящихъ въ составъ одной и той-же деревни; еще позже деревня уступаетъ мѣсто агломераціи нѣсколькихъ населенныхъ центровъ, находящихся подъ властью одного и того-же феодальнаго сеньера (я разумѣю помѣстье). Далѣе наступаетъ сліяніе нѣсколькихъ помѣстій, или нѣсколькихъ независимыхъ селъ, или и тѣхъ, и другихъ въ одинъ городской округъ. Остается только распространить обмѣнъ на болѣе или менѣе значительное число какъ этихъ городовъ, такъ и помѣстій и селъ, чтобы, одновременно съ возникновеніемъ государства, перейти къ тому національному хозяйству, о которомъ говоритъ Бюхеръ.

Опуская всѣ промежуточныя стадіи развитія между очагомъ и городомъ, извѣстный лейпцигскій профессоръ не только даетъ экономической эволюціи совершенно ложный отправной пунктъ, но и втискиваетъ весь хозяйственный строй древности

въ одну изъ тѣхъ двухъ категорій, которыя предшествуютъ, по его теоріи, наступленію періода народнаго хозяйства. Благодаря той же ошибкѣ, и феодальное помѣстье, и сельская община, столь характерныя для среднихъ вѣковъ, появляются у него лишь подъ маской хозяйства двороваго или городского. Эдуардъ Мейеръ, въ блестящей конференціи на конгрессѣ нѣмецкихъ историковъ во Франкфуртѣ, подвергнулъ справедливой критикѣ то мнѣніе, по которому вся древность не знала мѣнового хозяйства и потребленіе не выходило изъ ограниченнаго круга производителей. Родбертусъ, говоритъ онъ, первый высказалъ мысль, что хозяйство древнихъ было хозяйствомъ изолированнымъ и самодовлѣющимъ. Подобный взглядъ на античную жизнь противорѣчилъ, правда, всему, что мы знаемъ о ней, противорѣчилъ настолько глубоко, что историки Греціи и Рима поостереглись придать ему какое бы то ни было значеніе. Совершенно иначе поступили экономисты. Этотъ взглядъ нашелъ себѣ недавно очень горячаго приверженца въ лицѣ профессора Карла Бюхера, рѣшающагося утверждать даже, что національное хозяйство появляется лишь вмѣстѣ съ современнымъ государствомъ. Не знавшій обмѣна періодъ домашняго хозяйства длился, по мнѣнію лейпцигскаго профессора, отъ самыхъ первыхъ временъ до среднихъ вѣковъ; въ него входитъ, слѣдовательно, вся древность.

Мейеръ безъ труда устанавливаетъ, что нарисованная Родбертусомъ и по Родбертусу Бюхеромъ картина древняго хозяйства, какъ основаннаго исключительно на принудительномъ трудѣ, точно такъ же, какъ и примѣненіе ко всей древности словъ Петронія и Варрона о безполезности купли въ виду возможности производить все у себя на дому (omnia domi nascuntur), даютъ совершенно неудовлетворительное понятіе, какъ объ извѣстныхъ древности разнообразныхъ экономическихъ порядкахъ, такъ и объ эволюціи ихъ въ сторону мѣнового хозяйства. Внѣ этой картины остается все то, что̀ разсказываетъ намъ Ѳукидидъ о свободныхъ крестьянахъ Пелопон-

неза, обрабатывающихъ свои собственныя владѣнія, все то, чему учатъ насъ историческіе документы объ обширной торговлѣ египетскихъ фараоновъ, снаряжающихъ торговыя флотиліи или устанавливающихъ рынки для обмѣна продуктовъ своей обширной имперіи. То же самое надо сказать объ ассирійцахъ, персахъ, финикіанахъ, евреяхъ, кареагенянахъ и еще въ большей степени о греческихъ колонистахъ передней Азіи, о жителяхъ Коринеа, Лакедемонъ и Аттики.

Картина, нарисованная Родбертусомъ и принятая на вѣру Бюхеромъ, вѣрна только въ примѣненіи къ эпохѣ упадка древней римской имперіи, когда создались извѣстныя подъ именемъ massae громадныя земледѣльческія хозяйства, дѣйствительно болѣе или менѣе упразднившія свободный трудъ; но даже въ это время еще можно было встрѣтить остатки независимыхъ крестьянскихъ коммунъ, какъ доказалъ это въ своей книгѣ *«О сельскихъ общинахъ въ Римской имперіи»* Шультенъ. И если рабство разраслось, то потому, что число земледѣльцевъ, въ силу многихъ причинъ, включающихъ въ себя и войны, и эпидеміи, и ростъ латифундій, уменьшилось настолько, что, по словамъ Пертинакса, въ 193 году нашей эры пришлось разрѣшить свободную окупацію пустопорожнихъ или запущенныхъ земель даже въ предѣлахъ императорскихъ доменовъ. Только въ эту эпоху латифундій, обработываемыхъ рабами и крѣпостными холопами, потребленіе могло ограничиться предѣлами помѣстья и имѣть объектомъ своимъ лишь то, что̀ производилось на мѣстѣ. Но и этотъ фактъ можетъ быть установленъ лишь для нѣкоторыхъ отдаленныхъ провинцій, а по отношенію къ провинціямъ сосѣднимъ съ такимъ крупнымъ населеннымъ центромъ, какъ Римъ, употреблявшій для удовлетворенія своихъ потребностей продукты всего міра, о немъ не можетъ быть и рѣчи. Мы не станемъ настаивать на очевидности этой, какъ нельзя болѣе ясной и документальной критики, и удовольствуемся тѣмъ выводомъ, что классификація, выбранная Бюхеромъ, совершенно не позволяетъ намъ прослѣдить тѣ прогрессы

и регрессы (употребляя терминъ, введенный въ моду де-Греффомъ), которые представляетъ экономія античныхъ народовъ.

Тоже самое можно сказать и по отношенію къ среднимъ вѣкамъ. Утверждая, что экономическій строй послѣднихъ представляетъ лишь двѣ формы: домашняго хозяйства и хозяйства городского, говорятъ еще не все, что̀ нужно сказать; но сказано больше, чѣмъ слѣдуетъ, утвержденіемъ, что производство мѣновыхъ стоимостей и циркуляція богатствъ были неизвѣстны въ средніе вѣка. Куда дѣвались при подобномъ заявленіи международныя ярмарки, крупныя коммерческія операціи венеціанцевъ, генуэзцевъ, каталонцевъ, фламанцевъ и т. д.? Какъ согласить эту доктрину съ существованіемъ многочисленныхъ кредитныхъ учрежденій, съ тѣми международными займами, поразительнымъ примѣромъ которыхъ является неоплаченный англійскимъ королемъ Эдуардомъ III долгъ торговому дому Перуцци во Флоренціи?

Такимъ образомъ, не устанавливая хронологической границы между потребительнымъ и мѣновымъ хозяйствомъ, удовлетворимся колеблющимся рубежемъ, который могъ быть перейденъ различными народами на разстояніи сотенъ и тысячъ лѣтъ. Эта мысль согласуется впрочемъ, какъ нельзя лучше, съ нашей общей теоріей, по которой ростъ населенія является главнымъ факторомъ всѣхъ эволюцій экономическаго строя, и которая объясняетъ слѣдовательно этимъ ростомъ и естественный переходъ къ производству мѣновыхъ цѣнностей, въ обращеніи которыхъ заинтересованъ цѣлый рядъ народовъ.

Преимущество нашей классификаціи заключается прежде всего въ извѣстной градаціи, позволяющей прослѣживать эволюцію экономическаго строя шагъ за шагомъ, по мѣрѣ того, какъ государство поглощаетъ собой независимыя хозяйства, роды, селенія, помѣстья, города, которые долго останавливали его ростъ. Въ пользу нашей доктрины говоритъ еще то, что она позволяетъ намъ искать зародышъ національнаго хозяйства въ эпоху, предшествующую установленію регулярнаго

обмѣна между производителями одного или нѣсколькихъ государствъ.

Намъ не нужно насиловать фактовъ, какъ дѣлаетъ это Лоріа, утверждая, что рента и заработная плата возникли лишь недавно, со времени окончательнаго поглощенія свободныхъ земель; рабство и крѣпостное состояніе являются, по мнѣнію итальянскаго экономиста, единственными порядками, могущими помѣшать рабочимъ эмигрировать цѣлыми массами на свободныя земли и тѣмъ самымъ насильно прекратить всякую культуру въ предѣлахъ помѣстья. Что касается до насъ, то мы не видимъ препятствія къ признанію, что рента и заработная плата возникаютъ еще въ эпоху хозяйства, ставящаго себѣ цѣлью непосредственное потребленіе и руководимаго феодальнымъ помѣщикомъ; онѣ появляются именно тогда, когда, въ виду большей густоты населенія, обнаруживается несостоятельность несвободнаго труда, обыкновенно мало производительнаго и въ тоже время требующаго многихъ земельныхъ пожертвованій со стороны собственника имѣнія.

Послѣдній могъ найти для себя выгоднымъ освободить своихъ крѣпостныхъ, оставляя за собой ихъ землю и отдавая ее потомъ въ вѣчную аренду этимъ-же самимъ вольноотпущенникамъ. Такъ какъ число рабовъ и крѣпостныхъ, благодаря этому, начало уменьшаться, то приходилось обращаться къ свободному труду тѣхъ-же освобожденныхъ, сначала спорадически, по случаю вспашки земель и жатвы, потомъ регулярно, помѣсячно и поденно. Мы увидимъ впослѣдствіи, что законодательство XIII и XIV столѣтій уже останавливалось на вопросѣ о заработной платѣ. Даже гораздо раньше этой эпохи мы встрѣчаемъ въ Греціи и въ Римѣ наемъ земель свободными работниками и принятіе послѣдними обязательствъ по отношенію къ собственнику. Заработная плата зарождается еще раньше въ городахъ, именно тамъ, гдѣ возникаетъ вопросъ о вознагражденіи свободнаго труда ремесленниковъ, не входящихъ въ составъ цеховъ и отправляющихъ свои занятія въ особыхъ кварталахъ, пользующихся преимуще-

ствами и изъятіями отъ цеховой подсудности. Точно также рента появляется въ городѣ, какъ только ставится на очередь вопросъ о передачѣ городскихъ усадебъ въ руки наслѣдственныхъ или срочныхъ фермеровъ. Правда, рента въ томъ смыслѣ, какой придаетъ ей Рикардо, т. е. вознагражденіе собственника за производительныя качества земли, вознагражденіе, растущее по мѣрѣ того, какъ обработка распространяется на земли меньшей плодородности, могла появиться лишь тогда, когда наслѣдственная аренда, иначе говоря эмфитевзисъ, вытѣснена была арендой на срокъ. Но и это было послѣдствіемъ прироста населенія, поднявшаго цѣны на землю и заставившаго собственника, въ его личныхъ интересахъ, положить конецъ наслѣдственнымъ арендамъ.

Точно также и заработная плата, какъ вознагражденіе за трудъ, вознагражденіе, высота котораго зависитъ отъ спроса и предложенія, окончательно вошла въ обыкновеніе лишь тогда, когда правительства отказались регламентировать цѣны на продукты и трудъ и подчинять своимъ тарифамъ предпринимателей и простыхъ исполнителей труда подъ страхомъ денежнаго штрафа и заточенія въ тюрьму. Это воспослѣдовало сравнительно недавно; законъ Елизаветы о нормѣ заработной платы отправляется еще отъ тѣхъ же принциповъ, которые руководили Эдуардомъ III въ XIV вѣкѣ, а также современными ему правительствами Франціи, Испаніи и Италіи.

Сводя все сказанное, я считаю себя въ правѣ сказать, что экономическая эволюція представляетъ двѣ главныя эпохи:

1) эпоху хозяйства, разсчитаннаго на удовлетвореніе мѣстнаго спроса и на непосредственное потребленіе,

2) эпоху мѣнового хозяйства.

Каждая изъ этихъ эпохъ подраздѣляется на періоды, различающіеся между собою степенью распространенія обмѣна соотвѣтственно увеличенію плотности населенія.

Мы переходимъ такимъ образомъ отъ хозяйства племени-рода и позднѣе сельской общины къ хозяйству помѣстья и

города, чтобы закончить національнымъ хозяйствомъ нашего времени, начинающимъ эволюціонировать въ свою очередь. И не нужно быть пророкомъ, чтобы предсказывать наступленіе мірового хозяйства, которое пойдетъ самостоятельнымъ путемъ развитія и едва ли въ состояніи будетъ помириться съ существующей общественной организаціей.

ЛЕКЦІЯ ВТОРАЯ.

емледѣльческая община, происхожденіе и характеръ помѣстнаго хозяйства.

Одной изъ самыхъ характерныхъ чертъ, отличающихъ овременный экономическій строй отъ строя родовой или ельской общины, является частная недвижимая собственность. о послѣдняя не устанавливается сразу по отношенію ко ѣмъ землямъ безъ различія. Мауреръ и многіе другіе послѣ его доказали, что раздѣлу подверглись на первыхъ порахъ лько пашни и сѣнокосы. Пастбища и лѣса оставались неѣлимыми, но площадь ихъ постепенно сокращалась, благодаря іспашкамъ и огораживаніямъ. Даже пахатныя земли дѣлились е всѣ. Большая часть ихъ въ эпоху, слѣдовавшую за образоініемъ помѣстій, оставалась еще въ рукахъ крестьянъ-общин-иковъ. Не будучи собственницей, сельская семья только льзовалась продуктами съ надѣловъ, разбросанныхъ полоіми въ различныхъ поляхъ помѣстья. Совокупность этихъ лосъ составляла надѣлъ (извѣстный подъ именемъ hube, ife, mansus или virgata, сообразно тому, идетъ ли рѣчь о рманіи, Франціи, Италіи или Англіи). Раздѣлы между члеіми одного и того-же очага привели къ дробленію долей и здали въ концѣ концовъ *dimidii mansi* и *halbe hufen*; мельчаніе доходило до того, что отдѣлившемуся отъ семьи ену доставалась буквально одна полоса—поле, виноградкъ, лугъ. Все это не мѣшало надѣламъ одного и того-же мѣстья сохранять очень долго равную величину, что позляетъ предполагать существованіе нѣкогда общихъ и пеодическихъ передѣловъ.

Въ болѣе позднее время довольствовались уже однимъ правленіемъ прежнихъ нарѣзокъ и вслѣдъ за раздѣломъ

семей производили и раздѣлъ причитающихся имъ въ общихъ земляхъ полосъ. Вездѣ, гдѣ, благодаря новымъ распашкамъ, появлялись хутора, изъ земель, уже обрабатывавшихся раньше, и изъ земель, по которымъ только-что прошла соха, составлялось одно цѣлое. Но это являлось возможнымъ лишь при условіи извѣстныхъ измѣненій въ распредѣленіи надѣловъ, чѣмъ и мотивировалось частичное исправленіе ихъ. Многочисленные примѣры подобныхъ распорядковъ еще недавно встрѣчались въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сѣверной Россіи. Крестьяне этихъ мѣстностей употребляли слово *припустить* всякій разъ, когда рѣчь шла о включеніи земель вновь образовавшагося хутора въ общій сѣвооборотъ деревни.

Чертой, общей свободной общинѣ и помѣстью, является то, что земли подъ обработкой не огораживались и надѣлы крестьянъ располагались въ «открытыхъ поляхъ» (open fields, какъ назывались они втеченіе вѣковъ въ Англіи); и индивидуальное владѣніе, благодаря уже одному этому факту, могло быть защищаемо лишь отъ момента посѣва до жатвы. Остальное время года земли подлежали свободному прогону стадъ. Таково дѣйствительное происхожденіе этого обычая, не безъ основанія выдаваемаго экономистами всѣхъ странъ за серьезное препятствіе къ интенсивной культурѣ.

Чтобы составить себѣ болѣе опредѣленное понятіе о свободной сельской общинѣ и помѣстьи, мы познакомимся со строемъ германской марки, обширной земледѣльческой общины, которую можно найти только въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ— до занятія ихъ варварами — земля не входила въ составъ римскихъ латифундій, такъ называемыхъ *massae* или *saltus*. Только здѣсь и можно прослѣдить шагъ за шагомъ процессъ зарожденія помѣстья, ибо въ другихъ мѣстахъ мы застаемъ его уже сформировавшимся гораздо раньше завоеванія. Именно это и заставляетъ меня приковать ваше вниманіе къ правому берегу Рейна, который, какъ вамъ извѣстно, очень долго былъ границей Римской имперіи. Крупныя владѣнія, извѣстныя подъ именемъ *massae* и *saltus*, не

существовали слѣдовательно въ этихъ мѣстностяхъ. Германцы не были поставлены въ необходимость войти въ составъ крупныхъ земледѣльческихъ хозяйствъ, основанныхъ на трудѣ рабовъ и крѣпостныхъ. Имъ не приходилось дѣлиться съ римлянами, становиться ихъ незваными гостями и этимъ самымъ подчиняться, по крайней мѣрѣ отчасти, ихъ способу эксплоатаціи земли.

Громадныя сельскія общины, извѣстныя подъ именемъ марокъ, невозможныя въ Галліи, въ Испаніи или въ Италіи, могли образоваться въ Германіи. Изслѣдованіе ихъ грамотъ, ренталей и полиптиковъ позволяетъ намъ слѣдовательно прослѣдить шагъ за шагомъ то естественное движеніе, которое привело къ созданію помѣстья и свойственнаго ему экономическаго порядка.

На первыхъ порахъ терминъ марка обозначалъ собой не болѣе, какъ границу,—все равно, частныхъ владѣній или государственныхъ территорій. Въ этомъ смыслѣ употребляетъ его рипуарская правда, говоря о случаѣ, когда кто, переступая границу, завладѣетъ чужимъ участкомъ. Аллеманскіе и баварскіе законы безразлично обращаются то къ слову «марка», то къ слову «terminus» для передачи одного и того же понятія. Грамоты VIII и IX в.в. въ этомъ отношеніи не расходятся съ варварскими законами: и имъ «marca» извѣстна въ смыслѣ границы. Въ дарственныхъ и купчихъ начала IX в. выраженіе «*cum omni termino suo*» замѣняется еще фразою «*cum omni marca sua*»; нерѣдко оба термина finis и marca употребляются одновременно.

Но изъ всего этого не слѣдуетъ, чтобы, на-ряду съ общеупотребительнымъ ея значеніемъ, «марка» не получила также весьма рано и другого: значенія округа, расположеннаго въ извѣстныхъ границахъ и заключающаго въ себѣ всякаго рода владѣнія, какъ общинныя, такъ и частныя. Ошибка тѣхъ, кто, подобно Фюстель-де-Куланжу, отрицаетъ существованіе въ Германіи свободной сельской общины и всякаго аграрнаго коммунизма, лежитъ, по моему, въ непра-

вильномъ пониманіи этого переносного значенія слова *марка*. Съ VII вѣка, по ихъ мнѣнію, тексты употребляютъ его только въ смыслѣ частной собственности. Но такъ-ли это на самомъ дѣлѣ? Можно-ли утверждать, что марка, разъ ею не передается понятіе границы, совпадаетъ съ частнымъ владѣніемъ? Чтобы убѣдиться въ противномъ, разберемъ нѣкоторые изъ случаевъ употребленія въ источникахъ этого термина. Грамоты Сенъ-Галленскаго аббатства, а также монастыря въ Виссенбургѣ, не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что въ составъ марки входило нерѣдко два и болѣе селеній, и что тотъ территоріальный округъ, который памятники VII и VIII вв. передаютъ словомъ «сотня», подчасъ совпадалъ съ нею.

Правда, чаще всего границы марки сливаются съ границами той земельной площади, которая принадлежитъ виллѣ (villa) или селенію, откуда выраженія вродѣ слѣдующихъ: *in villis vel in marchis*, *in villa vel in marcha*, но и въ этомъ случаѣ марка не всегда обозначаетъ собой «частное имѣніе», такъ какъ въ виллѣ можетъ быть нѣсколько совладѣльцевъ, о чемъ подчасъ упоминаютъ источники, говоря о сосѣдяхъ (vicini), какъ объ участникахъ въ передачѣ права собственности на ту или другую виллу.

Подобнаго рода случаи попадаются въ Баваріи уже въ правленіе герцога Тассило. Мы встрѣчаемъ ихъ и въ болѣе позднюю эпоху, въ той-же Баваріи отъ 1248 г., въ Рейнгау отъ второй половины XII в. Послѣдній случай настолько характеренъ, что заслуживаетъ быть приведеннымъ въ подлинникѣ: «Мы, жители этого селенія, въ совокупности, какъ богатые, такъ и бѣдные, а равно и средняго состоянія люди, съ общаго согласія передаемъ часть лѣса такому-то. Въ этомъ лѣсу никто изъ насъ не владѣетъ ничѣмъ въ собственность, и принадлежитъ онъ сообща всѣмъ живущимъ въ нашемъ селеніи».

Въ дарственныхъ и купчихъ, собранныхъ Лакомбле, мы находимъ на каждомъ шагу доказательство той мысли, что не вся земля марки находилась въ частной собственности, и что именно лѣса и пастбища были недѣлимы. Даритель или

продавецъ могли смотрѣть на нихъ, только какъ на объектъ пользованія, что впрочемъ ни мало не исключало возможности отчужденія ихъ третьимъ лицамъ.

Обыкновенная формула для передачи собственности, формула, которая не употреблялась нотаріусами, когда рѣчь шла объ уступкѣ только права пользованія, гласитъ: «изъ моей собственности переношу въ твою» [1]); иногда дѣлается еще прибавка: «дабы ты дѣлалъ изъ уступаемаго, что̀ тебѣ всего болѣе будетъ желательно, и имѣлъ право держать его, владѣть имъ и по смерти передать наслѣдникамъ» [2]). Совсѣмъ иначе выражаются тѣ-же грамоты о правахъ пріобрѣтателя на лѣсъ или пустошь. Терминъ *potestas* или *dominatio*, сопровождающійся нерѣдко эпитетомъ *aliqua* (нѣкоторая), или еще болѣе опредѣленное выраженіе *communio*,—совмѣстное обладаніе,—замѣняютъ каждый разъ слово собственность (*proprietas*). Въ такихъ случаяхъ говорится объ уступкѣ продавцомъ или дарителемъ «*communionem in silvam*», т. е. совмѣстнаго участія въ лѣсѣ.

Что, спрашивается, слѣдуетъ разумѣть подъ этимъ *communio*, подъ этимъ соучастіемъ? Всякаго рода общинное пользованіе, кѣмъ-бы оно ни осуществлялось, крѣпостными или свободными. Мѣстные обычаи опредѣляютъ размѣры и характеръ этого пользованія. Отмѣтимъ между прочимъ выпасъ свиней въ лѣсу, причемъ иногда опредѣляется самое число свиней, какое въ правѣ посылать въ лѣсъ каждый владѣлецъ надѣла, иногда же ихъ право на этотъ счетъ остается неограниченнымъ. Кормомъ для свиней служитъ находимый ими въ лѣсу желудь, почему посылка свиней въ лѣсъ допускается лишь въ тѣ годы, когда на дубахъ много желудей. Принадлежность такого права пользованія лицамъ, живущимъ въ предѣлахъ помѣстья, не устраняетъ возможности припущенія къ нему помѣщикомъ и постороннихъ лицъ. Какъ собственникъ

[1]) Ex mea proprietate trado atque transfundo in tuam.

[2]) Ut facias de eo quod malueris, hoc est habendi, tenendi suisque successoribus relinquendi habeas potestatem.

лѣса, онъ свободно отчуждаетъ отдѣльные виды пользованія имъ.

На-ряду съ выпасомъ свиней въ общинномъ лѣсу источники упоминаютъ также о посылкѣ въ него скота. Съ середины XII вѣка, какъ указываетъ Моне, а за нимъ и Фюстель де-Куланжъ, лѣса, служащіе пастбищемъ, получаютъ въ простонародіи наименованіе альменды. Принадлежность этихъ альмендъ помѣщику дѣлаетъ возможнымъ надѣленіе имъ правомъ выпаса лицъ, живущихъ внѣ предѣловъ помѣстья, въ томъ числѣ сосѣднихъ церквей и монастырей, и въ конечномъ результатѣ ведетъ къ сокращенію доходовъ, получаемыхъ отъ ихъ эксплоатаціи крестьянами.

Служа пастбищемъ для общаго стада, частные лѣса вмѣстѣ съ тѣмъ доставляютъ матеріалъ для топлива и построекъ и не однимъ только собственникамъ ихъ, но и всему зависимому населенію помѣстья. Порядокъ эксплоатаціи повидимому далеко не былъ раціональнымъ, такъ какъ уже въ грамотахъ X и начала XI вѣковъ предвидится возможность того, что лѣсъ будетъ изведенъ. Въ жалованныхъ грамотахъ мы встрѣчаемъ также упоминаніе и о правѣ брать изъ лѣсу опредѣленное количество топлива и столько деревьевъ, сколько нужно для поддержанія мѣстныхъ жилищъ и построекъ.

Желая заблаговременно избѣжать опустошенія лѣса порубками, собственники нерѣдко объявляли его запретнымъ, иначе говоря, закрывали доступъ къ нему для всѣхъ лицъ, поселенныхъ въ ихъ помѣстьяхъ. Ихъ побуждало къ тому преслѣдованіе не однѣхъ только хозяйственныхъ цѣлей, но и любовь къ охотѣ, требовавшая сохраненія лѣсовъ, какъ любимаго мѣстопребыванія пушного звѣря, лисицъ, волковъ, медвѣдей, а также всякаго рода дичи, оленей, козъ, зайцевъ и т. п. Неудивительно поэтому, если источники часто говорятъ о рощахъ, которыя удержаны были въ интересахъ охоты въ спеціальномъ пользованіи самого собственника. Въ числѣ отчуждаемыхъ имуществъ заходитъ наконецъ рѣчь о waldmarca, т. е. о цѣломъ лѣсномъ округѣ, какъ состоящемъ не

въ совмѣстномъ пользованіи крестьянъ съ помѣщикóмъ, а въ исключительномъ обладаніи послѣдняго.

Соучастіе въ пользованіи лѣсомъ и другими угодьями составляетъ необходимый придатокъ къ владѣнію, все рàвно, свободному или зависимому,—владѣнію большимъ или меньшимъ участкомъ земли, расположеннымъ въ предѣлахъ марки. Документы VIII вѣка даютъ намъ на этотъ счетъ драгоцѣнныя указанія. Въ одной грамотѣ 799 года упоминается случай покупки гуфы или манзы земли, или, чтó то-же, нормальнаго надѣла. За покупкой гуфы (hova) слѣдуетъ отдача ея въ даръ монастырю въ Верденѣ, но при этомъ дѣлается оговорка: «*dominationem*, *quae ad illam hovam respexit*, *seu in silva*, *sive in aquis et pastu vel in comprehensione*» [1]) покупатель удерживаетъ за собою. Изъ этого текста съ очевидностью слѣдуетъ, что владѣніе гуфой давало право на *dominatio* или, чтó то-же, какъ мы видѣли, на *communio* не только въ пользованіи строительнымъ матеріаломъ и топливомъ, но и правомъ выпаса. Это обстоятельство объясняетъ, почему источники такъ рѣдко упоминаютъ объ общихъ пастбищахъ, не входящихъ въ раіонъ лѣса.

Лишь съ того момента, когда корчеваніе съузило площадь, занимаемую лѣсами, независимыя пастбища оказались необходимы. И лишь въ видѣ исключенія мы встрѣчаемъ то здѣсь, то тамъ *communia pascua*, т. е. пастбища, лежащія внѣ лѣсовъ и предназначенныя для общаго пользованія. Общія пастбища очень часто находились на горахъ и назывались тогда *альпами*, — терминъ, сохранившійся еще понынѣ во многихъ мѣстностяхъ Германіи и Швейцаріи.

Грамоты VIII и IX вѣковъ, говоря о продажахъ и покупкахъ, чаще всего употребляютъ терминъ *villa*. Фюстель де-Куланжъ видитъ въ этомъ вѣрный признакъ существованія помѣстій и частныхъ владѣній. Но нотаріусы VIII вѣка были

---

[1]) «Владѣніе, которое къ той гуфѣ относится, лѣса, воды или пастбища, или заимки».

далеко не совершенными латинистами. Они часто смѣшиваютъ *vicus* съ *villa* и говорятъ объ отчужденіяхъ, сдѣланныхъ восемью, десятью или всѣми собственниками одной и той же виллы, которые вмѣстѣ со своимъ надѣломъ уступаютъ и свои права общаго пользованія. Свободныя села слѣдовательно не безъизвѣстны, но грамоты мало говорятъ о нихъ. Да иначе и не могло быть, потому что крестьяне-общинники и прежде, и теперь очень рѣдко прибѣгаютъ къ нотаріусу; они предпочитаютъ передавать свои надѣлы отъ поколѣнія къ поколѣнію. Въ эпоху, когда установился феодализмъ, т. е. къ IX вѣку, о независимыхъ общинахъ говорится только по случаю ихъ перехода во владѣльческія.

Чаще всего передача земель дѣлается цѣлыми группами мелкихъ собственниковъ одной и той-же виллы, иногда всей совокупности *vicini* (сосѣдей), и въ такомъ случаѣ нѣкогда свободная община становится зависимой. Но встрѣчаются также случаи, когда мелкая собственность держится рядомъ съ крупной, что придаетъ общинѣ смѣшанный характеръ свободы и крѣпостной зависимости и пріобщаетъ въ пользованіи общими лѣсами и пастбищами къ свободнымъ собственникамъ надѣла и феодальнаго помѣщика, и крѣпостного крестьянина. Съ каждымъ поколѣніемъ однако число такихъ, какъ свободныхъ, такъ и смѣшанныхъ общинъ, становится все меньше и меньше; въ Германіи, какъ и во Франціи или въ Англіи, все болѣе и болѣе подготовляется тотъ порядокъ земельныхъ отношеній, выраженіемъ котораго служитъ афоризмъ: «*nulle terre sans seigneur*».

Необезпеченность мелкой собственности среди плохо еще замиреннаго общества, потребность въ заступничествѣ и покровительствѣ, учащаютъ случаи отдачи себя не въ кабалу и не въ крѣпость, а въ феодальную зависимость, тѣмъ болѣе, что послѣдняя не устраняетъ возможности владѣть по-прежнему отчужденнымъ сеньеру участкомъ на правахъ долгосрочной аренды.

Грамоты IX вѣка упоминаютъ объ общинахъ, свобод-

хъ или смѣшанныхъ, только тогда, когда нужно объявить, тотъ или иной *homo liber* по собственной волѣ своей упилъ свою землю сосѣднему сеньеру и согласился въ же время сдѣлаться его подвластнымъ и пользоваться зем-, бывшей его собственностью, лишь какъ принадлежностью ѣстья. Не мало причинъ толкало свободныхъ людей къ мъ отреченіямъ,—къ тому, чтобы обмѣнять свою собствен-ть на «прекарій» или зависимое владѣніе и самому пе-ти изъ положенія независимаго человѣка въ положеніе ента.

Одинъ заявляетъ, что ему нечего ѣсть и не во что одѣться; гой, что онъ угнетенъ сильными людьми и ищетъ защит-а; третій, что не хочетъ подвергаться вымогательству рщиковъ податей или военному набору; его притягиваетъ бода отъ общей подсудности, какою пользуется феодальное ѣстье; онъ предпочитаетъ подчиняться скорѣе своему силь-у сосѣду, чѣмъ вѣроломнымъ агентамъ живущаго вда-ѣ государя, неспособнаго знать ни его нуждъ, ни дѣй-ительнаго состоянія его имущественныхъ средствъ.

Прибавьте къ этому ту неразборчивость, съ которой импе-оры, короли, герцоги и т. д. располагаютъ часто землями бодныхъ собственниковъ, вознаграждая ими духовныхъ или нныхъ лицъ и обращая ихъ тѣмъ самымъ въ феодальныхъ ьеровъ прежде свободнаго населенія. Тѣ, которымъ навязы-тся подобный патронатъ, не всегда принимаютъ его безъ со-тивленія. Такъ, жители Белладжіо, въ настоящее время одной ь наиболѣе посѣщаемыхъ туристами деревень на озерѣ Комо, ргично протестуютъ противъ императора Фридриха Барба-сы, подарившаго ихъ церкви и аббатству Св. Амвросія въ ланѣ. «Самъ императоръ, говорятъ они въ своей жалобѣ, имѣетъ права отдавать другому то, что не принадлежитъ ». Но какъ малочисленны протесты подобнаго рода, уцѣ-шіе въ архивахъ помѣстій! Да и могло ли быть иначе, разъ ѣщики были заинтересованы въ истребленіи этихъ актовъ, безграмотные крестьяне были мало склонны съ составленію

собственныхъ архивовъ. Слѣдствіемъ такихъ вольныхъ или не вольныхъ изъявленій покорности было превращеніе марки въ помѣстье, принадлежащее свѣтскому или духовному фео дальному сеньеру.

Не всѣ впрочемъ марки имѣли такую судьбу. Добра часть ихъ оставалась еще въ состояніи перехода отъ мелко собственности къ крупной, отъ общиннаго владѣнія к частному. Достаточно взглянуть на входящія въ составъ по мѣстья земли, чтобы убѣдиться, что оно возникло мало-по-ма и обняло собою какъ цѣлыя селенія совладѣльцевъ, так и отдѣльные хутора, созданные путемъ корчеванія. Терми нами, наиболѣе употребительными въ X вѣкѣ для обозна ченія частнаго владѣнія, были слова *allod*, *exartum* и *com paratum*. Послѣдній, обозначающій пріобрѣтеніе путемъ по купки, встрѣчается не такъ часто, но этого нельзя сказат о двухъ другихъ. Одинъ изъ нихъ (allod) обозначаетъ на слѣдственное владѣніе, другой — владѣніе, добытое корчева ніемъ. Но слово *allod* происходитъ отъ lot или los (доля часть); приходится допустить слѣдовательно, что алодъ имѣл въ своемъ основаніи раздѣлъ общинной собственности, воспо слѣдовавшій въ болѣе или менѣе отдаленную эпоху. Родител передавали свои доли дѣтямъ; такимъ путемъ доли эти пре вращались въ частную собственность, въ *terra aviatica*, в «дѣдину», употребляя выраженіе, встрѣчающееся въ законах рипуарскихъ франковъ.

Не менѣе выразителенъ терминъ *exartum*, очень часто замѣняемый словомъ «новь» или Bifang. Всѣ эти наименованія обозначаютъ одинъ и тотъ же актъ аппропріаціи земли, быв шей нѣкогда общинной, путемъ поднятія нови,—аппропріаціи которая разрѣшалась всѣми *vicini* или *commarcani*. Одно уже это разрѣшеніе создавало для корчевщика законный титулъ позволяло ему смотрѣть на свою заимку, какъ на частную собственность.

Источники подробно описываютъ иногда самый процессъ ея зарожденія, и въ этомъ случаѣ не остается сомнѣнія, что

амъ, гдѣ нынѣ мы имѣемъ частную собственность, еще неавно не было иного владѣнія, кромѣ общиннаго. Въ самомъ ѣлѣ, стоитъ собрать тѣ отрывочныя указанія, какія по вопросу о происхожденіи экзарта содержатъ грамоты отъ VII по I столѣтія, чтобы увидѣть, что источникъ его происхожденія ылъ вездѣ одинъ и тотъ же, именно аппропріація общинной земли астнымъ лицомъ или цѣлою группою лицъ, утилизація дотолѣ икѣмъ не тронутыхъ участковъ общинной пустоши и лѣса. авоеваніе собственности трудомъ, хозяйственной эксплоатаціей силъ природы—таковъ дѣйствительный характеръ заимки ли *Bifang*'а.

Вотъ, напримѣръ, что говоритъ о такой заимкѣ жалованная рамота Генриха фонъ-Руръ отъ 796 года, называя ее терином «*comprehensio*»; даритель поясняетъ, что источниомъ ея происхожденія былъ его собственный трудъ (*terra roprii laboris mei*). Другая грамота, 801 года, заимствоанная подобно предыдущей изъ хартуларія аббатства въ ерденѣ, рисуетъ намъ самый процессъ производства такихъ аимокъ. Корчеваніе лѣса, необходимый шагъ къ его утилиаціи, какъ поля, дѣлается не всегда единичными усиліями дного человѣка. Ему помогаютъ обыкновенно его друзья и одные (*proximi et amici*). Въ сообществѣ съ ними (in comiunione proximorum) приступаетъ заимщикъ къ очисткѣ земли тъ лѣса, обращаясь при этомъ къ самому простому и дѣйтвительному средству истребленія его огнемъ.

Обыкновеннымъ послѣдствіемъ корчеванія является устаювленіе межъ и видимыхъ пограничныхъ знаковъ; о такомъ ктѣ упоминаетъ между прочимъ одна купчая 848 года, въ коорой значится, что земля послѣ очистки была обойдена юдьми покупателя, которые *novis signis eam obfirmaverunt*. Корчеваніе лѣса становится дѣломъ столь обычнымъ, что заимки дного лица нерѣдко граничатъ съ заимками другого. Такъ, ъ лѣсу Гейси, наряду съ заимками, перешедшими въ руки ббатства въ Верденѣ въ видѣ дара первыхъ воздѣлывателей, іы встрѣчаемъ еще рядъ другихъ, остававшихся до 800 года

въ рукахъ трехъ нераздѣльно владѣвшихъ ими братьевъ и только въ этомъ году уступленныхъ ими монастырю. Въ другой грамотѣ отъ 801 года мы читаемъ, что comprehensio, сдѣланная нѣкіимъ Гильдирадомъ, граничитъ съ тою, которую in proximo angulo человѣкъ, именемъ Фолькбертъ, *olim stirpare inchoavit* (началъ недавно очищать).

Изученіе топографическихъ названій, предпринятое Арнольдомъ въ одной изъ мѣстностей Германіи, въ Гессенѣ, привело его къ заключенію, что изучаемая нами эпоха была временемъ широкаго корчеванія и производства заимокъ, а слѣдовательно ранѣе ея наступленія значительная часть земель еще лежала неутилизированной, составляла общинное угодье. Спрашивается однако, какія причины вызвали къ жизни столь быстрое и широкое развитіе корчеванія, откуда потребность въ такомъ истребленіи лѣсовъ, въ такомъ расширеніи состоящей подъ обработкою площади?

Отвѣтъ на это даетъ намъ одна грамота, заявляя, въ подлинныхъ выраженіяхъ, что пахатная земля даетъ гораздо больше, чѣмъ пользованіе лѣсомъ (quod utilius sit quam silva utilitatis conferre possit). Итакъ, въ общественное сознаніе проникло убѣжденіе, что оставленіе земли подъ лѣсомъ убыточно. Относительное замиреніе общества, результатъ прекратившихся нашествій и проведеннаго Карловингами политическаго объединенія, должно было вызвать небывалую дотолѣ въ Германіи густоту населенія и потребовать слѣдовательно расширенія земледѣльческаго производства. Во времена императора Конрада, вмѣстѣ съ быстрыми успѣхами феодализма и начавшейся снова общественной безурядицей, сеньеры, не довольствуясь корчеваніемъ собственныхъ лѣсовъ, сплошь и рядомъ производятъ заимки въ чужихъ. Въ одной монастырской лѣтописи, лѣтописи аббатства въ Фульдѣ, въ числѣ прочихъ обвиненій, возводимыхъ противъ свѣтскихъ сеньеровъ, между прочимъ значится, что бѣднѣйшіе изъ нихъ «*faciebant sibi novalia et villas in nemoribus et forestibus Sancti Bonifacii*» (патрона монастыря), т. е. занимали участки

онастырскаго лѣса и этимъ путемъ пріобрѣтали себѣ цѣлыя омѣстья (*villae*). Очевидно, что подобные захваты не должны ыли ограничиваться одними монастырскими владѣніями, что кертвою ихъ прежде всего должна была сдѣлаться плохо защищенная крестьянская собственность, и что, въ частности, ѣ silvae communes или общіе лѣса марки, о которыхъ нами ыло говорено выше, во многихъ мѣстностяхъ совершенно счезли подъ заимками никѣмъ не сдерживаемыхъ сеньеровъ.

Объ этихъ узурпаціяхъ не разъ упоминается въ судебныхъ приговорахъ IX и X вѣковъ. Предметомъ спора, который каждый разъ признается ими стариннымъ, служитъ вопросъ о томъ, могутъ ли жители той или другой виллы пользоваться общинными угодьями въ силу принадлежности имъ права собственности (*per suam auctoritatem*), или въ предоставленномъ имъ пользованіи слѣдуетъ видѣть не болѣе, какъ милость сосѣдняго сеньера, временное пожалованіе, которое ежечасно можетъ быть взято обратно (*an ex eiusdem loci domini precario*). Приговоръ высказывается въ пользу раздѣла спорнаго участка на равныя части, изъ которыхъ одна предоставляется исключительно во владѣніе сеньера, о другой же говорится, чтобы въ ней впредь «*omnia omnibus essent communia in lignis cedendis et sagina porcorum et pastu pecorum*». Что это значитъ, какъ не то, что, признавая въ принципѣ совладѣніе крестьянъ съ помѣщикомъ и желая дать обѣимъ сторонамъ возможность выйти изъ нераздѣльности, судъ прибѣгаетъ къ наипростѣйшему способу уравненія ихъ правъ, къ равному раздѣлу?

Сопоставимъ теперь съ этими фактами тѣ, которые представляютъ намъ нѣкоторыя грамоты XI и XII вѣковъ по вопросу, кому принадлежало право распоряженія общинными угодьями. Если оно всецѣло сосредоточивалось въ рукахъ помѣщика, то довольно вѣроятнымъ является принадлежность ему титула собственности; но если, наоборотъ, самъ онъ въ распоряженіи ими подчасъ связанъ былъ необходимостью испросить разрѣшеніе у представителя государственной власти, то не

остается сомнѣнія въ томъ, что мы имѣемъ дѣло съ дозволеннымъ правительствомъ отчужденіемъ общественной земли. Одинъ подобнаго рода случай занесенъ въ грамоту 1099 г., выданную архіепископомъ кёльнскимъ, Германомъ III, аббату монастыря въ Браувейлеръ, именемъ Вецело. Аббатъ ходатайствовалъ передъ епископомъ о разрѣшеніи ему заимки въ лѣсу «qui dicitur Bram». Его просьба была уважена съ тѣмъ. чтобы размѣръ выкорчеванной земли не превышалъ того. сколько нужно «ad unum mansum», т. е. для полнаго крестьянскаго надѣла. Спрашивается, почему аббатъ не приступаетъ прямо къ производству заимки, а испрашиваетъ сперва согласія у епископа? Можетъ быть по той причинѣ, что лѣсъ епископскій? Но грамота прямо называетъ его лѣсомъ аббата (sua foresta). Въ такомъ случаѣ, не для того-ли, чтобы избѣжать платежа церковной десятины, слѣдуемой каждый разъ при вспашкѣ нови? Но о такой милости въ грамотѣ не упоминается. Остается допустить только одно, что лѣсъ, о которомъ идетъ рѣчь, былъ silva communis, состоялъ въ общемъ владѣніи монастыря и сосѣднихъ крестьянъ, что, пока дѣло шло только о предоставленіи третьимъ лицамъ правъ пользованія въ немъ, помѣщикъ свободно могъ распоряжаться имъ; но разъ возникъ вопросъ о совершенной отмѣнѣ, по крайней мѣрѣ по отношенію къ части его, прежней нераздѣльности и общности, разъ зашла рѣчь о превращеніи его въ частную собственность путемъ заимки, потребовалось разрѣшеніе власти. Въ данномъ случаѣ представителемъ ея явился епископъ кёльнскій, какъ верховный феодалъ; и его pontificalis auctoritas, какъ значится въ грамотѣ, утвердила законность подобной заимки.

Не слѣдуетъ однако представлять себѣ дѣло такъ, что всякой заимкѣ въ общинномъ лѣсу предшествовало разрѣшеніе ея властью. Пока пустопорожней земли было много, никто не былъ заинтересованъ въ томъ, чтобы противиться одиночнымъ попыткамъ обращенія ея подъ обработку. Поэтому въ большинствѣ случаевъ было достаточно молчаливаго

огласія сосѣдей-совладѣльцевъ, и спеціальное разрѣшеніе испрашивалось лишь тогда, когда являлась необходимость легаизировать свой поступокъ въ глазахъ недовольныхъ имъ лицъ. ъ увеличившейся густотой населенія и сокращеніемъ лѣсной лощади возникли условія, неблагопріятныя для дальнѣйшей вободы заимокъ. Этимъ объясняется, почему изъ этой позднѣйıей эпохи XII, XIII и XIV столѣтій дошло до насъ большинтво актовъ, говорящихъ объ открыто выраженномъ совлаѣльцами дозволеніи произвести тотъ или иной exartum или ovale, почему такое разрѣшеніе съ этого только времени тало отмѣчаться въ грамотахъ, какъ доказательство тому, то заимка сдѣлана legaliter, что земля legibus comprehensa uerit, т. е. занята законно или согласно съ законами.

Общераспространенное въ VIII вѣкѣ корчеваніе уже въ это ремя является старинной практикой. Грамоты, дошедшія до ıасъ отъ конца столѣтія, упоминаютъ объ «agris qui extirati *sunt a patribus aut ab hominibus nostris*», т. е. нашими предками или нами самими.

Рядомъ съ собственностью, созданной трудомъ, мы наодимъ также и землю, купленную или перешедшую по налѣдству. Доставшіяся этимъ путемъ или въ силу покупки, емли уже считаются въ первомъ случаѣ родовой, во втоомъ—благопріобрѣтенной собственностью; о нихъ говорится, акъ о haereditas, какъ объ allodum.

Источники продолжаютъ слѣдовательно различать три формы собственности. Полная уступка всего, чѣмъ кто-либо ладѣетъ, всегда передается словами: *quicquid habeo, tam le allode, quam de comparatione vel de quolibet adtractu.* Аллодъ—это земля, доставшаяся отъ родителей, почему граıоты иногда и прибавляютъ къ этому термину слово *parenum*; нерѣдко также, желая указать, съ какой стороны—отцовской или материнской--получена земля по наслѣдству, онѣ оворятъ *de allode paternico* и *de allode maternico.* Другое названіе для него—это haereditas, названіе понятное, такъ какъ аллодъ прежде всего земля наслѣдственная. При-

надлежность его владѣльцу въ полную собственность передается примѣняемымъ къ нему терминомъ *«proprietas»*. Въ нѣкоторыхъ грамотахъ прямо стоитъ, что то или другое лицо продало или подарило *«rem propriam seu allodem suum»*.

Мы говорили до сихъ поръ объ аллодѣ и заимкѣ, какъ о частной собственности. Но этотъ терминъ не всегда точно передаетъ тотъ смыслъ, который придавали ему люди того времени. Нерѣдки случаи, когда земля остается въ нераздѣльномъ владѣніи всѣхъ членовъ одной и той же семьи, братьевъ-наслѣдниковъ, живущихъ подъ одной кровлей, дядей и племянниковъ, членовъ одного очага или, какъ говорили тогда, одной *consorteria parentum*, одной *genealogia*, или одной *fara*. Послѣдніе термины встрѣчаются: одинъ въ аллеманскихъ и баварскихъ законахъ, другой въ ломбардскихъ. Разъ земля является собственностью всего семейства, отчужденіе становится невозможнымъ, по крайней мѣрѣ безъ общаго согласія. Именно здѣсь лежитъ источникъ Beispruchsrecht или права любого члена семьи не допустить своимъ отказомъ продажи или пожалованія, а также права предпочтительной покупки или выкупа, которое древніе французскіе обычаи признаютъ за самыми близкими родственниками. Этотъ «родовой выкупъ» существуетъ еще въ Россіи въ примѣненіи къ родовымъ имуществамъ.

Германскія купчія отъ VII до XII вѣка очень часто говорятъ о томъ, что сдѣлка совершилась *«per licentiam et hortamentum parentum nostrorum et ipsos presentes»*, т. е. съ согласія и убѣжденія родныхъ, которые присутствовали при совершеніи самаго акта. Мы читаемъ въ нихъ также *«propinqui mei concesserunt mihi et firmaverunt cum verbis eorum»*; въ переводѣ: родственники разрѣшили мнѣ это и закрѣпили своими словами.

Формулы подобнаго рода не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что мы имѣемъ дѣло не съ частной собственностью, однохарактерной съ римской, а съ собственностью семейной, близкой къ той, образцы которой представляетъ намъ еще въ

наши дни большая великорусская семья или югославянская задруга. Существованіе ея можетъ быть констатировано одинаково, какъ въ средѣ свободнаго населенія, такъ и въ средѣ крѣпостного. Тотъ классъ лицъ, который источники обозначаютъ терминомъ «censuales», также живетъ нераздѣльными группами ближайшихъ родственниковъ, получающихъ въ памятникахъ названіе «consortes», и выходъ частнаго лица изъ среды послѣднихъ равнозначителенъ для него отказу отъ наслѣдства.

Несравненно свободнѣе распоряжаются германцы своей благопріобрѣтенной собственностью (*conquisitum*). При отчужденіи ея нѣтъ необходимости испрашивать предварительно чье-либо согласіе, какъ нѣтъ ея и въ томъ случаѣ, когда продается или дарится заимка (*exartum*). Но надо помнить, что характеръ благопріобрѣтеннаго имущества сохраняется лишь въ первомъ поколѣніи, а затѣмъ конквизитъ, какъ и экзартъ становятся уже собственностью родовой (*haereditas* или *allod*).

Мы приходимъ въ заключеніе къ слѣдующимъ выводамъ:

во 1-хъ, общинная собственность встрѣчается въ предѣлахъ марки, наравнѣ съ собственностью частной;

во 2-хъ, послѣдняя, по своему первоначальному источнику, восходитъ къ эпохѣ примитивнаго коммунизма; раздѣлъ общей земли или вступленіе во владѣніе ею одного лица или цѣлой группы лицъ является настоящимъ ея источникомъ, источникомъ одинаково аллода и заимки, т. е. двухъ формъ собственности, господствующихъ отъ VII до XII вѣка;

въ 3-хъ, въ отличіе отъ римской, германская собственность носитъ характеръ семейной; она принадлежитъ въ нераздѣльности лицамъ, связаннымъ между собою единствомъ крови и фактомъ сожительства, иначе говоря, общностью очага;

въ 4-хъ, свободная сельская община предшествовала во времени общинѣ крѣпостной; послѣдняя унаслѣдовала отъ первой совладѣніе и общинное пользованіе; внѣ *curtis dominicalis*, *sala* или *terra indominicata*, удержанной въ его личномъ завѣдываніи, феодальный сеньеръ имѣетъ право только

на барщину крестьянъ и на взиманіе съ нихъ подати натурой. Каждый изъ его крѣпостныхъ имѣетъ свой надѣлъ, т. е. совокупность полосъ, разсѣянныхъ въ открытыхъ поляхъ, составляющихъ *terra servilis*, землю крѣпостныхъ.

Величина этихъ надѣловъ различна въ разныхъ помѣстьяхъ, но неизмѣнна внутри каждаго. Обладаніе надѣломъ даетъ доступъ къ пользованію сообща лѣсомъ и пастбищами помѣстья,—пользованію, не имѣющему другихъ границъ, кромѣ дѣйствительныхъ потребностей принимающей въ немъ участіе семьи. Пока число семей ограничено и значительность площади, занятой лѣсомъ и пастбищемъ, не внушаетъ опасенія, что настанетъ моментъ недостачи и переполненія выпаса скотомъ, — обычай даетъ полный просторъ индивидуальнымъ присвоеніямъ. Но разъ населеніе помѣстья становится болѣе плотнымъ, является необходимость соразмѣрить права пользованія съ реальными нуждами хозяйствъ. Тогда устанавливается правило, допускающее на пастбища только тотъ скотъ, который зимовалъ въ предѣлахъ общины.

Другой, не менѣе распространенный, обычай запрещаетъ брать сухой лѣсъ или рубить зеленый для продажи, разрѣшая въ то же время вывозить изъ лѣса столько дровъ и балокъ, сколько необходимо было для отопленія и для исправленія усадьбы.

Обычаи, регулирующіе владѣніе и пользованіе крѣпостныхъ, защищаютъ ихъ также противъ насилія со стороны земельныхъ собственниковъ. Они опредѣляютъ число дней барщины, точно такъ же, какъ и способъ ея выполненія, ручнымъ ли трудомъ, или съ помощью вьючныхъ животныхъ. Отсюда различіе между *angariae bovum* и *angariae manuales*. Во время посѣва, сѣнокоса, жатвы или посадки винограда обыкновенно требуется дополнительный трудъ, который носитъ характеръ помощи крѣпостныхъ сеньеру. Въ Англіи ее именуютъ: *lovebone*, т. е. бременемъ, принимаемымъ любви ради. Въ другихъ мѣстахъ ее приравниваютъ къ обыкновенной барщинѣ, и такъ какъ послѣдняя извѣстна

подъ названіемъ *angaria*, то эту обычную помощь называютъ терминомъ *perangaria*. Число барщинныхъ дней рѣдко бывало больше пяти въ недѣлю, не считая праздниковъ, гораздо болѣе многочисленныхъ, чѣмъ въ наше время. Въ Сициліи и въ Тосканѣ мы констатируемъ тотъ фактъ, что, при упадкѣ крѣпостного строя, отбываніе барщины брало не больше одной недѣли въ мѣсяцъ. Такъ обстояло дѣло въ XIII вѣкѣ.

Кромѣ ценза и ренты, сеньеръ получаетъ доходъ отъ нѣкоторыхъ верховныхъ правъ, уступленныхъ ему государствомъ, доходъ въ видѣ случайныхъ приношеній, дѣлаемыхъ крѣпостными по поводу свадьбы, доходъ съ наслѣдства и съ такихъ производительныхъ монополій, какъ мельница, хлѣбныя печи и помѣщичьи прессы. Нѣкоторые историки, между прочимъ Віолле, пытались доказать, что въ этомъ отношеніи глава помѣстья былъ только законнымъ наслѣдникомъ сельскихъ властей, пользовавшихся нѣкогда въ интересахъ свободной общины тѣми же правами. Во многихъ мѣстностяхъ, именно тамъ, гдѣ феодальный строй съумѣлъ отстоять свою независимость отъ всякаго контроля со стороны государства, сеньеръ не только взималъ со своихъ крѣпостныхъ прямые и косвенные налоги, но заставлялъ ихъ продавать ему всѣ продукты урожая, остававшіеся у нихъ за удовлетвореніемъ ихъ собственныхъ нуждъ: хлѣбъ, виноградъ и т. д. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они могли пить вина только его погребовъ и поступившія съ его прессовъ, пиво, вываренное людьми, которымъ помѣщикъ уступилъ свои преимущества касательно его варки, съ условіемъ, что продажа потребителямъ будетъ совершаться по заранѣе установленной цѣнѣ. Въ Англіи ее опредѣляла такъ называемая *assisa cervisiae*.

Помѣстье было не только земледѣльческимъ, но и промышленнымъ центромъ. Тканье шерсти и льна было особенно распространено въ немъ; встрѣчалась, кромѣ того, фабрикація кирпичей, черепицы, цемента, а тамъ, гдѣ позволялъ климатъ, даже сахара, индиго и т. д. Въ мертвый сезонъ рабъ

и крѣпостной оставались бы безъ работы, еслибы домашняя промышленность не доставляла имъ ея.

Еще въ эпоху римскихъ императоровъ существовалъ обычай держать рабовъ въ особыхъ казармахъ, называвшихся *ergastula*. Служанки помѣщались въ теремахъ, слѣды которыхъ мы находимъ еще въ VIII вѣкѣ христіанской эры, какъ на владѣльческихъ земляхъ (см. Капитулларій de Villis Карла Великаго), такъ и на церковныхъ, именно на земляхъ аббатствъ Сенъ-Галлена и Сенъ-Жерменъ-де-Прэ. Даже позже этотъ родъ жилищъ для прислуги обоего пола встрѣчается еще во владѣніяхъ Фридриха II, въ Сициліи и въ Калабріи. Собственникъ доставлялъ живущимъ въ нихъ пищу и одежду, за что заставлялъ ихъ работать; женщины ткали, а мужчины, въ особенности сарацины, кромѣ разведенія скота, приготовляли сахаръ изъ тростника, разводимаго въ окрестностяхъ Сиракузъ и Палермо.

Взглянемъ теперь на экономическій строй свободной сельской общины и помѣстья съ точки зрѣнія производства, распредѣленія и обмѣна.

Производство не имѣло другихъ цѣлей, кромѣ удовлетворенія потребностей самихъ жителей, начиная съ сеньера и кончая послѣднимъ изъ его крѣпостныхъ. Продажа на сторону допускалась лишь съ особаго разрѣшенія и съ уплатой вывозныхъ пошлинъ. На пастбища выгоняли только скотъ общины и помѣстья. Лѣсъ рубили лишь постольку, поскольку это необходимо было для удовлетворенія своихъ собственныхъ нуждъ. Вывозъ хлѣба былъ запрещенъ, такъ какъ производители обязаны были очень часто продавать владѣльцу помѣстья всѣ свои продукты, за исключеніемъ необходимаго имъ для жизни.

Съ другой стороны, потребленіе регулярно удовлетворялось мѣстнымъ производствомъ. Крестьяне ѣдятъ тотъ хлѣбъ, который сами же сѣяли, пьютъ ими же приготовленное въ предѣлахъ общины вино и пиво, одѣваются въ холстъ и въ сукна, сотканные на дому или въ женскихъ теремахъ, принадлежащихъ сеньеру. Предметы роскоши, какъ напримѣръ, пря-

ности и бакалейные товары, доставляются извнѣ, но потребителями ихъ являются только владѣлецъ помѣстья и его семья.

Само собою разумѣется, что въ подобныхъ условіяхъ возможенъ только самый ограниченный обмѣнъ. Препятствіемъ къ его развитію, даже въ позднѣйшую эпоху, являются ввозныя и вывозныя пошлины, точно такъ же, какъ и привилегія сеньера, представляющая ему преимущественно передъ другими право покупать тѣ изъ продуктовъ своихъ крѣпостныхъ, которые назначены ими въ продажу. Вполнѣ понятно, что денежные знаки, при такихъ условіяхъ, не были необходимостью, и кредитъ очень часто принималъ форму безпроцентной ссуды. Такая ссуда извѣстна и доселѣ русскому праву, отличающему ее отъ займа. Малораспространенность обмѣна позволяетъ обходиться мѣстной монетой, обыкновенно не имѣющей хода внѣ довольно ограниченнаго района, а также замѣнять деньги какимъ-нибудь предметомъ, болѣе другихъ имѣющимъ характеръ мѣновой стоимости, какъ напр. скотомъ; волы и коровы служатъ мѣрой цѣнности. Такъ, «Иліада» говоритъ о числѣ воловъ, которое должно было стоить вооруженіе того или другого воина; всякій выкупъ у ирландцевъ въ эпоху редактированія ихъ обычаевъ и у осетинъ въ эпоху присоединенія ихъ къ Россіи состоялъ въ большемъ или меньшемъ числѣ коровъ и овецъ; неудивительно, если бывшій въ употребленіи у римлянъ терминъ для обозначенія денегъ, *pecunia*, происходитъ отъ слова *pecus*—скотъ.

Изъ всего сказаннаго несомнѣнно слѣдуетъ, что экономическій строй, свойственный сельской общинѣ и помѣстью, является одной изъ формъ того изолированнаго, самодовлѣющаго хозяйства, которое предшествовало установленію хозяйства мѣнового. [Но это не мѣшаетъ сельской общинѣ и помѣстью стоять въ хозяйственномъ отношеніи выше рода-племени въ томъ, смыслѣ, что земледѣліе ихъ не носитъ уже бродячаго характера, что они вводятъ у себя сѣвооборотъ, сначала двухпольный, а затѣмъ трехпольный, что пастбища и права на общее пользованіе не распространяются уже на

всю территорію, въ виду помѣщичьихъ огороживаній и особенно благодаря распашкамъ, все болѣе и болѣе съуживающимъ площадь пустопорожнихъ земель и расширяющимъ районъ обработки по мѣрѣ роста населенія. Оставаясь экстензивнымъ, земледѣліе въ свободной общинѣ и въ помѣстьи является имъ въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ въ родовомъ сообществѣ. И все это было результатомъ не чего иного, какъ возрастанія населенія. Мы увидимъ впослѣдствіи, что этотъ ростъ приводитъ и къ другимъ переворотамъ, революціонируетъ всю систему земледѣлія, сгоняетъ крестьянина съ его надѣла и ставитъ на его мѣсто фермера, владѣющаго капиталомъ и снимающаго землю на опредѣленный срокъ по цѣнѣ, регулируемой отношеніемъ между спросомъ и предложеніемъ. Подъ вліяніемъ того же фактора, роста населенія, исчезаютъ права совмѣстнаго пользованія, чрезполосица и свободный прогонъ стадъ.

Справедливость нашего взгляда подтверждается и доказательствами отъ противнаго, ибо, какъ только населеніе уменьшалось вслѣдствіе ли войнъ, эпидемій или эмиграціи, экономическій порядокъ ретроградировалъ. Англія въ первой половинѣ XIV вѣка была совершенно близка къ освобожденію крѣпостныхъ: барщина въ эту эпоху была уже болѣе или менѣе замѣнена денежными платежами. Чума, извѣстная подъ именемъ черной смерти, унесла цѣлую треть, если не половину жителей, и мы видимъ внезапную остановку развитія, даже реакцію, выразившуюся въ томъ, что крестьянъ опять принудили отбывать барщину. Они возстали подъ предводительствомъ черепичника Уота Тейлора; король Ричардъ II обѣщалъ имъ освобожденіе, но парламентъ воспротивился этому, и феодальные сеньеры, которые раньше по своей собственной инициативѣ и въ своихъ собственныхъ интересахъ замѣняли барщину и поборы натурой денежными платежами, затормазили процессъ эмансипаціи.

То же самое случилось во Франціи, гдѣ число жителей начало сокращаться благодаря чумѣ и продолжало затѣмъ уменьшаться вслѣдствіе столѣтней войны. Французскія жакеріи

не привели поэтому къ акту общей эмансипацiи, подобной той, которая имѣла мѣсто въ Россiи въ 1861 г. Нужно было дождаться знаменитаго засѣданiя Учредительнаго собранiя съ 4 на 5 августа 1789 г., чтобы увидѣть исчезновенiе послѣднихъ остатковъ крѣпостного строя.

Политическая экономiя, будучи теорiей мѣнового хозяйства, не могла возникнуть при режимѣ сельской общины и помѣстья. Но ничто не мѣшало философiи захватить въ свою область вопросъ о тѣхъ порядкахъ, которымъ нужно было слѣдовать въ жизни семьи или сельской общины. Столь восхваляемая книга Ксенофонта можетъ служить образцомъ многочисленныхъ руководствъ, разсуждавшихъ объ этихъ вопросахъ. Трактаты о феодальномъ правѣ, принадлежащiе перу Литтльтона или Фицгерберта, какъ и тѣ, которые трактуютъ объ управленiи имѣнiями,—а число ихъ весьма значительно—начиная съ Scriptores de Re Rustica, переходя къ Вальтеру Генле и Роберту Гросстетъ и заканчивая знаменитымъ де-Серромъ, авторомъ *Театра земледѣлiя*,—замѣняютъ въ эту эпоху изслѣдованiя по соцiальной и политической экономiи. Вся эта литература только показываетъ намъ, какъ незначителенъ тотъ размахъ, который сообщаетъ человѣческой мысли анализъ экономическаго строя, не знающаго обмѣна и обращенiя богатствъ.

Но отъ этихъ первыхъ мыслителей въ экономической области не ускользнула одна черта замкнутаго, самодовляющаго хозяйства: возможность примирить при немъ личный интересъ съ благожелательностью къ ближнему. Когда производство необходимо ограничивается мѣстнымъ потребленiемъ, то накопленiе продуктовъ сверхъ мѣры потребленiя становится безполезнымъ: философу оно можетъ показаться поэтому не только безнравственнымъ, но и безсмысленнымъ актомъ. Вотъ почему отцы церкви могли, не встрѣчая заинтересованныхъ противниковъ, разсуждать о тщетѣ богатствъ и о томъ позорѣ, который долженъ обрушиться на людей, отдающихъ въ ростъ деньги. Они обнаруживаютъ больше оптимизма, когда рѣчь

заходитъ объ основахъ, на которыхъ зиждется анализируемый ими экономическій строй, напр. о рабствѣ. Еще Аристотель бралъ его подъ защиту, становясь на точку зрѣнія эллина, гордаго своей расой и требующаго раздѣленія рода человѣческаго на меньшинство, призванное управлять, и на большинство, рожденное для того, чтобы повиноваться. Св. Августинъ также ищетъ ему оправданія и убѣжденъ, что нашелъ его въ необходимости искупленія первороднаго грѣха.

Но, несмотря на свой анти-либеральный характеръ, изслѣдованный нами экономическій строй имѣетъ, по отношенію къ послѣдующему времени, свои привлекательныя черты. Съ его аграрнымъ коммунизмомъ, съ его общимъ достаткомъ и съ отсутствіемъ пауперизма онъ могъ сдѣлаться современемъ типомъ,— правда несовершеннымъ,—хорошо уравновѣшеннаго общества, не знающаго крайностей богатства и нищеты. Это не есть тотъ золотой вѣкъ, о которомъ мечтаютъ поэты, но онъ больше всего приближается къ таковому. Платонъ, а затѣмъ Морусъ и Кампанелла, вдохновятся его примѣромъ. Они не разъ воспроизведутъ въ своихъ утопіяхъ его отличительныя черты и въ особенности его относительный коммунизмъ. На разстояніи столѣтій авторъ *Теоріи гражданскихъ правъ*, знаменитый Лингэ, упрекнетъ революцію въ томъ, что она замѣнила крѣпостную зависимость еще болѣе жестокой зависимостью бѣднаго по отношенію къ богатому,—саларіатомъ. Одного вѣка буржуазнаго строя будетъ достаточно, чтобы побороть сомнѣнія Ле-Плэ и заставить его выставить въ выгодномъ свѣтѣ судьбу, создаваемую для русскаго крестьянина такъ называемымъ отеческимъ помѣщичьимъ режимомъ.

Сдѣланный нами анализъ не оставляетъ впрочемъ никакихъ сомнѣній насчетъ происхожденія того равенства, нѣкоторые слѣды котораго сохраняетъ еще помѣстье. Оно несомнѣнно предшествовало феодальному порядку, только ограничившему и съузившему его. Помѣстье было въ общемъ не болѣе, какъ наростомъ на свободной земледѣльческой общинѣ. Смѣшно поэтому видѣть въ немъ типъ будущаго.

ЛЕКЦІЯ ТРЕТЬЯ.

Городское и въ частности цеховое хозяйство.

Вамъ извѣстно, какую полемику вызвалъ, въ особенности въ Германіи, вопросъ о происхожденіи городовъ. Полвѣка назадъ Георгъ Маурерь высказалъ догадку, что городъ развился самопроизвольно изъ того же источника, что и село, и помѣстье, а именно изъ марки. Этотъ взглядъ подвергся въ настоящее время критикѣ съ самыхъ различныхъ сторонъ; но ей пока не удалось прійти ни къ какимъ окончательнымъ выводамъ, если не считать признанія того вліянія, какое рынокъ имѣлъ на переходъ сельскаго поселенія въ городское. Я не намѣренъ въ настоящее время знакомить васъ со всѣми частностями этихъ крайне любопытныхъ дебатовъ, такъ какъ они не входятъ прямо въ поставленную мною задачу. Насъ интересуетъ исключительно экономическая роль города; для насъ важно поэтому выяснить только то, въ какой мѣрѣ онъ въ этомъ отношеніи отличается отъ помѣстья. Мы спросимъ себя, что позволяетъ намъ говорить о городѣ, какъ объ обособившемся отъ села-помѣстья типѣ экономическихъ отношеній: то ли, что въ немъ находится рынокъ, т. е. постоянный центръ обмѣна, установленный обычаемъ и закономъ, то ли, что онъ не знаетъ порядковъ общиннаго пользованія и въ немъ существуетъ одна частная собственность на землю, или же наконецъ то, что онъ, въ отличіе отъ села, является средоточіемъ одного свободнаго труда? Ни одно изъ этихъ обстоятельствъ въ частности не обособляетъ города отъ села-помѣстья, но всѣ они, взятые вмѣстѣ, придаютъ ему особый отпечатокъ. Я утверждаю это на слѣдующихъ основаніяхъ. И въ помѣстьи можетъ

существовать рынокъ, но продукты, на немъ обмѣниваемые, почти исключительно мѣстнаго происхожденія, тогда какъ въ городѣ рынокъ служитъ для обмѣна мѣстныхъ товаровъ на иногородные. Городъ, подобно селенію, можетъ владѣть общинными угодьями; но въ виду большей густоты его населенія и благодаря большему поэтому спросу на землю, разложеніе мірского владѣнія происходитъ въ немъ раньше, чѣмъ въ селѣ. Какъ показываетъ примѣръ Франціи, общинныя угодья сохраняются въ городѣ только подъ условіемъ перехода ихъ въ муниципальныя имущества, не подлежащія частной разверсткѣ и обыкновенно сдаваемыя въ аренду особымъ фермерамъ. Наконецъ городъ не исключаетъ вполнѣ присутствія въ своихъ стѣнахъ всякаго несвободнаго труда. Мы покажемъ нѣсколько ниже, что число рабовъ въ немъ на первыхъ порахъ было даже болѣе значительно, чѣмъ въ селѣ. Но, и въ этомъ лежитъ характерное отличіе города, свободное населеніе принимаетъ въ немъ мѣры къ устраненію конкуренціи со стороны несвободнаго, такъ что послѣднему не остается вскорѣ другой сферы дѣйствія, кромѣ той, какую представляетъ домашнее производство. Итакъ, со всѣхъ трехъ точекъ зрѣнія городъ является только видоизмѣненіемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ экономическихъ порядковъ, зародившихся еще въ селѣ-помѣстьи. Мы находимъ въ немъ болѣе значительный и чаще совершающійся обмѣнъ, болѣе развитую частную собственность, болѣе свободный трудъ; и всѣ эти послѣдствія вызваны были ничѣмъ инымъ, какъ большей скученностью населенія, отличающагося въ виду этого болѣе разнообразными и труднѣе удовлетворяемыми потребностями. Достаточно поэтому значительнаго уменьшенія въ числѣ жителей, чтобы вызвать упадокъ города до уровня сельскаго поселка. Такъ Манчестеръ, который въ эпоху Елизаветы былъ еще не болѣе, какъ помѣстьемъ, становится въ XIX вѣкѣ колоссальнѣйшимъ городомъ, а Ольдъ-Сарумъ, втеченіе вѣковъ считавшійся парламентскимъ бургомъ и посылавшій представителей въ палату общинъ, падаетъ до того, что въ 1832 году въ немъ оказы-

вается всего на всего два избирателя. Сколько городовъ въ Россіи, бывшихъ нѣкогда резиденціей самостоятельныхъ князей, попало въ число такъ называемыхъ захудалыхъ и заштатныхъ, т. е. настолько опустѣвшихъ, что нѣтъ больше цѣли дѣлать ихъ средоточіемъ правительственныхъ учрежденій! Тогда какъ Москва, бывшее помѣстье Долгорукихъ, становится столицею царей, Звенигородъ, центръ независимаго удѣла, впадаетъ въ совершенное ничтожество. Эти факты еще разъ подтверждаютъ нашу мысль, что накопленіе числа жителей является первичнымъ факторомъ экономическаго развитія.

Познакомимся теперь въ общихъ чертахъ съ характеромъ производства, распредѣленія и обмѣна, очагомъ которыхъ является городъ. Что касается до производства, то оно отличается отъ сельскаго не только бо́льшимъ разнообразіемъ,— что само по себѣ обусловлено необходимостью удовлетворять болѣе многочисленнымъ и сложнымъ потребностямъ,—но и свободнымъ характеромъ лицъ, принимающихъ въ немъ участіе. Въ городѣ появляется впервые контрактъ личнаго найма, устанавливающій опредѣленное вознагражденіе за предварительно выговоренныя услуги самоопредѣляющаго себя субъекта. Въ городѣ, а не въ селеніи, надо искать первоначальную родину салариата. Городъ является также свидѣтелемъ и первичнаго зарожденія имущественнаго найма. Въ то время, какъ въ селеніяхъ большій просторъ обусловливаетъ надѣленіе пришельцевъ даровой усадебной, если не пахатной землею, въ городахъ выходящіе изъ помѣстій крѣпостные находятъ всю землю въ частномъ обладаніи и, чтобы обезпечить себѣ жилище, поставлены въ необходимость производить платежи его обладателямъ. Такимъ образомъ гораздо раньше зарожденія въ селахъ, такъ называемаго, свободнаго съема земель возникаетъ въ городахъ рента, т. е. поборъ, взимаемый собственникомъ съ производителя въ обмѣнъ за уступку ему права пользоваться естественными свойствами почвы. Болѣе сложный характеръ потребляемыхъ городомъ продуктовъ вызываетъ къ жизни еще слѣдующее измѣненіе: для ихъ про-

изводства требуется затрата ранѣе накопленныхъ запасовъ; владѣльцы послѣднихъ, являясь въ то же время и производителями фабрикатовъ, предъявляютъ требованіе на большее вознагражденіе противъ того, какое получаютъ ихъ рабочіе помощники; отсюда преимущество мастеровъ надъ подмастеріями, учениками и простыми исполнителями труда; отсюда полученіе ими сверхъ заработной платы еще того, что современемъ сдѣлается извѣстнымъ подъ наименованіемъ предпринимательской прибыли. Мнѣ хорошо извѣстно, что, возводя къ эпохѣ цеховъ происхожденіе предпринимательской прибыли, я радикально расхожусь съ весьма распространенной теоріей, согласно которой среднимъ вѣкамъ не было извѣстно различіе интересовъ между предпринимателями и рабочими или, вѣрнѣе, что въ это время не существовало и самыхъ этихъ категорій, такъ какъ мастера были простыми исполнителями труда.

Но моей задачей и будетъ показать всю произвольность подобной доктрины. Сдѣлано это будетъ впослѣдствіи; пока же мнѣ достаточно заявить, что я нисколько не раздѣляю ходячаго взгляда объ отсутствіи въ средніе вѣка даже зародышей капиталистическаго строя. Распредѣленіе богатствъ представляетъ на мой взглядъ уже въ это время нѣкоторыя общія черты съ тѣмъ, какое мы встрѣчаемъ въ наше время. Но сколько въ немъ въ то же время особенностей, объясняемыхъ тѣмъ обстоятельствомъ, что простой рабочій весьма часто бывалъ собственникомъ небольшого участка земли съ усадьбой, а также незначительнаго капитала, позволявшаго ему отправлять ремесло безъ чужого содѣйствія! Коротко говоря, дѣйствительная природа средневѣковаго городского хозяйства лежитъ не въ мнимомъ отсутствіи всякаго капитала, а въ почти исключительномъ господствѣ мелкой промышленности. Этимъ только объясняется, почему противорѣчіе интерссовъ сказывается съ меньшей силой и вызываетъ меньшую вражду въ этомъ, построенномъ на цеховыхъ началахъ, обществѣ, нежели, въ современномъ, и почему борьба классовъ принимаетъ въ

немъ характеръ не соціальной, а политической вражды, т. е. соревнованія изъ за пользованія властью.

Перейдемъ теперь къ обмѣну и отмѣтимъ прежде всего ту новую черту городскихъ порядковъ по сравненію съ сельскими, вслѣдствіе которой въ городѣ удовлетвореніе спроса, предъявляемаго потребителями, немыслимо безъ постояннаго общенія съ сельскими производителями. Въ самомъ дѣлѣ, еслибы послѣдніе отказались доставлять въ городъ продукты почвы, то населеніе города не избѣжало бы голодной смерти. Отсюда слѣдуетъ, что городъ не терпитъ въ своемъ сосѣдствѣ замкнутыхъ хозяйствъ. Его существованіе и развитіе требуютъ исчезновенія такихъ хозяйствъ или, точнѣе, сліянія ихъ съ нимъ. Они могутъ остаться замкнутыми для кого угодно, только не для его гражданъ. Такова чисто экономическая причина тѣхъ продолжительныхъ войнъ и частыхъ договоровъ, послѣдствіемъ которыхъ было принужденіе городами Италіи, Германіи и Фландріи сосѣднихъ помѣщиковъ къ срытію ихъ укрѣпленныхъ замковъ, нерѣдко даже къ перенесенію ихъ резиденціи въ собственную среду. Все это дѣлалось потому, что владѣльцы помѣстій стремились къ обособленію, запрещая или облагая высокими пошлинами вывозъ сырья и ввозъ продуктовъ городской промышленности; потому, что дороги, рѣки, мосты, обложены были поборами въ ихъ пользу. Однимъ словомъ, средневѣковый городъ не можетъ обойтись безъ извѣстной степени экономической свободы; она необходима ему какъ для сбыта его товаровъ, такъ и для прокормленія собственныхъ жителей. Необходимость этой свободы не могла впрочемъ превосходить извѣстной мѣры; такъ, средневѣковый городъ не терпѣлъ абсолютной свободы торговли, ибо въ противномъ случаѣ ему невозможно было-бы удержать за собою тѣ производительныя и потребительныя монополіи, благодаря которымъ сосѣдніе поселяне принуждены были доставлять исключительно въ стѣны города избытокъ урожаевъ надъ своими потребностями, а также запасаться необходимыми имъ продуктами обрабатывающей промышленности исключительно у его жителей, отнюдь не

у чужеземцевъ. Изученіе трактатовъ, повидимому чисто политическихъ, какіе заключаемы были въ разное время городами Ломбардіи, Тосканы, Генуей и Венеціей съ пограничными феодальными сеньерами, не лишено интереса и для экономиста. такъ какъ во всѣхъ этихъ соглашеніяхъ рѣчь идетъ между прочимъ, съ одной стороны, объ обезпеченіи свободнаго обмѣна между контрагентами, а, съ другой, объ установленіи самаго суроваго протекціонизма по отношенію ко всѣмъ постороннимъ.

Итакъ, экономическій строй города требуетъ постепеннаго включенія въ раіонъ его мѣновой дѣятельности большаго или меньшаго числа сельскихъ общинъ и помѣстій; они образуютъ съ теченіемъ времени сперва его округъ, а затѣмъ и его графство; contado называютъ его итальянцы, производящіе отъ этого слова и наименованіе крестьянства (contadini).

За исключеніемъ немногихъ особенно промышленныхъ и торговыхъ центровъ, обмѣнъ которыхъ уже приближается по своему международному характеру къ тому, какой извѣстенъ современному капиталистическому строю, средневѣковый городъ обыкновенно довольствуется сбытомъ своихъ товаровъ въ предѣлахъ собственнаго округа и графства. Онъ не выходитъ изъ этихъ границъ и при пріобрѣтеніи необходимаго ему сырья. Такимъ образомъ обращеніе богатствъ ограничено тѣсной сферой обычныхъ кліентовъ, привычки и вкусы которыхъ хорошо извѣстны и которые дорожатъ не столько дешевизной, сколько качествомъ отпускаемаго имъ фабриката. Отсюда необходимость строгаго контроля за самымъ порядкомъ отправленія ремеслъ и торговли; отсюда надзоръ муниципальныхъ властей за дѣятельностью рынка и монополія производства, признаваемая за членами братствъ, составленныхъ изъ лицъ одного ремесла или торга; отсюда. однимъ словомъ, возникновеніе тѣхъ корпорацій ремесленниковъ и купцовъ, которые не создаются городскими властями, а только получаютъ отъ нихъ признаніе, и тѣ доходящіе до мелочей промышленные регламенты, которыми опредѣляется порядокъ

допущенія къ мастерству и самый способъ производства мануфактуратовъ.

Въ изучаемомъ нами экономическомъ строѣ все тѣсно связано одно съ другимъ; пока мы познакомились съ нимъ лишь въ общихъ чертахъ, а теперь обратимся къ изученію того, что источники сообщаютъ намъ о его судьбахъ въ Италіи, Франціи и Англіи, т. е. въ самой колыбели цеховыхъ порядковъ.

Начнемъ съ Италіи. Я сказалъ уже, что города сдѣлались только современемъ очагомъ исключительно свободнаго труда, и нахожу этому подтвержденіе въ фактѣ широкаго господства рабства и торга невольниками въ такихъ напримѣръ центрахъ, какъ Генуя, Венеція, Флоренція, Мессина, Палермо, не говоря о Марселѣ, Барселонѣ или Пальмѣ на островѣ Маіоркѣ. Города являются средоточіемъ даже большаго числа невольниковъ, чѣмъ помѣстья. Зажиточный буржуа, жившій на широкую ногу въ своемъ дворцѣ, любилъ окружать себя свитой вполнѣ зависимыхъ отъ него людей не въ меньшей степени, чѣмъ рыцарь, гнѣздившійся въ своемъ феодальномъ замкѣ. Судя по доходу, какой доставляли казнѣ сдѣлки, предметомъ которыхъ была передача рабовъ изъ рукъ въ руки, въ XV вѣкѣ можно насчитать въ одной Венеціи болѣе 10,000 случаевъ продажи и покупки этого живого товара. Не менѣе значительно было число рабовъ въ другихъ приморскихъ республикахъ и городахъ, въ Генуѣ, Неаполѣ, Палермо, а также во Флоренціи и Пизѣ, какъ видно между прочимъ изъ документовъ, отпечатанныхъ въ «Историческомъ архивѣ Италіи».

Разсчетъ собственниковъ не позволялъ держать всю эту массу производителей въ положеніи праздной челяди. Но попытки найти имъ занятіе въ сельскомъ хозяйствѣ встрѣчали отпоръ въ самомъ фактѣ существованія надѣльной системы и барщины. Только тѣ рабы-холопы сдѣлались воздѣлывателями почвы, которые вошли въ составъ надѣльныхъ крестьянъ, получивъ отъ помѣщиковъ подчасъ очень крохотные участки земли

(«борды», «коттеджи» или какимъ-бы другимъ именемъ они ни назывались). Вотъ почему большинство рабовладѣльцевъ поставлено было въ необходимость находить занятія своимъ несвободнымъ слугамъ по преимуществу въ промыслахъ и торговлѣ. Бургундская Правда, титулъ XXI, § 2-ой, предвидитъ случай, когда господинъ дозволитъ своему рабу публичное отправленіе одного изъ слѣдующихъ ремеслъ: золотыхъ, серебряныхъ, желѣзныхъ или мѣдныхъ дѣлъ мастерства, кузнечества, портняжнаго и швейнаго искусства. Житіе Гебгарда, епископа Констанцскаго, говоритъ о выборѣ святителемъ изъ числа рабовъ поваровъ, булочниковъ, сукноваловъ, садовниковъ, плотниковъ и другихъ мастеровыхъ. Рабскій трудъ, особенно съ тѣхъ поръ какъ собственники согласились замѣнить личное отправленіе ремесла оброкомъ, становился опаснымъ конкурентомъ для свободныхъ ремесленниковъ, которые поэтому и сочли нужнымъ включить въ статуты или учредительные уставы своихъ братствъ и союзовъ запрещеніе рабамъ и крѣпостнымъ отправлять ихъ промыселъ, а также запрещеніе свободнымъ обучать ему лицъ несвободнаго состоянія.

Такъ, въ статутѣ канатчиковъ въ Болоньи отъ 1250 года, какъ и въ цѣломъ рядѣ другихъ одновременныхъ, значится, что въ составъ сообщества не можетъ быть принятъ кто-либо, qui non sit liber homo; никто также изъ членовъ братства не долженъ docere artem alicui servo. Одновременно въ уставахъ голландскихъ цеховъ, какъ видно напримѣръ изъ статутовъ одного цеха въ Мидельбургѣ отъ 1271 года, говорится о принятіи въ число членовъ только того, кто принадлежитъ къ свободному состоянію въ силу рожденія отъ свободнаго человѣка (quicunque paterna successione liber est). Въ правилахъ англійскихъ торговыхъ гильдій, объединявшихъ собою первоначально, какъ установлено Гроссомъ, не однихъ купцовъ, но и ремесленниковъ, встрѣчается то же правило. Такъ, въ обыкновеніяхъ города Андовера отъ 1327 года значится: nullus nativus neque villanus esse debet in societate

guildanorum istius villae; и то же, въ другихъ только словахъ, повторяютъ обычаи торговой гильдіи города Лина, также отъ XIV вѣка. Фриманъ, или свободный человѣкъ, въ Дублинѣ, какъ и въ любомъ изъ англійскихъ городовъ, въ своей присягѣ упоминалъ и объ обязательствѣ принимать въ число учениковъ однихъ свободныхъ. Статуты венеціанскихъ цеховъ, напримѣръ цеха бархатниковъ, отъ 1347 года, запрещаютъ подъ страхомъ наказанія обучать рабовъ этому мастерству; тѣ же запреты повторяются въ цеховыхъ уставахъ середины XV столѣтія, какъ видно изъ того устава, который редактированъ былъ въ 1455 году мастерами, занятыми ковкой золота (battiloro).

Напомнимъ еще общее правило итальянскихъ городскихъ статутовъ, по которому членомъ цеха (schola или ars) могъ быть только гражданинъ, такъ какъ принадлежность къ гражданству предполагала разрывъ съ несвободнымъ состояніемъ; наконецъ то положеніе, какое въ XV вѣкѣ въ стихотворной формѣ выразили «обыкновенія англійскихъ каменщиковъ», говоря:

The fowrthe artycul thys most be.
That the mayster hym wel besee.
That he no bondeman prentys make.

Итакъ, съ юга на сѣверъ мы видимъ на протяженіи всей Европы одно и то же движеніе въ пользу устраненія всякой конкуренціи свободному труду со стороны рабскаго и одно и то же стремленіе сосредоточить ремесленную дѣятельность всецѣло въ рукахъ полноправнаго гражданства. Въ своей борьбѣ съ несвободнымъ трудомъ мастеровые всѣхъ странъ опираются на испытанное еще въ Римской имперіи средство свободнаго соединенія въ братскія общества, преслѣдующія на первыхъ порахъ преимущественно цѣли религіозныя, благотворительныя и общежительныя и вполнѣ чуждыя той узкой исключительности, той монополизаціи производства, какую мы встрѣчаемъ въ цехахъ позднѣйшаго періода. Открытые недавно Гартманомъ фрагменты статута римскихъ садовниковъ начала XI-го вѣка,—садовниковъ, которые, по всей вѣроятности, составляли

вѣтвь болѣе обширной ассоціаціи всѣхъ лицъ, заняты сельскимъ хозяйствомъ, старинной ars agriculturae, упо наемой снова мимоходомъ въ XIII вѣкѣ въ статутѣ римски торговцевъ, а въ началѣ XV вѣка въ самостоятельномъ уста римскихъ скотоводовъ (bobacteriorum),—даютъ возможнос прослѣдить филіацію между римскими cultores Isidis, о кот рыхъ упоминаетъ одна надпись въ Остіи, и цеховой орга заціей Вѣчнаго города въ средніе вѣка.

Такимъ же посредствующимъ звеномъ является зна нитая организація равенскихъ рыболововъ, извѣстная впослѣ ствіи подъ именемъ Casa Matha; упоминанія о ней слѣдуютъ од за другимъ въ VIII, X и XI вѣкахъ. Наконецъ такимъ же звено надо считать организацію тѣхъ «торговцевъ водою», которыхъ м встрѣчаемъ въ Парижѣ при Людовикѣ VI въ 1121 году; подоб старинным nautae parisiaci, существовавшимъ въ древней Лю теціи, они завѣдывали сплавомъ товаровъ по Сенѣ и види пользовались монополіей транспортированія кладей этимъ пу темъ. Такимъ образомъ гипотеза о происхожденіи средневѣ ковыхъ цеховъ изъ римскихъ, если не можетъ считать вполнѣ доказанной, кажется намъ опирающейся не на од догадки. Особенно убѣдительнымъ считаю я то обстоятельств что древнѣйшіе статуты товариществъ ремесленниковъ и то говцевъ, какъ итальянскихъ, такъ и англійскихъ, носятъ х рактеръ такихъ же погребальныхъ братствъ, какими являют римскія sodalitiae. Откройте любой статутъ болонскихъ а XIII вѣка, и васъ поразитъ число статей, посвященны регулированію того порядка, въ какомъ члены сообщес должны участвовать въ погребеніи своихъ собратьевъ. Рег ментація доходитъ до мелочей, до опредѣленія вѣса той свѣ какую члены братства должны нести во время погребаль процессіи. Постановленія подобнаго же рода встрѣчаются въ статутахъ древнѣйшихъ англійскихъ «гильдій», въ Або бери, Экзешерѣ и Вудбери. Религіозныя и благотворитель цѣли въ свою очередь въ такой же мѣрѣ свойственны р скимъ «коллегіямъ», какъ и всякаго рода средневѣковымъ

ратствамъ, не исключая ни ремесленныхъ, ни тѣхъ, задачей оторыхъ является осуществленіе одной мѣстной стражи. братимся ли мы къ статутамъ датскихъ «гильдій», исторія оторыхъ такъ обстоятельно изложена Папенгеймомъ, или къ ѣмъ «Societa delli armi», которые существовали въ Болоньи древнѣйшіе статуты которыхъ изданы Гауденци, къ уставамъ орговыхъ гильдій Бервика на Твидѣ и Кингстона на Гулѣ, или ь обычаямъ цеха норвичскихъ мѣховщиковъ отъ 1376 года, мы сюду встрѣтимъ упоминаніе объ обязательствѣ «venire ad mus socii sui ad domum suam». Приказы участвовать всѣмъ ъ равной мѣрѣ въ издержкахъ погребенія несостоятельнаго очлена, посѣщать больныхъ, раздавать милостыню, присутговать на богослуженіи въ праздникъ избраннаго сообщегвомъ патрона, ставить по этому случаю, какъ и во время огребенія, одну или нѣсколько восковыхъ свѣчей, пріобрѣтенныхъ на счетъ цеховой казны, и т. п., общи всѣмъ этимъ сточникамъ.

Но если отъ религіозно-нравственныхъ обязательствъ мы ерейдемъ къ другимъ, особенно обильнымъ въ статутахъ озднѣйшей эпохи, хотя и попадающимся уже въ XIII вѣкѣ, ы поставлены будемъ въ необходимость констатировать есьма существенныя различія между римскими и средневѣковыми ассоціаціями лицъ одного занятія или одного ремесла. амкнутость, появляющаяся гораздо ранѣе, чѣмъ думаютъ нѣецкіе историки цехового устройства, въ числѣ ихъ Брентано, оставляетъ особенность однихъ средневѣковыхъ порядковъ. Iы нашли въ Генуѣ самый актъ первоначальнаго установленія цеха золотыхъ дѣлъ мастеровъ. 24 февраля 1248 года ица этой профессіи въ числѣ 17 человѣкъ, собравшись въ церкви ожьей Матери, приносятъ взаимную присягу въ соблюденіи теченіе ближайшихъ десяти лѣтъ слѣдующихъ правилъ: не ссугать никого ни золотомъ, ни серебромъ, ни драгоцѣнными камнями, азъ онъ не принадлежитъ къ ихъ сообществу, и никому, аже изъ собственной среды, пока имъ не будетъ принесена тахая же присяга; не допускать никого къ отправленію золотыхъ

дѣлъ мастерства, разъ онъ не принадлежитъ къ ихъ сообществу, не терпѣть конкуренціи со стороны учениковъ и кредитовать только другъ друга (credentias facere solum unus alteri). Что это, какъ не послѣдовательное проведеніе принципа монополизаціи промысла? Не равносильно ли это систематическому исключенію всякой свободной предпріимчивости? Монополизаціи не достаетъ только правительственной санкціи. Когда эта санкція дана будетъ городскими совѣтами или единоличными правителями, частное сообщество превратится въ признаваемый государствомъ замкнутый цехъ.

Другой примѣръ возникновенія такихъ же, на первыхъ порахъ временныхъ, союзовъ даютъ намъ уцѣлѣвшіе статуты сыроваровъ, мясниковъ, торговцевъ саломъ и оливковымъ масломъ въ городѣ Болоніи. Въ 1242 году они заключаютъ на 10 лѣтъ сообщество, связываютъ себя взаимною присягой не держать за прилавкомъ никого, кто бы не былъ ихъ сочленомъ, и не входить ни въ какія сдѣлки съ лицами, которыя, не вступивъ предварительно въ ихъ среду, вздумали бы отправлять тотъ же, что и они, промыселъ.

Самый пріемъ новыхъ членовъ обставленъ нѣкоторыми условіями, въ числѣ которыхъ имѣются денежные взносы и обязательство участвовать въ погребеніи несостоятельныхъ собратьевъ, въ помощи неимущимъ, въ издержкахъ богослуженія, совершаемаго въ день патрона, и т. п. Собравшіеся обязуются возобновить свое сообщество по истеченіи десяти лѣтъ и даже на двойной срокъ, буде этого пожелаетъ большинство. Очевидно, что на этотъ разъ мы имѣемъ дѣло, какъ и въ изложенномъ выше случаѣ, не съ регламентаціей издавна существовавшаго сообщества, а съ самымъ фактомъ его установленія. И какую же цѣль преслѣдуютъ собравшіеся, какъ не созданіе въ свою пользу торговыхъ монополій? И на этотъ разъ отсутствуетъ правительственное признаніе. Регламентація промысловъ и торговли, какъ видно изъ городскихъ статутовъ Болоніи, оставалась еще въ рукахъ Большого Совѣта и назначенныхъ

имъ властей. Стремленіе къ монополизаціи, обнаружившееся въ средѣ представителей отдѣльныхъ ремеслъ и промысловъ, могло поэтому встрѣтить отпоръ въ заботливости республики объ интересахъ потребителей.

И въ Венеціи, о существованіи въ которой однохарактерныхъ сообществъ лицъ одного ремесла, такъ называемыхъ scholae, упоминается еще въ XII вѣкѣ (1143 годъ) при опредѣленіи порядка, въ какомъ они участвуютъ въ торжественныхъ процессіяхъ дожа, — цехи не носятъ характера правительствомъ созданныхъ привилегированныхъ сообществъ. Регламентація всей промышленности находится здѣсь въ рукахъ избранныхъ судей, такъ называемой Iustizia vecchia. Хотя уже въ началѣ XIII-го вѣка заходитъ рѣчь о статутахъ нѣкоторыхъ венеціанскихъ ремеслъ, и такими уставами, такъ называемыми capitulari, владѣютъ уже, напримѣръ, портные въ 1218 г. и красильщики въ 1243 г., но нѣкоторые виды промышленной дѣятельности еще не имѣютъ цеховой организаціи и стоятъ подъ непосредственнымъ управленіемъ венеціанской магистратуры. Въ этомъ положеніи оказываются между прочимъ булочники, какъ видно изъ устава, даннаго имъ въ 1229 году тѣми же судьями. Правительство видимо озабочено тѣмъ, чтобы корпоративное устройство не вызвало стремленія къ монополизаціи и не породило стачекъ, невыгодныхъ для потребителей. Судьи Венеціи еще въ 1200 году принимаютъ присягу въ добросовѣстномъ отправленіи промысла не только отъ булочниковъ, но также отъ льняныхъ ткачей, аптекарей, медиковъ и вообще ото всѣхъ тѣхъ, кто не организованъ въ особое собратство и не имѣетъ выборныхъ и только утверждаемыхъ въ должности властей. «Мы, судьи, — значится въ статутѣ 1232 г., — отбираемъ отъ ткачей присягу такого-то и такого-то рода». Тѣ же судьи установляютъ регламенты для неустроенныхъ въ цехи ремесленниковъ и торговцевъ, для продавцовъ рыбы, напримѣръ, какъ прямо слѣдуетъ изъ постановленій, восходящихъ къ 1227 году; они же предоставляютъ тѣмъ или другимъ лицамъ право за-

ниматься продажей хлѣба, говоря: такихъ-то и такихъ-то мы сдѣлали «venditores bladi in fonticis».

Избранные приносятъ присягу и обязуются подчинить свою дѣятельность даннымъ имъ регламентамъ. Продавцы хлѣба являющіеся въ то же время и овощными торговцами, клянутся, напримѣръ, не смѣшивать воедино пшеницы, поступившей отъ разныхъ производителей; аптекаря, продающіе одновременно и всякаго рода пряности,—готовить лѣкарства добраго качества, продавать ихъ не дороже извѣстной цѣны и представлять свои счеты на провѣрку экспертамъ по назначенію судей; медики—не вступать въ сдѣлки съ фармацевтами и не выговаривать себѣ части вознагражденія, получаемаго послѣдними за лѣкарства, а, наоборотъ, доносить о всѣхъ случаяхъ, когда лѣкарства приготовлены будутъ не согласно съ правилами врачебнаго искусства. Даже впослѣдствіи, когда цехи подчинены были выборнымъ властямъ и получили свои регламенты, контроль судей продолжалъ существовать, какъ это видно изъ требованія предъявлять имъ статуты на утвержденіе и не вносить въ нихъ измѣненій по собственному желанію.

Мы не станемъ подробно останавливаться на внѣшней организаціи цеховаго самоуправленія и ограничимся только указаніемъ, что оно всюду было построено на сочетаніи коллегіальнаго и единоличнаго принципа. Выборные старшины, подъ наименованіемъ консуловъ, гастальдовъ, судей или judices, магистровъ и стражей (magistri et custodes), выбираемы были общимъ собраніемъ всѣхъ членовъ корпораціи (omne corpus societatis, по выраженію нѣкоторыхъ итальянскихъ статутовъ). Нерѣдко къ нимъ присоединялся еще «тѣсный совѣтъ», также изъ выборныхъ лицъ, въ большемъ или меньшемъ числѣ, напримѣръ восьми человѣкъ, обязанность которыхъ была давать совѣты старшинамъ «по совѣсти, безъ обману и къ общей пользѣ братіи» (какъ выражается уставъ болонскихъ желѣзниковъ середины XIII-го вѣка). Иногда финансовая сторона управленія поручалась особому выборному казначею.

извѣстному въ Италіи подъ наименованіемъ massarius или camerleng, а повѣрка счетовъ или контроль — спеціальнымъ выборнымъ «разслѣдователямъ», именуемымъ въ той же Италіи inquisitores rationum. Въ Венеціи мы встрѣчаемъ, кромѣ того, особыхъ, также избираемыхъ, посредниковъ, называемыхъ «судьями» или judices и обязанныхъ разбирать препирательства и улаживать столкновенія, возникающія между отдѣльными ремесленниками.

Выборы всѣхъ этихъ властей бывали или непосредственными, или двойными, по запискамъ или баллотировкой шарами. Вотъ, напримѣръ, порядокъ, въ какомъ падуанскіе цехи опредѣляли на должность своихъ старѣйшинъ или гастальдовъ: 8 выборщиковъ, назначенныхъ общимъ собраніемъ большинствомъ голосовъ, установляютъ списокъ 8 кандидатовъ; изъ нихъ «общее собраніе» шарами выбираетъ двоихъ гастальдовъ срокомъ на 4 мѣсяца. Того же порядка придерживаются при выборѣ казначея или massarius и контролера или синдика. Общее собраніе всѣхъ членовъ сходится по воскресеньямъ въ церкви избраннаго патрона, каждый разъ по особому созыву гастальдовъ. Достаточно заявленія двухъ мастеровъ, чтобы назначить дополнительную сессію. Наряду съ общимъ сходомъ, дѣйствуетъ особый совѣтъ старѣйшинъ или anziani, мнѣніемъ которыхъ руководствуются гастальды. Члены совѣта выбираются общимъ собраніемъ. Кое-гдѣ, напримѣръ въ Пармѣ, надъ консулами или гастальдами возвышается еще особый выборный чиновникъ, извѣстный подъ именемъ podesta. Чтобы попасть на эту должность, недостаточно большинства голосовъ, а требуются двѣ трети всѣхъ голосующихъ.

Я остановился пока на характеристикѣ цехового устройства Италіи, какъ менѣе извѣстнаго, хотя столь же, если не болѣе древняго. Но съ такимъ же удобствомъ можно было-бы привесть данныя изъ исторіи англійскихъ или французскихъ цеховъ. Не пускаясь въ подробности, я считаю нужнымъ указать здѣсь по крайней мѣрѣ на то, что въ обѣихъ странахъ цехи

не сосредоточивали въ себѣ съ самаго начала всей полиціи и суда надъ промысломъ.

Конечно и въ Англіи лица одного ремесла не разъ соединялись самовольно въ корпораціи, но имъ необходимо было правительственное утвержденіе, чтобы не попасть въ категорію тѣхъ, по выраженію Генриха II, «прелюбодѣйныхъ гильдій», которыя правительство считало себя вправѣ расторгнуть.

Отъ короля право давать согласіе на установленіе цехового сообщества переходитъ къ городскимъ совѣтамъ и властямъ. Безъ ихъ согласія, безъ одобренія мера, бальифовъ и общаго собранія муниципіи (common council) ремесленники не могли составить корпораціи или редактировать обязательныхъ для себя статутовъ. Нигдѣ мы не встрѣчаемъ той полной независимости промышленныхъ классовъ отъ государственныхъ, въ частности городскихъ, властей, о которой говоритъ профессоръ Брентано. Судебное разбирательство столкновеній, вызываемыхъ отправленіемъ мастерства, принадлежитъ не выборной, а королевской магистратурѣ, какъ вполнѣ установлено между прочимъ Гроссомъ. Сходство итальянскихъ и англійскихъ порядковъ сказывается также и въ стремленіи такъ называемыхъ craft guilds, или цеховъ, присвоить себѣ монополію извѣстныхъ промышленныхъ производствъ, но эти стремленія увѣнчиваются успѣхомъ опять-таки, какъ и въ Италіи, лишь въ случаѣ дарованія правительственной привилегіи. Не даромъ же еще въ одномъ актѣ временъ Генриха II, говорящемъ о правахъ нѣкоего оксфордскаго цеха, значится: «nullus faciat officium eorum nisi sit de guilda illa»: то же повторено по отношенію къ ткачамъ іоркскимъ и дубильщикамъ лондонскимъ въ XIII столѣтіи. Привилегіи первыхъ возводятся къ грамотѣ Генриха I-го; привилегіи вторыхъ внесены въ запись лондонскихъ обыкновеній, въ такъ называемый Liber Custumarum. Эта монополія охранялась тѣмъ болѣе тщательно, что удержаніе ея было въ интересахъ государства: братства за пріобрѣтаемыя ими привилегіи обязывались ежегодно упла-

чивать казначейству извѣстную сумму; платежи эти извѣстны подъ именемъ *firma*. Они напоминаютъ собой тѣ, какіе государственные чиновники и откупщики XVIII вѣка обязывались вносить въ казну, чтобы имѣть право эксплоатировать доходы съ той или иной повинности, съ того или иного налога. Право монополизировать въ рукахъ своихъ членовъ то или иное ремесло является настолько отличительной чертой англійскихъ гильдій, что всякій разъ, когда государство своими мѣрами пріостанавливаетъ его дѣйствіе, братства считаютъ себя вынужденными жаловаться и протестовать противъ нарушенія ихъ привилегій. Мы встрѣчаемъ примѣръ тому въ царствованіе Эдуарда III. Ткачи Фландріи, допущенные королемъ къ поселенію въ Англіи, пробуютъ заниматься своимъ ремесломъ, не вступивъ предварительно въ корпорацію ткачей. Эти послѣдніе обращаются тотчасъ же къ правительству съ петиціей, въ которой заявляютъ, что ихъ привилегіи нарушены. Они требуютъ поэтому, чтобы иноземнымъ ткачамъ было запрещено заниматься ихъ ремесломъ, если они не захотятъ вступить въ корпорацію.

Что касается внутренней организаціи англійскихъ цеховъ, управленія, ихъ начальниковъ, свободно избираемыхъ на общихъ собраніяхъ мастеровъ, то все это является вполнѣ сходнымъ съ порядками Италіи. Вмѣсто гастальдовъ или консуловъ, мы встрѣчаемъ въ Англіи «*masters and wardens*» (по-латыни magistri et custodi), число которыхъ колеблется и которые должны избираться членами цеха. Общее собраніе назначало тѣхъ, кому поручалось править цехомъ, и оно-же издавало промышленные регламенты для тѣхъ, кто допускаемъ былъ къ занятію ремесломъ. Но эта компетенція цеха ограничивалась законами королевства и административной организаціей городовъ. Такъ напримѣръ, цехамъ рѣшительно запрещалось принимать мѣры къ ограниченію вольностей, льготъ, правъ и обыкновеній мэра, бальифовъ и всѣхъ взятыхъ вмѣстѣ обывателей города или мѣстечка, въ которомъ они заняты были отправленіемъ своего ремесла.

Какъ ни значительна была ихъ автономія, они не переставали оставаться въ прямой зависимости отъ государства и его чиновниковъ. Всякій разъ, когда является какое-либо сомнѣніе въ толкованіи статутовъ и въ опредѣленіи границъ власти начальниковъ цеха, приходилось прибѣгать къ королю и къ его совѣтамъ.

Перейдемъ теперь къ Франціи и посмотримъ, въ какой степени нашъ взглядъ на происхожденіе и эволюцію цеховъ подтверждается статутами, регулировавшими промыслы въ Парижѣ, Руанѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ сѣверныхъ и южныхъ городахъ, о которыхъ дошли до насъ болѣе или менѣе точныя свѣдѣнія на этотъ счетъ.

Прежде всего намъ важно отмѣтить то обстоятельство, что, кромѣ ремесленныхъ цеховъ, во Франціи существовали торговыя гильдіи, совершенно подобныя англійскимъ. Чтобы ограничиться однимъ только примѣромъ, остановимся на торговой гильдіи въ С.-Омерѣ, статуты которой восходятъ къ XI столѣтію (1072—1083). Эта гильдія управляется собраніемъ, извѣстнымъ подъ именемъ капитула. Чтобы стать членомъ гильдіи, нужно было купить привилегіи мастерства за извѣстную сумму, установленную писаннымъ обычаемъ. Преимущества, связанныя съ положеніемъ члена гильдіи, были столько же соціальнаго, сколько и экономическаго характера; членство давало право на помощь въ случаѣ болѣзни или несчастія, позволяло разсчитывать на поддержку товарищей по гильдіи въ случаѣ процесса, надѣляло правомъ участія въ закупкахъ сырого матеріала, производимыхъ любымъ изъ товарищей по гильдіи. Право монополизировать торгъ въ рукахъ «собратовъ» прямо не упоминается, но вѣроятно у членовъ купеческой гильдіи во Франціи точно также, какъ въ Англіи, были весьма существенныя торговыя преимущества, которыя заставляли въ концѣ концовъ каждаго, кто желалъ заниматься торговлей, присоединяться къ гильдіи. Это ясно видно изъ грамоты, дарованной Генрихомъ Плантагенетомъ торговой гильдіи Руана въ 1150 году и освобождавшей только одныхъ

членовъ ея отъ всякихъ платежей въ Лондонскомъ портѣ (*sint quieti de omni consuetudine apud Londonium*), за исключеніемъ пошлинъ, платимыхъ за вина. Простые ремесленники во Франціи, такъ же какъ и въ Англіи, включаемы были въ составъ гильдіи. Такъ, королевская грамота, дарованная въ 1210 г. городу Калэ, говоритъ безразлично обо всѣхъ горожанахъ, какъ входящихъ въ составъ торговой гильдіи. Въ Англіи ремесленныя корпораціи появляются лишь черезъ полстолѣтія послѣ изданія первыхъ статутовъ торговыхъ гильдій. Во Франціи между появленіемъ тѣхъ и другихъ лежитъ цѣлой столѣтіе; статуты торговыхъ гильдій восходятъ къ концу XI вѣка, а первыя указанія на цехи не идутъ далѣе 1160 и 1162 гг. Несомнѣнный фактъ, засвидѣтельствованные прямо въ «*Книгѣ ремеслъ*», составленной въ XIII столѣтіи знаменитымъ Этіеномъ Буало, представляетъ то, что во Франціи цехи не относили свои статуты ко времени, предшествовавшему царствованію Филиппа-Августа, т. е. къ эпохѣ установленія какъ въ Италіи, такъ и въ Англіи корпоративной организаціи ремеслъ.

Во Франціи точно такъ же, какъ въ Италіи и Англіи, монополія, состоявшая въ исключительномъ правѣ заниматься тѣмъ или инымъ промысломъ, является отличительной чертой цеха. Статуты ремесленныхъ корпорацій не оставляютъ на этотъ счетъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Они не только не разрѣшаютъ постороннимъ людямъ заниматься промысломъ, не только заставляютъ всѣхъ, кто хотѣлъ бы отправлять его, дѣлаться членами цеха, но и строго предписываютъ мастерамъ придерживаться «принципа раздѣленія труда» и не присоединять къ своему ремеслу еще какого-либо другого занятія. Такимъ образомъ, чтобы пріобрѣсти право снискивать себѣ пропитаніе отправленіемъ извѣстнаго ремесла, недостаточно одного знанія и практической опытности; необходимо еще быть принятымъ въ цехъ, сначала въ качествѣ ученика, а потомъ, черезъ извѣстный срокъ, въ качествѣ мастера. Поступленіе же въ цехъ дается не легко. Прежде

всего нужно уплатить извѣстныя пошлины королю и надсмотрщикамъ за ремеслами, затѣмъ работать втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ пользу хозяина, имѣя лишь право на содержаніе и на самое незначительное вознагражденіе.

Но, разъ сдѣлавшись мастеромъ, каждый можетъ въ свою очередь противиться конкуренціи не только со стороны постороннихъ ремеслу людей, но и тѣхъ, которые, будучи организованы въ цехъ, занимаются родственнымъ производствомъ. Тому, кто дѣлаетъ кошельки, запрещается, напримѣръ шить перчатки или дѣлать сѣдла. Лица, нарушающія эти запреты. платятъ денежный штрафъ, помимо процессуальныхъ издержекъ. присуждаемыхъ противной сторонѣ.

Чтобы получить право на профессіональную монополію, цехъ долженъ быть признанъ непосредственно государствомъ. Признаніе влекло за собой очень крупныя издержки; цехъ обязывался дѣлать ежегодно королю опредѣленные взносы. Королю не приходилось собирать послѣдніе черезъ своихъ чиновниковъ, онъ отдавалъ ихъ на откупъ, какъ и другіе доходы казны; онъ даже надѣлялъ ими на правахъ феодальнаго пожалованія, какъ надѣлялъ на тѣхъ же началахъ правомъ охоты и рыбной ловли. Государство въ лицѣ короля не только получало съ цеховъ извѣстные доходы, но ежечасно могло заставить ихъ почувствовать свою власть, закрывая ихъ на время или упраздняя ихъ совершенно. Въ этомъ отношеніи поведеніе Филиппа Красиваго и Карла VI вполнѣ соотвѣтствовало поведенію англійскихъ королей Генриха II и Іоанна Безземельнаго.

Филиппъ Красивый упразднилъ въ 1305 году всѣ сообщества, какъ религіозныя, такъ и промышленныя, на основаніи новаго постановленія, запрещавшаго всякія собранія гражданъ, разъ послѣднихъ было больше пяти человѣкъ. Въ свою очередь Карлъ VI вслѣдствіе бунта малльотеновъ распустилъ 3 января 1383 года парижскія корпораціи и замѣнилъ избираемыхъ старшинъ надсмотрщиками, назначаемыми превотомъ купцовъ.

Всякія собранія внѣ церкви были запрещены, и имущества цеховъ перешли въ руки короля.

Не то ли же происходило и въ Италіи, гдѣ, какъ напримѣръ въ Феррарѣ въ 1287 г., изданъ былъ приказъ, объявлявшій, что всѣ цехи должны быть закрыты, исключая тѣхъ сообществъ, задачей которыхъ является почитать Бога и святыхъ, раздавать милостыню, совершать погребеніе, заботиться о больныхъ братьяхъ? То-же повторилось въ Комо, а также и въ Сициліи. Въ послѣдней императоръ Фридрихъ II пригрозилъ даже обращеніемъ въ рабство тому, кто посмѣетъ возсоздать тотъ или иной ремесленный цехъ.

Создавая и распуская такого рода сообщества по своему произволу, парижскій муниципалитетъ не могъ, конечно, предоставить имъ полную автономію, ибо послѣдняя привела бы въ концѣ концовъ къ освобожденію французской промышленности отъ всякаго контроля. Поэтому, предоставляя цехамъ составлять статуты своихъ корпорацій, центральная власть сохраняла за собой право утверждать ихъ. Члены цеха свободно избирали своихъ начальниковъ или надсмотрщиковъ, но государственный чиновникъ или «prévôt du Châtelet» утверждалъ ихъ въ должности [1]). Другая подробность: лица, нарушавшія регламентъ при отправленіи своего ремесла, судились въ большинствѣ случаевъ самими надсмотрщиками надъ цехами, но присуждать къ уголовнымъ карамъ послѣдніе не могли. Если дѣло требовало примѣненія таковыхъ, виновный отводился въ Châtelet [2]). Чѣмъ больше подвигаемся мы впередъ, тѣмъ болѣе усиливается право государственныхъ чиновниковъ и парижскаго превота на высшее руководство ремеслами. Въ концѣ XIV вѣка одно парламентское постановленіе объявляетъ, что, на основаніи древнихъ ордо-

---

[1]) Выборы производились большинствомъ членовъ ремесла.

[2]) По отношенію къ нѣкоторымъ ремесламъ право контроля и юрисдикція находилось въ рукахъ „grand chambrier“, а не въ рукахъ превота.

нансовъ и давностнаго владѣнія, одинъ парижскій превотъ можетъ блюсти за примѣненіемъ ремесленныхъ регламентовъ и исправлять вкравшіяся въ практику злоупотребленія [1].

Такимъ образомъ монополія производства, подчиненіе государству и его чиновникамъ и рядомъ съ этимъ широкая автономія и право управляться на основаніи свободно принятыхъ статутовъ и свободно избранными начальниками являются общими чертами ремесленныхъ цеховъ Франціи, Англіи и Италіи. Вездѣ промышленность организована была по одному образцу,—по образцу замкнутаго сообщества, признаннаго и поставленнаго подъ контроль политическихъ властей, какъ муниципальныхъ, такъ и центральныхъ.

Посмотримъ же теперь, каково было при цеховомъ строѣ положеніе предпринимателя; а въ ближайшей лекціи мы познакомимся съ положеніемъ рабочаго.

Передъ нами сразу возникаетъ вопросъ, способный возбудить многочисленныя разногласія. Онъ заключается въ слѣдующемъ: справедливо ли, что средніе вѣка не знали того глубокаго раздѣленія между предпринимателемъ и наемнымъ работникомъ, которое является отличительной чертой современной промышленной организаціи? Очень распространенная школа, прославленная знаніемъ и талантами многихъ изъ своихъ членовъ, школа, хотя и появившаяся впервые въ Германіи, но начинающая все больше и больше завоевывать себѣ положеніе въ латинскихъ странахъ,—школа такъ называемыхъ катедеръ-соціалистовъ—много разъ высказывала то мнѣніе, что средніе вѣка, благодаря корпоративной организаціи ремеслъ, совершенно не знали раздѣленія промышленнаго населенія на два естественно враждебные класса: покупателей и продавцовъ труда.

Выдвигалось то мнѣніе, что умѣло составленное законо-

---

[1]) Постановленіе отъ 9 декабря 1396 г. Въ предшествующую эпоху свѣтскіе и духовные сеньеры не разъ завѣдывали регламентаціей и надзоромъ надъ промышленностью и торговлей, каждый въ предѣлахъ своего лена.

дательство, не придерживавшееся призрачнаго принципа свободы труда, нейтрализировало вліяніе спроса и предложенія на судьбу работника и обезпечивало ему, какъ безбѣдное существованіе, такъ и возможность, хотя и медленно, но увѣренно идти къ благосостоянію и даже богатству. Нѣкоторые авторы, и въ частности г. Брентано, считаютъ себя въ правѣ утверждать, что ремесленные цехи въ эпоху ихъ развитія, т. е. до второй половины XIV вѣка, не устанавливали никакого различія между мастеромъ и работникомъ, что о послѣднемъ упоминается лишь въ статутахъ, относящихся къ позднѣйшей эпохѣ.

Поставленный такимъ образомъ вопросъ требуетъ болѣе широкаго изслѣдованія, чѣмъ то, какому подвергался онъ до настоящаго времени. Совершенно недостаточно ограничиваться небольшимъ числомъ статутовъ, очень пространно трактующихъ о религіозныхъ обязанностяхъ членовъ цеха и объ административномъ устройствѣ послѣдняго и часто умалчивающихъ объ остальномъ. Необходимо посмотрѣть еще, не регулировались ли тѣ отношенія, которыя надлежитъ освѣтить, законодательствомъ, совершенно независимымъ отъ того, органомъ котораго являлся самый цехъ, и не удерживали ли городскіе совѣты втеченіе вѣковъ право быть единственными судьями въ этихъ вопросахъ. Мнѣ кажется, что таково именно и было положеніе вещей, и, чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно будетъ указать, что не позже, какъ въ 1212 году, граждане Лондона, по случаю пожара, истребившаго значительное число домовъ, сойдясь на общее собраніе (common council), нашли полезнымъ установить заработную плату плотникамъ. Послѣдніе, будучи единственными работниками по постройкамъ въ городѣ, состоявшемъ почти исключительно изъ деревянныхъ зданій, хотѣли воспользоваться общимъ несчастіемъ, чтобы нажиться сверхъ мѣры. Собраніе энергично воспротивилось этому, опредѣливъ норму заработной платы.

Взглядъ, высказанный Брентано, находится впрочемъ, по моему мнѣнію, въ полнѣйшемъ противорѣчіи и съ наиболѣе

древними статутами итальянскихъ гильдій. Такъ, учредительный статутъ цеха генуэзскихъ серебряныхъ и золотыхъ дѣлъ мастеровъ говоритъ въ 1242 г. о работникахъ, какъ о классѣ, отдѣльномъ отъ мастеровъ. Терминъ, которымъ обозначаются въ этомъ актѣ работники, есть *servíciales* или служители.

Статуты ремеслъ въ Болоньи и Венеціи не менѣе опредѣленно высказываются въ томъ же смыслѣ. Такъ, въ статутахъ бумажниковъ и картонщиковъ Болоньи рѣчь идетъ не только о мастерахъ, подмастерьяхъ и рабочихъ, но еще о письменныхъ договорахъ, регулирующихъ ихъ взаимныя отношенія. О рабочихъ, нанятыхъ по договору (pactoales), идетъ рѣчь также въ статутахъ суконщиковъ Болоньи, составленныхъ въ 1248 году; въ нихъ говорится, что разъ кто-либо поступилъ къ мастеру по договору и сдѣлался такимъ образомъ его *pactoalis*, никакой другой мастеръ уже не можетъ нанять его до истеченія срока найма. *Famuli* и *pactoales* извѣстны «*ferratori*» или желѣзникамъ Болоньи подъ болѣе широкимъ названіемъ «*laborantes*» (работники). О простыхъ поденщикахъ, бравшихся мастерами въ помощники, заходитъ также рѣчь въ статутѣ венеціанскихъ кузнецовъ (fabri), составленномъ въ 1271 г.

Если въ нѣкоторыхъ статутахъ не упоминается прямо о работникахъ, то потому, что ученики (*discipuli* или *pueri*) занимали ихъ мѣсто. Италія впрочемъ далеко не единственная страна, въ которой классъ рабочихъ является— и не позже XIII вѣка—отдѣленнымъ отъ класса предпринимателей. Ограничиваясь одной Франціей, мы укажемъ на то обстоятельство, что трудъ Фаньеза не оставляетъ никакого сомнѣнія относительно существованія въ эту же эпоху простыхъ поденщиковъ, которые нанимались въ служители къ членамъ цеха, доказавъ предварительно присягой или при помощи свидѣтелей, что они хорошо и надлежащимъ образомъ прошли свое ученичество и принесли присягу работать сообразно уставу.

Впрочемъ въ то время, когда ремесленная полиція и право разбирательства несогласій между хозяевами и рабочими перешли изъ рукъ муниципальныхъ совѣтовъ къ цехамъ, въ регламентахъ послѣднихъ не разъ выдвигался вопросъ объ установленіи правильныхъ отношеній между покупателями и продавцами труда. Такъ напримѣръ, въ уставѣ фламандскихъ прядильщиковъ, составленномъ въ 1362 году, мы встрѣчаемъ слѣдующія положенія: если кто-нибудь служитъ у хозяина по днямъ или по недѣлямъ, и хозяинъ удерживаетъ заработную плату, то особо назначенныя отъ цеха лица могутъ запретить хозяину занятіе ремесломъ, пока онъ не уплатитъ рабочему своего долга. Укажемъ еще на одну статью, встрѣчающуюся въ статутахъ многихъ ремесленныхъ корпорацій въ Англіи: «если работникъ плохо ведетъ себя по отношенію къ хозяину, ни одинъ изъ мастеровъ не долженъ давать ему занятія, пока онъ не покается публично передъ мэромъ и альдерменами». Отмѣтимъ еще слѣдующій весьма характерный параграфъ статута «*dell' arte di Calimala*» во Флоренціи: «если ученикъ заявитъ передъ консулами протестъ противъ своего хозяина и докажетъ, что послѣдній, вопреки заключенному съ нимъ договору, не уплатилъ ему его заработка, консулы обязаны принять мѣры къ выполненію договора».

Такимъ образомъ относительно раздѣленія промышленнаго населенія на двѣ категоріи, предпринимателей и работниковъ, не можетъ быть сомнѣнія. Остается посмотрѣть, насколько законодательство изучаемой эпохи стремится регулировать ихъ отношенія въ смыслѣ предупрежденія возможности столкновеній между ихъ часто противоположными интересами.

Полная неосновательность взгляда, приписывающаго цехамъ дѣйствительную защиту интересовъ труда, лучше всего подтверждается тѣмъ фактомъ, что они запрещали потребителямъ давать непосредственно отъ себя занятіе рабочимъ. Это можетъ быть установлено документально на основаніи парижскихъ ремесленныхъ статутовъ. Послѣдніе запрещаютъ слугамъ брать работу въ городѣ, а это означаетъ, какъ вполнѣ осно-

вательно замѣчено Фаньезомъ, что они не должны предоставлять свои ремесленныя познанія въ распоряженіе лицъ, постороннихъ ремеслу.

Работать у частнаго заказчика можно было только съ особаго разрѣшенія хозяина. Въ нѣкоторыхъ ремеслахъ и это было запрещено, напримѣръ, у вышивальщиковъ, въ силу того, что въ противномъ случаѣ хозяева не могли бы найти достаточно работниковъ для исполненія сдѣланныхъ имъ заказовъ. У гвоздарей рабочіе въ правѣ были исполнять заказы для публики лишь тогда, когда у хозяевъ не было для нихъ работы. Не трудно понять, что всѣ эти запрещенія были вызваны ничѣмъ инымъ, какъ желаніемъ охранить интересы хозяевъ, опасавшихся, съ одной стороны, повышенія заработной платы, какъ естественнаго результата увеличенія спроса, а съ другой— пониженія цѣны товара, какъ результата конкуренціи между работниками и хозяевами, конкуренціи тѣмъ болѣе вредной для послѣднихъ, что рабочіе, освобожденные отъ издержекъ по пріобрѣтенію званія мастера, могли продавать свой трудъ по болѣе дешевой цѣнѣ. Положенія, аналогичныя тѣмъ, которыя выдвигались ремесленными статутами въ столицѣ королевства, встрѣчаются и въ провинціи, какъ напр. въ Монпеллье, гдѣ портные, судя по XIII статьѣ ихъ статута (1351 г.), запрещали простымъ работникамъ всякую конкуренцію съ мастерами.

Статуты ремеслъ въ Италіи не менѣе опредѣленно высказываются по тому же вопросу. Одна статья, встрѣчающаяся почти постоянно въ уставахъ, такъ называемыхъ капитуларіяхъ ремеслъ Венеціи, запрещаетъ не только работникамъ, но и ученикамъ, принимать заказы вмѣсто хозяина. Другая мѣра, имѣвшая въ виду ту же задачу, заключалась въ томъ, что ученикамъ, не достигшимъ 16-ти-лѣтняго возраста, дававшаго право стать мастеромъ, запрещали участвовать въ барышахъ хозяина.

Чтобы предупредить возможность конкуренціи со стороны рабочихъ и подмастерьевъ, нѣкоторыя англійскія гильдіи до-

ходили даже до того, что не дозволяли мастерамъ обучать ремеслу простыхъ работниковъ; исключенія дѣлались лишь для тѣхъ подмастерьевъ, которые имѣли возможность стать современемъ мастерами.

Такимъ образомъ, далеко не смѣшивая работника съ мастеромъ, уставы цеховъ поддерживали различіе положеній, стремились помѣшать переходу простого поденщика, оплачиваемаго по днямъ или поштучно, къ высшему положенію промышленнаго предпринимателя. Называя цехи рабочими корпораціями, имъ придаютъ слѣдовательно ложный характеръ, ибо, насколько это было въ ихъ власти, они отдавали преимущество интересамъ предпринимателей. Правда, въ противоположность тому, что мы видимъ въ наши дни, сами хозяева выходили изъ среды рабочихъ. Многіе цехи оставались закрытыми для тѣхъ, кто не умѣлъ работать, но это было единственное препятствіе, которое капиталистъ встрѣчалъ въ своемъ стремленіи сдѣлаться членомъ цеха. Впослѣдствіи личное имущество становится необходимымъ условіемъ для перехода изъ положенія ученика въ положеніе мастера. Еще позже мастеръ получаетъ право свободно вводить въ корпорацію своихъ сыновей и племянниковъ, причемъ и тѣ, и другіе освобождаются отъ всякихъ денежныхъ взносовъ. Это правило, встрѣчающееся въ цеховыхъ статутахъ Англіи, Франціи и Германіи, очень сильно содѣйствовало въ Италіи превращенію нѣкоторыхъ ремеслъ въ наслѣдственныя занятія и созданію такимъ образомъ среди ремесленниковъ своего рода олигархіи,—ядра, изъ котораго развился впослѣдствіи классъ промышленныхъ капиталистовъ.

О среднихъ вѣкахъ можно сказать не то, что имъ не извѣстно было противоположеніе интересовъ предпринимателей и рабочихъ, а только то, что они всячески старались уравнять условія производства для самихъ предпринимателей. Для этой цѣли служили такія напримѣръ правила: никто не долженъ имѣть бо̀льшаго числа учениковъ и слѣдовательно рабочихъ помощниковъ, чѣмъ положено въ статутахъ цеха;

никто не въ правѣ уступать своего ученика товарищу и т. п. Вотъ нѣсколько примѣровъ подобныхъ постановленій, заимствованныхъ изъ статутовъ итальянскихъ цеховъ.

Статуты каменщиковъ — «muratori» — въ Болоньи отъ 1250 г. запрещаютъ мастерамъ принимать произвольное число учениковъ. Въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности мастеру не разрѣшалось даже имѣть болѣе одного ученика, хотя большая часть статутовъ признаетъ право держать двухъ. Промысловые статуты Франціи съ этой стороны не отличаются отъ итальянскихъ. Изъ 78 корпорацій, существовавшихъ, какъ констатируетъ «Книга ремеслъ» Этіена Буало, въ XIII вѣкѣ, въ 49-ти число учениковъ колебалось между однимъ и тремя и только въ 29-ти число это было неограничено. Во Франціи точно такъ же, какъ въ Италіи, хозяинъ имѣлъ право обучать, кромѣ установленнаго закономъ числа учениковъ, своихъ дѣтей, дѣтей своей жены, своихъ братьевъ и племянниковъ.

Статуты англійскихъ цеховъ отличаются такой же строгостью въ вопросѣ о числѣ помощниковъ, служителей или учениковъ, услугами которыхъ могъ пользоваться мастеръ. Статуты портныхъ въ Экзетерѣ, напримѣръ, говорятъ о трехъ работникахъ и объ одномъ ученикѣ, какъ о максимумѣ, который можетъ быть превышенъ лишь съ согласія лицъ, стоящихъ во главѣ цеха. Чтобы поддержать равенство между мастерами, имъ было запрещено уступать другъ другу учениковъ. «Тотъ, кто беретъ къ себѣ ученика только для того, чтобы уступить его другому лицу, занимающемуся тѣмъ же ремесломъ, наказывается штрафомъ»—гласятъ статуты ворчестерскихъ плотниковъ. То же правило соблюдалось тщательно и во Франціи. Хозяинъ могъ пользоваться трудомъ ученика лишь для работъ, исполнявшихся за его собственный счетъ, но не за счетъ товарищей.

Все съ той же цѣлью поддержать извѣстное равенство прибылей между мастерами одного и того же цеха, ремесленные статуты предписывали обязательный отдыхъ въ воскресные и

праздничные дни. Отдыхъ этотъ всѣ должны были начинать въ одинъ и тотъ же часъ, наканунѣ того дня, въ который запрещено было работать, — съ призыва къ вечернѣ. Лица, нарушавшія это правило, подвергались штрафу. Консуламъ, надсмотрщикамъ и другимъ властямъ, избиравшимся цехомъ изъ своей собственной среды, поручалось тщательно слѣдить за исполненіемъ такихъ предписаній и наказывать нарушителей денежными взысканіями. Фактъ этотъ слишкомъ хорошо извѣстенъ, чтобы останавливаться на немъ. Достаточно будетъ сказать, что и въ этомъ отношеніи итальянскіе промысловые статуты сходятся со статутами англійскихъ и французскихъ цеховъ.

Спеціальная статья, озаглавленная: «*de diebus festivis celebrandis*», обыкновенно встрѣчается въ *mariegolae* и капитуларіяхъ, иначе уставахъ, которые издавали время отъ времени итальянскія ремесленныя товарищества. Во Франціи, какъ и въ Италіи, промышленная дѣятельность пріостанавливалась въ воскресенье, на Рождество, въ праздникъ Эпифаніи, на Пасху, на Вознесеніе, на Троицу, въ Духовъ день, въ праздникъ тѣла Господня (Corpus Christi), въ пять праздниковъ Богородицы, въ праздникъ всѣхъ Святыхъ, въ праздникъ всѣхъ Апостоловъ, въ Ивановъ день и въ храмовой праздникъ самаго цеха. Въ субботу наканунѣ праздника работа не должна была длиться дольше вечерни или всенощной. Мы встрѣчаемъ то же и въ Англіи; религіозность и тамъ, какъ и въ другихъ христіанскихъ странахъ, побуждала къ соблюденію воскресенья и праздниковъ [1]). Забота о поддержаніи равенства прибыли между мастерами заставляла наказывать большими штрафами какъ патрона, такъ и работ-

[1]) Очень интересныя подробности собраны по этому предмету Торольдомъ Роджерсомъ въ первомъ томѣ его „Исторіи земледѣлія и цѣнъ въ Англіи". Изслѣдованіе, произведенное этимъ неутомимымъ изыскателемъ, въ которомъ экономическая исторія такъ много потеряла, показываетъ, что, въ отличіе отъ современнаго работника, работникъ средневѣковой пользовался досугомъ втеченіе четверти или трети года.

ника, не соблюдавшихъ обязательнаго покоя праздничнаго дня, такъ какъ такого рода работа нарушаетъ равновѣсіе въ пользу того, кто требовалъ ея отъ своихъ служащихъ.

Строгость, съ которой цехи преслѣдовали мастеровъ, изготовлявшихъ фабрикаты сомнительнаго качества, объясняется не только охраной интересовъ потребителей, но отчасти также желаніемъ помѣшать быстрому накопленію богатствъ въ рукахъ тѣхъ, кто мало заботился о сохраненіи профессіональной чести. По этому предмету мы видимъ полное единогласіе между статутами итальянскихъ, англійскихъ и французскихъ цеховъ.

Венеціанскіе золотыхъ дѣлъ мастера приносятъ присягу, что они не будутъ примѣшивать ни серебра въ золотыя вещи, ни мѣди въ серебряныя, что они никогда не будутъ употреблять поддѣльныхъ алмазовъ, не будутъ подмѣнивать однѣ драгоцѣнности другими. Ткачи шелковыхъ матерій обѣщаютъ продавать новыя вещи за новыя и старыя за старыя, ткачи полотенъ — не смѣшивать тканей разнаго качества и происхожденія, чтобы онѣ не казались лучше дѣйствительности. Статуты XIV вѣка входятъ въ подробности еще болѣе разнообразныя относительно способовъ отправленія ремесла. Такъ, статутъ венеціанскихъ мѣховщиковъ запрещаетъ членамъ цеха примѣшивать въ одной и той же отдѣлкѣ старый мѣхъ къ новому, продавать старые мѣха за новые, употреблять волчьи хвосты и т. д.

Чтобы эти предписанія не оставались мертвой буквой, статуты обязываютъ ремесленниковъ предъявлять изготовленные ими товары къ осмотру избраннымъ властямъ. Гастальды и консулы, часто также и особые чиновники, избранные съ этой цѣлью собраніемъ мастеровъ, разсматривали товаръ и то разрѣшали поставить его заказчику, то принимали мѣры къ истребленію всего сфабрикованнаго. Иногда они устанавливали также цѣну, по которой товаръ долженъ былъ поступить къ покупателю, и производили по этому случаю самую тщательную расцѣнку качества товара и способностей ремесленника.

Мы не сказали конечно и половины того, чтó можно казать объ организацiи промышленности при цеховыхъ порядкахъ. Но все-таки представленный нами очеркъ кажется амъ достаточнымъ для того, чтобы показать несостоятельность октрины, по которой происхожденiе саларiата не восходитъ ыше послѣдняго столѣтiя. Международное соцiологическое бозрѣнiе («Le Revue Internationale de Sociologie»), издаваемое -номъ Ворысомъ, напечатало въ два прiема различные тексты, оказывающiе существованiе серьезныхъ столкновенiй между абочими и предпринимателями уже въ XVI столѣтiи. Я буду мѣть случай познакомить васъ со стачками рабочихъ, восходящими къ болѣе ранней эпохѣ, къ серединѣ XIV столѣтiя. ъ этими самыми столкновенiями связано происхожденiе рабочихъ братствъ (Confréries, Gesellen-Verbände), вродѣ общества астера Жака и отца Субиза, которымъ въ Германiи соотѣтствуютъ «товарищества подмастерьевъ», также восходящiя ко времени черной смерти, свирѣпствовавшей въ Европѣ ъ 1348 и 1349 гг.

ЛЕКЦІЯ ЧЕТВЕРТАЯ.

Рабочій вопросъ въ средніе вѣка.

Въ послѣдней лекціи я оспаривалъ мнѣніе, по которому средніе вѣка совершенно не знали саларіата. Теперь я покажу, что рабочій вопросъ былъ уже тогда предметомъ заботъ законодателя, хотя вопросъ этотъ представлялся въ то время въ совершенно иномъ видѣ, чѣмъ въ наши дни. Закабаленныя правящимъ классамъ, — крупному, какъ свѣтскому, такъ и духовному землевладѣнію, и той зажиточной буржуазіи, которая захватила власть въ городахъ, — королевства и республики соперничали въ усердіи, защищая экономическіе интересы этихъ правящихъ классовъ, и совершенно безцеремонно регулировали вопросъ о заработной платѣ въ интересахъ послѣднихъ. Невѣрно передаютъ характеръ ихъ экономической политики, говоря, что она озабочена была проведеніемъ въ жизнь господствовавшаго въ канонической литературѣ ученія о справедливой цѣнѣ (justum pretium).

По этой теоріи, изложенной г. Эндеманномъ и, по Эндеманну, профессоромъ Эшлэ, каждый долженъ былъ жить такъ, какъ это лучше всего подходило къ его соціальному положенію. Долгъ правительства состоялъ въ томъ, чтобы поддерживать всѣхъ на этомъ добромъ пути законами противъ роскоши и установленіемъ тарифовъ, регулирующихъ цѣны товаровъ и труда. Я нисколько не отрицаю существованія подобной доктрины, но я полагаю, что она формулирована была много времени спустя, въ оправданіе политики, истинной цѣлью которой было охранять установленный строй и по-

мѣшать рабочимъ классамъ выйти изъ ихъ приниженнаго положенія на путь, ведущій къ матеріальной независимости и достатку. Законы противъ роскоши, которые приводятъ въ подкрѣпленіе того положенія, что правительственная регламентація затрогивала безразлично всѣ классы, не имѣли въ концѣ концовъ другой цѣли, кромѣ той, чтобы помѣшать разоренію богатыхъ и задержать у менѣе состоятельныхъ стремленіе къ лучшему будущему. Регулируя цѣны далеко не всѣхъ товаровъ, что̀ было-бы фактически невозможно, средневѣковыя правительства противились своими подвижными тарифами вздорожанію съѣстныхъ припасовъ—хлѣба, мяса, пива, вина — ибо только при этомъ условіи и можно было поддерживать разъ установленныя нормы заработной платы. Ихъ политику въ этомъ вопросѣ можно уподобить позднѣйшей политикѣ протекціонизма.

Стремясь обезпечить въ интересахъ промышленности и промышленнаго класса низкій уровень заработной платы, протекціонизмъ возстаетъ противъ вывоза съѣстныхъ припасовъ и прежде всего хлѣба. И ему дорого не благосостояніе работниковъ, а уменьшеніе издержекъ, которыя несутъ хозяева промышленныхъ предпріятій. И этотъ режимъ Гербертъ Спенсеръ хотѣлъ выдать за практическое примѣненіе началъ соціализма! Чтобы дать вамъ возможность оцѣнить съ знаніемъ дѣла научное значеніе такого утвержденія, я детально познакомлю васъ съ пріемами регулированія заработной платы въ средніе вѣка, образцы которыхъ даны были впрочемъ еще Римской имперіей V вѣка.

Въ царствованіе Діоклетіана законъ установилъ maximum цѣнъ для всѣхъ товаровъ, не исключая и свободнаго труда. Тарифъ этотъ долженъ былъ прилагаться во всѣхъ провинціяхъ имперіи подъ страхомъ смерти. Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, примѣру императорскаго Рима слѣдовали на протяженіи всѣхъ среднихъ вѣковъ. Въ эпоху, когда законодатель считалъ себя въ правѣ регулировать законами противъ роскоши расходы частныхъ лицъ, напри-

мѣръ число блюдъ и покрой одежды, установленіе maximum'а цѣнъ на необходимые для жизни продукты и на трудъ рабочихъ и ремесленниковъ было въ порядкѣ вещей. Стоявшія у власти лица издавна обращались къ нему. Едва мы вступаемъ въ ту эпоху, когда лѣтописи перестаютъ быть нашимъ единственнымъ источникомъ, когда повседневная жизнь раскрывается грамотами, описями крестьянскихъ службъ и платежей, протоколами вотчинныхъ и другихъ судовъ и т. п.,— передъ нами развертывается длинный рядъ maximum'овъ и подвижныхъ таксъ, по которымъ хлѣбъ и часто мясо должны были продаваться булочниками и мясниками и по которымъ пиво должно было поставляться потребителямъ въ предѣлахъ того или иного помѣстья или города.

Очень поучительно съ этой точки зрѣнія изученіе такъ называемыхъ «assizae panis», длинный перечень которыхъ начинается съ франкфуртскаго капитулярія 794 года. Этотъ документъ обнаруживаетъ ту же тенденцію регулировать цѣну на хлѣбъ для всѣхъ временъ и для всѣхъ странъ имперіи, какую мы видѣли уже въ знаменитомъ законѣ Діоклетіана. «Постановилъ благочестивѣйшій король нашъ (Карлъ Великій), дабы никто, будь онъ клирикъ, будь онъ міранинъ, не смѣлъ продавать хлѣба въ годъ ли изобилія, или въ годъ недорода дороже, чѣмъ и т. д.». Въ Англіи первая assiza panis восходитъ къ концу XII столѣтія.

Записи крестьянскихъ службъ и платежей (censiers) должны быть приняты въ разсчетъ при изученіи «maxima», установленныхъ во Франціи раньше второй половины XIV столѣтія. Подобнаго рода документами изобилуютъ въ исключительномъ количествѣ архивы итальянскихъ муниципій. Спеціальное учрежденіе, вѣдавшее провіантированіе хлѣбомъ, должно было оберегать интересы потребителей. Изучая безчисленныя бумаги, служившія для записыванія изъ года въ годъ устанавливаемыхъ регламентами цѣнъ, можно найти самыя точныя указанія для знакомства съ исторіей тѣхъ пріемовъ, кото-

рымъ слѣдовали въ средніе вѣка съ явной цѣлью поддерживать на одномъ и томъ же уровнѣ издержки существованія.

Функціонированіе учрежденій по провіантированію хлѣбомъ (такъ называемая «annona») можетъ быть изучено въ мельчайшихъ подробностяхъ не въ одной Флоренціи или Сіенѣ (statuti della bicherna). Статуты города Комо отъ XIII и XIV вѣковъ также очень поучительны въ этомъ отношеніи, ибо знакомятъ насъ съ тѣми пріемами, къ которымъ прибѣгалъ городъ съ цѣлью регулированія доходовъ булочниковъ сообразно измѣненіямъ цѣнъ на зерно.

Что касается до регламентаціи заработной платы, наиболѣе интересующей насъ въ настоящее время, то она появляется вмѣстѣ со свободнымъ трудомъ. Пока домашнее хозяйство и обработка полей были дѣломъ рабовъ и крѣпостныхъ, рѣчь могла идти только объ установленіи числа дней отдыха и соотвѣтственнаго числа рабочихъ дней. Объ этомъ именно и говорится въ записяхъ крестьянскихъ службъ (цензуаріяхъ или ренталяхъ), начиная съ тѣхъ *Rectitudines singularum personarum*, которые послужили для англійскихъ историковъ почти единственнымъ источникомъ для характеристики экономическаго положенія земледѣльческихъ классовъ въ эпоху англо-саксовъ. Аналогичные документы толкуютъ также о томъ, сколько дней въ недѣлю долженъ посвящать крѣпостной или виланъ на обработку помѣщичьяго поля. Эти документы встрѣчаются въ хартуларіяхъ, полиптикахъ и Weisthümer Англіи, Франціи и Германіи.

Вопросъ о нормахъ заработной платы волнуетъ прежде всего и особенно города, центры свободнаго населенія. Иногда муниципальные совѣты устанавливали maximum заработной платы, иногда цехи запрещали работникамъ требовать за свой трудъ вознагражденія, превышающаго установленныя обычаемъ нормы. Доказательства этому могутъ быть почерпнуты въ «Книгѣ ремеслъ», сборникѣ древнихъ статутовъ парижскихъ цеховъ, собранныхъ въ царствованіе Людовика IX знаменитымъ Этіеномъ Буало.

«Работающіе поштучно у портныхъ, читаемъ мы въ этомъ единственномъ въ своемъ родѣ памятникѣ, не въ правѣ требовать другого вознагражденія, кромѣ справедливой цѣны, какую получали они доселѣ». Или еще: «да не посмѣетъ никто дать или обѣщать рабочему больше того, что ему слѣдуетъ поденной платы въ размѣрѣ, въ какомъ и прежде было въ обычаѣ давать ее въ предѣлахъ города Парижа». Въ нѣкоторыхъ ремеслахъ цѣна рабочаго дня опредѣлялась разъ на всегда. Такъ, день стригальщиковъ шерсти оцѣнивался въ два или три динарія, смотря по тому, были ли они на хозяйскихъ, или на своихъ собственныхъ харчахъ. Общее собраніе мастеровъ слѣдило за тѣмъ, чтобы работники оплачивались должнымъ образомъ. Если какой-нибудь мастеръ несправедливо поступаетъ съ рабочими, отказывая имъ въ уплатѣ заработка (установленнаго обычаемъ),—читаемъ мы въ статутахъ портныхъ въ Монпеллье отъ 1351 г.,—третейскій судъ мастеровъ можетъ принудить хозяина къ исполненію его долга.

Въ Италіи, какъ показываетъ это древній статутъ флорентинскихъ фабрикантовъ тонкой шерсти (ars Calimala), право регулировать заработную плату принадлежало общему собранію мастеровъ. Консулы города должны были слѣдить за выполненіемъ этихъ регламентовъ при столкновеніяхъ между предпринимателями и рабочими. То же имѣло мѣсто въ Фаенцѣ, гдѣ плотники въ своихъ статутахъ отъ 1331 года признаютъ за консулами право вынуждать хозяевъ къ уплатѣ заработной платы ученику, «съ нимъ живущему или поселившемуся отдѣльно отъ него» («cum eo morante vel ab eo separato»).

Въ Лондонѣ, гдѣ муниципалитетъ сохранилъ до конца XIII вѣка право высшаго наблюденія надъ цехами, maximum заработной платы плотникамъ равнялся въ 1212 г. двумъ динаріямъ въ день съ харчами (conredium), или четыремъ динаріямъ безъ харчей. Рабочіе несовершеннолѣтніе (minores) получали на одинъ динарій меньше. Въ болѣе поздній

періодъ цѣны на трудъ регулируются въ Англіи выборными начальниками цеховъ; въ этомъ смыслѣ высказываются статуты бристольскихъ сукноваловъ.

Попытки опредѣлить размѣръ заработной платы, начиная съ XIII вѣка, встрѣчаются не въ однихъ населенныхъ городахъ; то же самое происходитъ и въ мѣстечкахъ, наполовину промышленныхъ, наполовину земледѣльческихъ, какова была напримѣръ коммуна Ангіари въ Тосканѣ, статуты которой, составленные около 1230 года, слѣдующимъ образомъ регламентируютъ заработную плату: отъ Михайлова дня до начала марта заработная плата земледѣльческимъ рабочимъ полагается не болѣе четырехъ динаріевъ въ день, считая въ томъ числѣ и расходы хозяина по ихъ содержанію (cum expensis). За нарушеніе этого правила подеста накладывалъ штрафъ въ 12 динаріевъ. Отъ начала марта до Михайлова дня опредѣленной платы не существовало: «accipiant laboratores quicquid possunt accipere in die», — гласитъ статутъ Ангіари. За земледѣльческими рабочими идутъ плотники (magistri lignorum). Заработная плата ихъ бываетъ выше или ниже, смотря по сезону. Отъ Михайлова дня до начала апрѣля имъ давали не больше 12 динаріевъ въ день, поставляя имъ въ то же время пищу и питье. Отъ начала апрѣля до Михайлова дня вознагражденіе, не считая пищи, подымалось до 18 динаріевъ въ день. Причина, по которой заработная плата земледѣльческимъ рабочимъ регулировалась рѣже, чѣмъ плата ремесленникамъ, заключалась очевидно въ томъ, что сельско-хозяйственные работы выполнялись крѣпостными.

Въ видѣ исключенія и притомъ только въ странахъ, гдѣ успѣло исчезнуть крѣпостное право, можно встрѣтить въ памятникахъ XIII вѣка документы вродѣ слѣдующаго (статутъ, составленный въ маѣ мѣсяцѣ 1269 г. епископомъ, викаріемъ, вице-графомъ, мэромъ, полевымъ сторожемъ и жителями мѣстечка Сіонъ въ Валэ): «Установлено на общемъ собраніи (placitum generale), что поденщики будутъ получать «pro

mercede unius diei», т. е. поденно, два динарія и вино, или пять динаріевъ безъ вина; косари (sectarii) будутъ имѣть пять динаріевъ съ пищей и семь безъ пищи». Аналогичные тарифы встрѣчаются въ статутахъ итальянскихъ городовъ, какъ напримѣръ Болоньи (отъ 1250 по 1267 гг.), Мантуи (отъ 1303 г.). Фурщики и кузнецы должны были присягать, что не будутъ требовать съ своихъ кліентовъ платы свыше установленной, каждый разъ, когда нужно будетъ перевезти товаръ не далѣе опредѣленнаго разстоянія и подковать лошадей или муловъ.

Чтобы судить о высотѣ заработной платы въ средніе вѣка, необходимо имѣть въ виду число часовъ, втеченіе которыхъ рабочій долженъ былъ трудиться. И въ этомъ отношеніи обычай стремился къ полному устраненію произвола. Разрѣшено было работать только днемъ, начиная съ зари, когда раздавался звонъ къ заутрени, и оканчивая вечеромъ, съ закатомъ солнца. Ночной трудъ былъ запрещенъ, какъ въ интересахъ работниковъ, такъ и въ виду лучшей отдѣлки фабрикатовъ, отчасти также и изъ боязни пожаровъ.

Максимальный рабочій день, говоритъ Фаньезъ о парижскихъ рабочихъ, былъ равенъ лѣтомъ обыкновенно 16 часамъ, минимальный—восьми съ половиной. Но отсюда надо вычесть часы отдыха. Прибавимъ, что если такова была продолжительность рабочаго дня, опредѣленная ордонансами по отношенію къ ручному труду, то въ нѣкоторыхъ ремеслахъ денной трудъ кончался фактически съ вечерни или съ всенощной, т. е. въ четыре часа зимою и семь лѣтомъ.

Въ нѣкоторыхъ ремеслахъ рабочіе добились даже сокращенія числа часовъ работы. Такъ, у стригальщиковъ дѣйствительный рабочій день былъ сведенъ къ $9^1/_2$ часамъ втеченіе ноября, декабря и января; въ остальное время продолжительность труда зависѣла отъ долготы дня. Статуты корпорацій опредѣляютъ также очень часто продолжительность от-

ыха, необходимаго для ѣды. Полагается обыкновенно часъ, ѣдко два для обѣда и полчаса—для завтрака.

Въ Германіи работа также длилась отъ утра до вечера, о чемъ въ нѣкоторыхъ цеховыхъ статутахъ мы встрѣчаемъ формальныя заявленія. Такъ напримѣръ, Kistenmacher или фабриканты сундуковъ и Bernsteindreher (точильщики) постановили въ Любекѣ: первые, что рабочій день долженъ длиться съ 4-хъ часовъ утра до 7-ми вечера; вторые, что работа тянется зимой съ 6-ти часовъ, лѣтомъ же съ 5-ти часовъ утра и до 8-ми часовъ вечера.

Подобныя же предписанія находимъ мы и въ Бельгіи. «Ни одинъ мастеръ не долженъ ставить своихъ подмастерій на работу раньше утренняго колокола. Полуденный колоколъ долженъ служить сигналомъ къ обѣду, вечерній—къ закрытію мастерской». Спеціальные колокола, возвѣщавшіе о началѣ работы и о часѣ ея прекращенія, существовали какъ въ Бельгіи, такъ и во французской Фландріи, въ Аміенѣ, въ Турнэ, въ Коминѣ. Одинъ недавно напечатанный документъ показываетъ, какую важность имѣло въ глазахъ рабочихъ существованіе подобнаго колокола. Въ Провинѣ имѣлся съ незапамятныхъ временъ городской колоколъ, подъ звуки котораго созывались ежедневно на работу занятые въ шерстяномъ производствѣ прядильщики и ткачи, а также пригородные сельскіе батраки. Этотъ колоколъ въ наказаніе за бунтъ былъ снятъ—«cloche abatue et condemnée», — какъ гласитъ грамота. «По этой причинѣ, читаемъ мы въ актѣ, изъ котораго я заимствую эти данныя, названные рабочіе и сельскія работницы не знаютъ, въ какомъ часу и когда становиться имъ на работу». Они нашли поэтому нужнымъ обезпокоить Филиппа Валуа своей просьбой и обратились къ нему съ ходатайствомъ, чтобы возстановлены были старинные обычаи. Король, не соглашаясь возвратить городу колоколъ, декретировалъ слѣдующее: «Надлежитъ звонить въ колоколъ дворцовой часовни тотчасъ-же послѣ того, какъ въ храмѣ св. Гвинаты сдѣланъ будетъ призывъ къ вечернѣ, а также

послѣ того, когда раздадутся удары въ другой колоколъ, именуемый «Жанна-бѣлильщица» (Jaquette la Laveuse), который также виситъ въ нашей капеллѣ; какъ прекратится звонъ этого колокола, такъ рабочіе могутъ расходиться по домамъ, одинаково зимою и лѣтомъ».

Наканунѣ праздниковъ работа прекращалась послѣ полудня. Во многихъ мѣстностяхъ Германіи не полагалось работать не только въ воскресенье, но и въ понедѣльникъ. «Понедѣльникъ — братъ воскресенья», гласитъ одна пѣсня, составленная сапожниками.

Предшествующее изложеніе доказываетъ, какъ мы думаемъ, что идея установленія законодательнымъ путемъ отношеній между хозяевами и рабочими утвердилась въ Европѣ гораздо раньше второй половины XIV вѣка, что она входила въ составъ того, что можно пожалуй назвать соціальной политикой среднихъ вѣковъ. Невозможно слѣдовательно говорить о рабочемъ законодательствѣ тѣхъ лѣтъ, которыя слѣдовали за чумой 1348 года, какъ о совершенно новомъ явленіи. Особенностью, дѣйствительно отличавшей это законодательство отъ предшествовавшихъ ему, былъ его вполнѣ международный характеръ.

Тотъ фактъ, что такія монархическія государства, какъ Франція, Англія, Араговія, Кастилія и Каталонія, и такія городскія республики, какъ Флоренція, Пиза, Орвіето, Перуджія, принимаютъ однѣ и тѣ же мѣры противъ естественнаго роста заработной платы, нельзя объяснять извѣстнаго рода предварительнымъ соглашеніемъ между правительствами,—соглашеніемъ, подобнымъ тому, которое, какъ надѣялся Вильгельмъ II, должно было состояться послѣ созыва знаменитой берлинской конференціи. Такого соглашенія не было на самомъ дѣлѣ, и нѣкоторыя, впрочемъ весьма немногія, республики, въ томъ числѣ Венеція, обошлись безъ подобныхъ запретовъ, довольствуясь косвеннымъ пониженіемъ заработной платы путемъ призыва въ свои стѣны чужеземныхъ рабочихъ и открытія имъ свободнаго доступа въ составъ цеховъ.

Но этой политики свободной конкуренціи придерживалось далеко не большинство европейскихъ государствъ. Она какъ нельзя болѣе понятна со стороны такого вполнѣ торговаго города, какъ Венеція, гдѣ мы уже встрѣчаемъ въ зародышѣ всѣ элементы, изъ которыхъ складывается современный экономическій режимъ: капиталистическое производство, разсчитанное на міровой рынокъ, и создаваемую обширнымъ обмѣномъ циркуляцію богатствъ, охватывающую самые различные народы и страны. Ея отношеніе къ затрудненіямъ, созданнымъ внезапнымъ обезлюденіемъ селъ, могло найти себѣ подражателей въ чисто земледѣльческихъ государствахъ, каковыми были Сіенская республика, Фельтре и Тревизо. Той же политики держались и торговые города, расположенные по берегамъ Адріатики, въ частности Рагуза, гдѣ г. Лехнеръ отыскалъ слѣды рабочаго законодательства, вполнѣ соотвѣтствующаго венеціанскому и восходящаго къ годамъ, слѣдовавшимъ за черной смертью.

Отсюда еще не слѣдуетъ, что XIV вѣкъ могъ оцѣнить преимущества свободной конкуренціи, что законодатели этого вѣка вдохновлялись иными идеями, чѣмъ идеи правительственнаго принужденія и регламентаціи, общія всей эпохѣ среднихъ вѣковъ.

Посмотримъ теперь, какія мѣры принимали правительства съ цѣлью насильственнаго задержанія естественнаго роста заработной платы. Начнемъ съ Англіи.

Гг. Себомъ и Гаске установили тотъ фактъ, что эпидемія 1348 г. унесла не меньше трети, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ даже половину жителей. Вслѣдствіе этого заработная плата поднялась, по вычисленію Роджерса, на 48% противъ уровня, достигнутаго ею въ первую половину вѣка. Въ своемъ посланіи къ мэру и балльифамъ Сандвича, Эдуардъ III обращаетъ вниманіе мѣстныхъ властей на вопросъ о заработной платѣ. Онъ указываетъ на то, какъ трудно собственникамъ удерживать въ своихъ имѣніяхъ рабочихъ.

которые массами эмигрируютъ, привлеченные болѣе выгодными предложеніями сосѣднихъ помѣщиковъ. Король первый страдаетъ отъ этого, потому что работники покидаютъ земли казны, переходя въ помѣстья духовныхъ и свѣтскихъ лицъ. Письмо короля помѣчено 18 декабря 1349 года. Черезъ шесть мѣсяцевъ Эдуардъ III, посовѣтовавшись съ своими магнатами, выпускаетъ слѣдующій ордонансъ касательно земледѣльческихъ рабочихъ.

Предписывается всѣмъ работать. Лица, не достигшія старческаго возраста (шестидесяти лѣтъ), не занимающіяся ремесломъ, не торгующія, не принадлежащія къ числу собственниковъ-рантье, обязаны принимать отъ помѣщиковъ то же вознагражденіе, какое получали за послѣднія шесть лѣтъ. Никто не долженъ, подъ страхомъ быть заключеннымъ въ тюрьму, покидать работу до выполненія принятыхъ обязательствъ. То же самое предписывается подмастерьямъ сапожниковъ, портныхъ, рабочимъ помощникамъ плотниковъ и каменщиковъ, бутыльщикамъ, кожевникамъ, сѣдельщикамъ и т. д. Хозяевамъ же предлагается не держать у себя работниковъ свыше необходимаго имъ числа. Имъ угрожаютъ штрафомъ на тотъ случай, еслибы они согласились увеличить заработную плату своихъ рабочихъ. Казна въ правѣ въ подобныхъ случаяхъ взыскивать въ свою пользу сумму въ два и даже три раза большую противъ излишка, уплаченнаго рабочему. Право регулировать всѣ столкновенія между собственниками и земледѣльцами, между промышленниками и рабочими принадлежитъ вотчиннымъ и королевскимъ судьямъ, а позже предоставлено спеціальнымъ судьямъ сельскихъ и городскихъ рабочихъ («justices of labourers and artificers»). Компетенція этихъ послѣднихъ вскорѣ переходитъ на мировыхъ судей.

Парламентъ, собравшійся въ 1351 г., одобряетъ всѣ эти мѣры и даже требуетъ усиленія наказаній. Говоря о слишкомъ требовательныхъ рабочихъ, онъ высказываетъ слѣдующее пожеланіе: «да будетъ угодно Вашему Величеству подвергнуть ихъ тѣлесному наказанію и возмѣщенію излишковъ».

Мотивомъ къ такому усиленію жестокости парламентъ выставляетъ тотъ фактъ, что «рабочіе не обращаютъ никакого вниманія на взыскиваемые съ нихъ штрафы и вознагражденія убытковъ, но со дня на день ведутъ себя все хуже и хуже».

Статутъ о ремесленникахъ и слугахъ, явившійся результатомъ совѣщаній парламента, отчасти воспроизводитъ постановленія короля, а отчасти вноситъ въ нихъ нѣкоторыя измѣненія вродѣ слѣдующаго: земледѣльческіе рабочіе должны наниматься на годъ и не имѣютъ права покидать помѣстье во время жатвы, подъ страхомъ заключенія въ тюрьму по приказанію шерифовъ графства; предлагать свой трудъ они могутъ только на рынкахъ, гдѣ властямъ легко контролировать выполненіе закона; тотъ, кто получаетъ или даетъ заработную плату выше установленной, теряетъ излишекъ въ пользу казны; энергичныя мѣры должны быть приняты противъ агитаторовъ,—противъ всѣхъ, кто поддерживаетъ притязанія «слугъ и рабочихъ» («servants et laborers») вопреки ордонансу.

Посмотримъ теперь, примѣнялись ли вышеуказанные законы.

Г. Торольдъ Роджерсъ, исходя изъ того предвзятаго мнѣнія, что естественныя отношенія спроса и предложенія берутъ всегда верхъ надъ тормазящими ихъ регламентами, утверждаетъ, что законы Эдуарда III никогда строго не примѣнялись.

Источники противорѣчатъ однако подобному заключенію. Въ счетахъ управляющихъ помѣстьями, принадлежавшими колледжамъ въ Оксфордѣ, мы встрѣчаемъ тотъ любопытный фактъ, что установленныя по соглашенію съ рабочими цѣны были вычеркнуты, а на ихъ мѣсто поставлены низшія и соотвѣтствующія статуту. Съ другой стороны, позднѣйшія мѣры, принятыя въ 1356, 1360 и 1376 гг., все съ той же цѣлью борьбы противъ роста заработной платы, обнаруживаютъ постоянное стремленіе законодателя къ удержанію ея на законномъ уровнѣ и къ усиленію наказанія тѣхъ, кто не довольствуется положенной нормой. Чтобы успѣшно бо-

роться противъ требованій закона, рабочіе вынуждены были прибѣгать къ взаимной помощи и поддержкѣ, иногда къ насилію.

Петиціи, представленныя королю въ новый парламентъ, созванный въ первые годы правленія Ричарда II, гласятъ слѣдующее: «крѣпостные и лица, держащія землю на началахъ личной зависимости, вошли въ соглашеніе противиться сеньерамъ и ихъ управителямъ силою. Они обязались въ этомъ помогать другъ другу. Сельскіе слуги бѣгутъ изъ графства въ графство, одни осѣдаютъ въ городахъ и становятся ремесленниками, другіе перебираются за границу въ виду чрезвычайно высокихъ цѣнъ, какія предлагаются тамъ воздѣлывателямъ».

Государственная регламентація труда, совершавшаяся въ интересахъ правящихъ классовъ, подготовила въ Англіи крестьянское возстаніе, извѣстное подъ именемъ єго вождя Уота Тэйлора, и дала новый толчокъ эмиграціи народа изъ деревень въ города, въ эти центры свободнаго труда, отчасти также за границу.

Перейдемъ теперь къ Италіи и посмотримъ, не придерживались ли демократическія республики этой страны болѣе благоразумной политики по отношенію къ рабочимъ.

При чтеніи регламентовъ, которыми итальянскіе муниципіи боролись противъ повышенія заработной платы, особенно бросается въ глаза ихъ сильное сходство. Оно объясняется отчасти одинаковостью условій, въ которыя попали эти крошечныя государства послѣ эпидеміи, а отчасти вліяніемъ, какое оказывалъ на нихъ примѣръ Флоренціи. Чтобы не оставлять земли безъ обработки, Флоренція старалась вернуть къ ней, насколько это было возможно, всѣхъ, для кого земледѣліе было раньше обычнымъ занятіемъ. Въ Тосканѣ, какъ и въ Романьи, въ силу причинъ, о которыхъ рѣчь будетъ ниже, аренда была въ то время уже сильно распространена. Рядомъ съ арендой встрѣчались эмфитевзисъ и колонатъ, и тотъ, и другой—пережитки болѣе ранней эпохи. Договоры между помѣщиками и фермерами рѣдко заключались на долгій срокъ, и контрактъ регулярно возобновлялся

каждыя три или пять лѣтъ. Тотъ, кто хотѣлъ уничтожить договоръ до срока, долженъ былъ дѣлать это по окончаніи жатвы — «non pendentibus fructibus», — гласитъ статутъ Римини.

Эти существенныя особенности, свойственныя арендѣ въ Италіи, указываютъ намъ на источникъ идей, которыми руководствовались правительства Тосканы и Романьи при составленіи статутовъ 1348—1350 годовъ.

Флорентинцы первые повидимому сдѣлали опытъ устранить законодательнымъ путемъ тотъ вредъ, который былъ нанесенъ земледѣлію опустошеніями, произведенными эпидеміей и бѣгствомъ фермеровъ и половниковъ. Уже въ концѣ 1348 года комиссія «добрыхъ мужей» — «boni viri», — избранная большимъ совѣтомъ, издала по этому предмету самыя неотложныя распоряженія. Всѣмъ тѣмъ, кто арендовалъ землю, было приказано не покидать ея втеченіе трехъ слѣдующихъ лѣтъ безъ предварительнаго разрѣшенія собственника. Втеченіе этого времени арендаторы и половники не должны были оставлять полей безъ обработки. За нарушеніе этого правила платился штрафъ въ 100 флориновъ («florentinorum parvorum centum»). Подеста, capitano del popolo и всѣ другія власти республики должны были наблюдать за исполненіемъ этого приказа. Мѣры эти вскорѣ показались недостаточными, и администраторы семи младшихъ цеховъ (capitudini septem minorum artium) обратились 12 августа 1349 г. къ пріорамъ и знаменосцу правосудія съ слѣдующимъ ходатайствомъ: они умоляютъ пріоровъ соблаговолить присоединить къ себѣ комиссію изъ двѣнадцати «добрыхъ мужей» и пересмотрѣть съ ними принятые относительно земледѣльцевъ и работниковъ законы; то, что они найдутъ полезнымъ постановить, должно будетъ имѣть ту же силу, что и законы, исходящіе отъ Большого Совѣта Флоренціи.

Сообразуясь съ этой петиціей, пріоры и гонфалоньеръ правосудія вмѣстѣ съ двѣнадцатью «boni viri» избрали изъ среды народа восемь лицъ при томъ такъ, чтобы каждый кварталъ города имѣлъ равное число представителей. Эти

восемь лицъ получили право издавать законы касательно арендаторовъ, половниковъ и простыхъ рабочихъ.

Въ своей окончательной формѣ, т. е. въ томъ видѣ, въ какомъ они воспроизводятся въ постановленіяхъ Большого Совѣта въ 1351 г. (provisiones), изданные во Флоренціи законы объ обязанностяхъ съемщиковъ и земледѣльческихъ рабочихъ по отношенію къ собственникамъ исходятъ изъ того принципа, что заключаемыя между помѣщикомъ и арендаторами частныя обязательства теряютъ силу, разъ они нарушаютъ право помѣщика на полученіе половины доходовъ, даваемыхъ фермой. «Каждый земледѣлецъ, читаемъ мы въ подлинникѣ, который арендуетъ землю, съ цѣлью ли разведенія свиней исполу съ собственникомъ (*ad medium*), или на условіи доставленія послѣднему безъ особаго договора (*sine pacto*) свиного мяса, куръ и яицъ съ его фермы, долженъ дѣлать всѣ эти приношенія въ выговоренное время, «*non obstante aliquo alio pacto*», т. е. не придавая значенія никакимъ другимъ договорамъ, которые могли быть заключены имъ съ помѣщикомъ».

Понять смыслъ вышесказаннаго не трудно. Въ годы, слѣдовавшіе за чумой, когда поля Тосканы были покинуты ихъ воздѣлывателями, земельные собственники, чтобы удержать на своихъ земляхъ нужныя имъ руки, нерѣдко соглашались уменьшать свои требованія по отношенію къ арендаторамъ, понижать цѣну аренды, сокращать поборы натурой, которыя взимались съ половниковъ, и денежные платежи, вносимые колонами на началахъ ливеллярнаго и эмфитевтическаго владѣнія. Однимъ словомъ, поземельные собственники подчинялись волей не волей тому закону, въ силу котораго цѣна земельной аренды, какъ и всякой продажной вещи, уменьшается обратно пропорціонально предложенію. Многіе регистры, вышедшіе изъ канцелярій Сіены и Пизы, указываютъ на тотъ фактъ, что просьбы объ измѣненіи условій аренды нерѣдко поступали къ властямъ отъ сельскихъ общинъ, снявшихъ казенныя земли. Все это заставляетъ думать, что съ подобными же ходатайствами обращались

не разъ и къ частнымъ собственникамъ. Удовлетворяя просьбамъ арендаторовъ, помѣщики подписывали невыгодныя для себя обязательства, которыя государство разрѣшило имъ теперь признать ничтожными.

Другое преимущество, дарованное собственникамъ закономъ 1349 г., состояло въ правѣ требовать съ арендатора безъ всякаго предварительнаго уговора половины его урожая, а также недоимокъ по прежнимъ платежамъ, по разсчету половины урожая въ годъ. Чтобы добиться этого, имъ велѣно обращаться съ жалобой къ чиновникамъ, поставленнымъ во главѣ управленія хлѣбными запасами. Эти «domini platee sancti Michaelis in orto» должны были при постановкѣ рѣшеній по такимъ ходатайствамъ довольствоваться показаніями одного свидѣтеля. Въ числѣ трехъ человѣкъ, чиновники эти рѣшали доводимыя до ихъ свѣдѣнія разногласія суммарно, безъ всякихъ процессуальныхъ формальностей.

Согласно другому предписанію, платежи за аренду должны были дѣлаться не деньгами, цѣна которыхъ была подвержена колебаніямъ и значительно упала вслѣдствіе фальсификаціи монеты правительствомъ, а натурой. Если арендаторъ, находя эти условія невыгодными для себя, покинетъ ферму, оставляя земли необработанными, собственникъ можетъ преслѣдовать его предъ тѣми же властями.

Обязательства фермера по отношенію къ собственнику имѣютъ силу втеченіе трехъ лѣтъ со дня заключенія договора, еслибы даже въ послѣднемъ и указаны были на этотъ счетъ иныя условія. Земли такимъ образомъ не будутъ лежать впустѣ и помѣщики получатъ всю слѣдуемую имъ арендную плату. Съемщикъ является единственнымъ лицомъ, несущимъ всѣ тяготы закона. Онъ не можетъ извлечь никакой выгоды изъ пониженія цѣнъ на землю и соотвѣтственнаго паденія ея арендной цѣны, какъ необходимаго послѣдствія сокращенія числа съемщиковъ.

Таковы въ общихъ чертахъ тѣ мѣры, при помощи которыхъ Флоренція пыталась устранить естественныя проявле-

нія закона спроса и предложенія, когда вѣсы склонились въ сторону земледѣльческихъ рабочихъ.

Перейдемъ теперь къ другимъ итальянскимъ городамъ, одинаково находившимся подъ властью гвельфовъ, и посмотримъ, насколько слѣдовали они примѣру Флоренціи въ своемъ законодательствѣ о земледѣльцахъ и ремесленникахъ.

Начнемъ съ Перуджіи, которую кардиналъ Эгидій Альборнозъ, папскій легатъ, снова подчинилъ римскому престолу и которую онъ надѣлилъ очень либеральной конституціей.

Среди законовъ, изданныхъ муниципалитетомъ Перуджіи въ 1349 г., имѣется одинъ, трактующій о взаимныхъ отношеніяхъ между помѣщиками и земледѣльческими рабочими. Самое поверхностное знакомство съ нимъ показываетъ, что онъ есть просто-на-просто точное воспроизведеніе тѣхъ мѣръ, которыя принимала Флоренція втеченіе 1348 года съ цѣлью остановить эмиграцію всякаго рода земельныхъ съемщиковъ. И дѣйствительно, во вступленіи говорится, что законодатель заботился о томъ же, о чемъ заботились и во Флоренціи.

«Пахари и воздѣлыватели земель графства и округа по случаю большой смертности ежедневно изыскиваютъ поводы къ оставленію имѣній и прекращенію работъ, требуютъ отсрочки платежей и измѣненія условій отъ собственниковъ земель или, покинувъ одни участки, переходятъ на другіе, снимая ихъ за меньшую плату, чѣмъ обычная»,— такими словами открывается законъ 1349 года, признающій вслѣдъ затѣмъ, что послѣдствіемъ указанныхъ порядковъ является «запущеніе полей, уменьшеніе припасовъ и возрастаніе ихъ цѣны къ общему ущербу».

Я нашелъ нужнымъ привести цѣликомъ эту часть акта, потому что она очень вѣрно обрисовываетъ всѣ тѣ трудности, съ которыми должно было бороться земледѣліе послѣ несчастнаго 1348 года. Мы имѣемъ здѣсь очень точный комментарій къ тому, что говоритъ Маттео Виллани объ оставленіи земель по-

селенцами и о томъ дикомъ, некультурномъ состоянiи, въ которомъ очутились деревни послѣ черной смерти.

Съемщики пользовались обстоятельствами, чтобы арендовать земли по цѣнѣ ниже установленной государствомъ. Актъ, о которомъ идетъ рѣчь, особенно подчеркиваетъ это, указывая, что поселенецъ, бросая одну ферму (laborerium), переходитъ на другую, которую онъ снимаетъ на болѣе выгодныхъ условiяхъ. Чтобы отвратить бѣду, прiоры, т. е. цеховые старшины отдѣльныхъ ремеслъ, принимаютъ такiя же мѣры, какiя годомъ раньше установлены были Флоренцiей. Они объявляютъ, что отнынѣ, каковъ бы ни былъ срокъ аренды, съемщикъ не долженъ покидать снимаемую имъ землю раньше, чѣмъ черезъ три года, начиная съ августа 1349 г. До истеченiя этого срока онъ обязанъ, даже безъ возобновленiя контракта, обработывать снятую имъ землю «согласно установленному обычаю, хорошо и законно, какъ доселѣ» («modo solito, bene et legaliter ut hactenus consuevit»). Точно такъ же онъ долженъ поставлять помѣщику полностью все то количество продуктовъ, которое онъ обязался взносить ему. Тотъ, кто не будетъ сообразоваться съ этими предписанiями и прекратитъ работу на своей фермѣ или вздумаетъ сдать ее обратно помѣщику, будетъ подвергнутъ штрафу въ 200 лиръ. Дѣла такого рода представлялись на разсмотрѣнiе подестѣ, capitano del popolo или одному изъ судей, приставленныхъ къ этимъ должностямъ. Каждый имѣетъ право донести на съемщика, покидающаго свою ферму, причемъ обвинитель является непосредственно заинтересованнымъ въ раскрытiи правды, такъ какъ ему обѣщается въ награду треть той суммы, которую въ видѣ штрафа взыскиваютъ съ провинившагося. Держанiе фермы втеченiе трехъ лѣтъ составляетъ для колона обязанность, отъ которой онъ не можетъ считать себя свободнымъ даже въ томъ случаѣ, если онъ условился о томъ съ помѣщикомъ. Законъ долженъ быть исполненъ, каковы бы ни были соглашенiя, устныя или письменныя, въ какiя помѣщики вошли со съемщиками и хотя

бы въ этихъ контрактахъ установленъ былъ срокъ менѣе продолжительный. Въ случаѣ, заявляетъ законодатель, еслибы помѣщикъ, по просьбѣ съемщика, внесъ нѣкоторыя измѣненія въ условія о наймѣ,—измѣненія, вызываемыя прискорбнымъ состояніемъ страны или пониженіемъ цѣнъ на землю, эти измѣненія не должны имѣть никакого значенія: обязательство платить разъ положенную ренту должно быть сохранено втеченіе трехъ лѣтъ, несмотря ни на что.

Тогда какъ Перуджія, слѣдуя въ этомъ отношеніи примѣру Флоренціи, принимала мѣры къ сохраненію арендныхъ отношеній въ томъ видѣ, въ какомъ они существовали до чумы, Пиза и Орвіето стремились прежде всего къ установленію maximum'а заработной платы для земледѣльческихъ рабочихъ и ремесленниковъ.

Мѣры, принятыя сенатомъ Пизы въ августѣ 1350 года, были слѣдующія: ни одинъ человѣкъ, занятый въ земледѣліи (за исключеніемъ косарей), не долженъ получать за день плату, превышающую шесть динаріевъ съ хозяйскими харчами и восемь безъ таковыхъ; предприниматели и рабочіе, не сообразующіеся съ этимъ правиломъ и дающіе или берущіе болѣе крупное вознагражденіе, штрафуются въ размѣрѣ отъ 10 до 100 динаріевъ, смотря по обстоятельствамъ; исполненіе закона поручается подестѣ, capitano del popolo и священникамъ различныхъ приходовъ, входящихъ въ составъ пизанскаго графства. Дѣйствію закона былъ положенъ годичный срокъ, что̀ не помѣшало впрочемъ возобновлять его изъ года въ годъ, какъ это дѣлалось въ другихъ тосканскихъ городахъ.

Перейдемъ къ Орвіето. Документы очень много говорятъ о запустѣніи, которое представляли его пригороды и деревни. Въ Совѣтѣ двухсотъ, соотвѣтствующемъ тому, что̀ во Флоренціи и Венеціи называли Большимъ совѣтомъ, 18 февраля 1349 года было объявлено, что нѣсколько приходовъ (pleberia) совершенно исчезли, что другіе опустѣли (vacuatae hominibus) и что земли, входящія въ ихъ составъ, остаются необработанными

(«poderia et bona in eisdem existentia pro maiori parte incultivata persistant»); 16 сентября того же года Совѣтъ констатируетъ, что городъ Орвіето, вслѣдствіе эпидеміи и смертности, остался почти безъ жителей — «est quasi totaliter civibus vacuata». Ничего нѣтъ удивительнаго, что при такихъ условіяхъ цѣна па трудъ значительно поднялась.

Къ причинамъ, общимъ въ этомъ случаи и другимъ итальянскимъ городамъ, нужно присоединить одну, относящуюся въ частности къ Орвіето. Въ 1350 году, въ годъ юбилея, предписаннаго въ Римѣ папой Бонифаціемъ VIII, въ Орвіето явилось много богомольцевъ, такъ какъ городъ находился на большой дорогѣ, которая вела изъ Флоренціи въ столицу христіанства. Наплывъ парода былъ такъ великъ, говорится въ одной современной хроникѣ, что ворота города оставались открыты всю ночь, ремесленники имѣли много заказовъ и получали большіе барыши. Но товара заготовлено было мало, такъ какъ, говоритъ тотъ-же авторъ, въ Орвіето всякая работа прекращена была все время въ продолженіи чумы, т. е. съ мая мѣсяца до сентября 1349 года. То же повторилось и въ сентябрѣ, вслѣдствіе землетрясенія, такъ напугавшаго жителей, «что вмѣсто того, чтобы трудиться, люди не занимались втеченіе 12 дней ничѣмъ, кромѣ религіозныхъ процессій, и налагали на себя всякаго рода обѣты».

Само собою разумѣется, что когда богомольцы наводнили городъ, сокращенное эпидеміей паселеніе не имѣло возможности удовлетворить запросамъ пришедшихъ; ремесленники и земледѣльцы могли слѣдовательно требовать себѣ какую угодно плату. Они пользовались этимъ въ такой мѣрѣ, что встревожили власти, по предложенію которыхъ Совѣтъ двухсотъ принялъ 19 мая 1350 г. слѣдующее рѣшеніе: «постановили, значится въ книгѣ протоколовъ Совѣта, что необходимо установить правила, которыхъ ремесленники и земледѣльцы должны придерживаться, какъ при опредѣленіи размѣра вознагражденія за сельскій трудъ, личныя услуги и извозъ, такъ и за продаваемые на рынкѣ товары».

Изъ приведеннаго отрывка видно, что вздорожаніе коснулось рѣшительно всего, какъ труда, такъ и товаровъ, и извоза.

Совѣтъ двухсотъ объявляетъ, что на разстояніи двухъ мѣсяцевъ назначаемы будутъ путемъ выборовъ комиссары-оцѣнщики (taxatores), которымъ будетъ поручено установленіе цѣнъ на товары и на трудъ. Примѣненіе закона будетъ контролироваться пріорами ремеслъ и особыми лицами, ими назначаемыми.

Въ послѣдній день 1350 г. пріоры ремеслъ установили законъ о максимумѣ. Четыре комиссара-оцѣнщика получили право пересматривать его каждый мѣсяцъ, чтобы вносить измѣненія въ таксы на товары и на трудъ, сообразно обстоятельствамъ, «такъ какъ, прибавляетъ законодатель, цѣны мѣняются ежемѣсячно». Законъ этотъ ставитъ себѣ цѣлью фиксировать доходы всѣхъ, кто добываетъ трудомъ средства къ существованію. Онъ имѣетъ въ виду домашнихъ слугъ, земледѣльческихъ рабочихъ, булочниковъ, прачекъ, мельниковъ, цирульниковъ, каретниковъ, всякаго рода ремесленниковъ вродѣ плотниковъ, каменщиковъ, цементщиковъ, черепичниковъ, горшечниковъ, рабочихъ въ металлическомъ производствѣ, кузнецовъ, золотыхъ дѣлъ мастеровъ, сапожниковъ, башмачниковъ, ткачей и прядильщиковъ, лицъ, занятыхъ производствомъ полотенъ и сукопъ, наконецъ портныхъ.

Одни нанимаются на годъ, другіе поденно, третьи работаютъ поштучно. Нѣкоторые живутъ и ѣдятъ у хозяина и получаютъ иногда отъ него даже обувь и инструменты, другіе все доставляютъ себѣ сами. Работа однихъ требуетъ извѣстнаго искусства, другихъ только прилежанія. Всѣ эти различія не упускаются изъ виду пріорами. Для однихъ они устанавливаютъ годичную плату, какъ напримѣръ для прислуги, для другихъ поштучную, третьихъ велѣно вознаграждать поденно, четвертыхъ по сезонамъ, какъ напримѣръ земледѣльческихъ рабочихъ. Но на этомъ еще не кончаются различія.

Одни и тѣ же ремесленники могутъ получать неодинаковую

заработную плату, смотря по качеству труда, необходимаго для изготовленія товара. Такъ, портнымъ полагается пять су за шитье камзола, шесть су за шитье плаща, называемаго «guarnachia», и столько же за нижнюю часть платья. За одинъ фасонъ рукавовъ съ буффами платилось съ каждой пары три су, такъ что за трудъ, связанный съ изготовленіемъ полной пары платья, состоящей изъ камзола съ буффами, юбки и плаща, портной получалъ двадцать су. Что касается женскаго платья, то фасонъ плаща изъ орлеанской саржи съ подкладкой одинъ стоилъ ту же сумму, а шерстяного безъ подкладки—двѣнадцать су. За шитье дѣтскаго платья, требующаго меньше труда, платится на треть меньше. Плата была установлена впрочемъ только для простого костюма, носимого всѣми. За другого рода одежду, особенно для духовныхъ лицъ, цѣна зависѣла отъ соглашенія съ заказчиками и количества затраченнаго труда. Качествомъ товара опредѣлялась также заработная плата горшечниковъ или кирпичниковъ, тогда какъ суконщики получали вознагражденіе поштучно, сообразно качеству ткани, четыре, пять, шесть, семь или восемь лиръ.

Въ извѣстныхъ ремеслахъ цѣна за трудъ регулировалась сообразно тому, былъ ли кто мастеромъ, подмастерьемъ или работникомъ; такъ напримѣръ, изъ каменщиковъ мастера получали въ день одиннадцать су, помощники ихъ—только семь. То же различіе платы существовало и у плотниковъ (magistri lignorum). Часто также заработная плата возростаетъ или падаетъ смотря по трудности работы и смотря по тому, совершается ли она на дому у рабочаго, или внѣ его дома. Такъ, цирульнику платили 8 динаріевъ за стрижку волосъ или бороды или за кровопусканіе и 4 за бритье, если операція производилась въ его лавкѣ, и вдвое дороже, если его требовали въ городъ. Золотыхъ дѣлъ мастера вознаграждаются сообразно количеству употребленнаго ими въ дѣло серебра и золота; булочники—сообразно количеству муки, пошедшей на изготовленіе хлѣба, считая по пяти су съ мѣры, именуемой *rasio*; возчики—сообразно

количеству миль, сдѣланныхъ ими со своими лошадьми, возами и экипажами.

Заработная плата мельниковъ однообразна и не должна превышать двадцатой части стоимости зерна, которое они превратятъ въ муку.

Наконецъ, въ значительномъ числѣ ремеслъ высота заработной платы регулируется по собственному усмотрѣнію комиссарами-оцѣнщиками, назначенными мастерами. Пріоры предписываютъ комиссарамъ поднять размѣръ вознагражденія на четверть выше противъ времени, предшествовавшаго чумѣ. Такимъ образомъ нѣкоторымъ ремесленникамъ (сапожникамъ, скорнякамъ и др.) дается возможность извлечь выгоду изъ повышенія цѣны на трудъ,—повышенія, являющагося результатомъ смертности. Законъ приспособляется слѣдовательно къ требованіямъ времени, но уступки, имъ дѣлаемыя, не идутъ дальше извѣстнаго maximum'а, т. е. четверти прежней заработной платы. Мы увидимъ впослѣдствіи, что такого же образа дѣйствія придерживались и во Франціи.

До сихъ поръ рѣчь шла о нормахъ заработной платы городскимъ ремесленникамъ; законъ же 1350 г. трактуетъ также и о сельскихъ рабочихъ. Онъ устанавливаетъ для нихъ годовую плату въ 15 лиръ; но тотъ, кто пользуется ихъ трудомъ, долженъ кормить ихъ, давать имъ обувь и даже необходимыя земледѣльческія орудія. Въ противномъ случаѣ годовой работникъ получаетъ на 5 лиръ больше. Если помѣщикъ посылаетъ работать своего слугу за предѣлы графства, онъ долженъ платить ему вдвое и кромѣ того давать 4 флорина въ годъ на обувь, а также оплачивать стоимость проѣзда и необходимыхъ инструментовъ. Если помѣщикъ желаетъ сразу покрыть эти мелкіе расходы, онъ платитъ слугѣ, отправляющемуся на работу въ отдаленное помѣстье, 50 лиръ въ годъ.

Намъ остается еще обрисовать положеніе земледѣльческихъ поденщиковъ. Заработная плата ихъ различна лѣтомъ и зимою. Лѣтомъ, когда нужно убирать сѣно и хлѣбъ, они

получаютъ десять су и харчи отъ помѣщика, за другія работы—только восемь су. Остальное время года заработная плата земледѣльческихъ рабочихъ не превышаетъ шести су въ день. Самыя строгія мѣры принимаются противъ тѣхъ, кто потребуетъ большей платы или уйдетъ искать работы за-границу. Первые платятъ десять су штрафу; каждый имѣетъ право доносить на нихъ, за что̀ получаетъ въ свою пользу половину штрафа. Вторые, каждый разъ, когда выйдутъ за границу графства Орвіето, «causa laborandi», съ цѣлью работать, платятъ десять лиръ. Въ томъ случаѣ, если они проведутъ за-границей восемь дней, обрабатывая чужія поля, къ обычному штрафу прибавляется десять лиръ и т. д., смотря по числу недѣль, проведенныхъ за-границей. Если рабочій, удалившійся за-границу безъ вѣдома и согласія хозяина, не возвратится втеченіе пятнадцати дней на родину, онъ объявляется эмигрантомъ (bannitus) и присуждается къ уплатѣ въ пользу государства штрафа въ сто лиръ. Штрафъ можетъ быть покрытъ конфискаціей его имущества. Каждый имѣетъ право принести жалобу, и, если послѣдняя будетъ признана основательной, обвинитель получаетъ половину штрафа. Дѣло разбирается суммарно, «sine strepitu et figura judicii».

Отмѣтимъ еще тотъ фактъ, что прядильщики льна подвергаются тому же наказанію, если они покидаютъ городъ и графство Орвіето. Это позволяетъ думать, что благосостояніе страны зависѣло особенно отъ земледѣлія и отъ фабрикаціи полотенъ. Все, что̀ могло нанести ущербъ этимъ двумъ отраслямъ производства, строго преслѣдовалось, и эмиграція являлась при такихъ условіяхъ государственнымъ преступленіемъ.

Если въ ряду городскихъ республикъ, признавшихъ нужнымъ воспротивиться естественному росту заработной платы, мы не встрѣчаемъ ни Генуи, ни Милана, то объясняется это только тѣмъ, что пожары и междоусобныя войны уничтожили древнѣйшіе архивы первой, а вторая почти избѣжала моровой язвы, отчасти благодаря санитарнымъ мѣрамъ, принятымъ ея

верховнымъ правителемъ изъ династіи Висконти,—мѣрамъ, въ ряду которыхъ мы встрѣчаемъ запрещеніе ввоза товаровъ и недопущеніе пассажировъ, прибывавшихъ изъ зачумленныхъ мѣстностей. Но что регламентація заработковъ не составляла особенности немногихъ важнѣйшихъ городовъ Италіи, а была въ ней явленіемъ повсемѣстнымъ, это видно между прочимъ изъ существованія особыхъ тарифовъ на трудъ даже въ такихъ второстепенныхъ центрахъ, какъ Мальяно. Въ этомъ городѣ, зависѣвшемъ отъ Сіенской республики, въ 1356 г. установлена была законодательнымъ порядкомъ заработная плата ткачей, сапожниковъ, кузнецовъ и портныхъ, т. е. четырехъ наиболѣе распространенныхъ профессій.

Итакъ, на всемъ протяженіи полуострова экономическія послѣдствія черной смерти вызвали попытки къ пониженію заработной платы, то въ формѣ поощренія иммиграціи привилегіями, оказываемыми новымъ поселенцамъ, и свободнымъ включеніемъ иноземныхъ рабочихъ въ среду цеховъ, то въ формѣ законодательныхъ maximum'овъ и искусственнаго продленія срока контрактовъ, заключенныхъ съемщиками или сельскими рабочими, то, наконецъ, запрещеніемъ отступать отъ установленныхъ обычаемъ условій путемъ добавочныхъ соглашеній, устныхъ и письменныхъ. Только въ немногихъ случаяхъ законодатель счелъ нужнымъ считаться съ обстоятельствами, увеличивая размѣръ вознагражденія на одну четверть противъ прежняго.

Перейдемъ теперь къ Франціи и посмотримъ, не повторились ли и въ ней тѣ же экономическія явленія и тѣ же попытки задержать естественный ростъ заработковъ законодательными мѣропріятіями.

Смертность, вызванная чумою во Франціи, была не менѣе велика, чѣмъ въ Италіи. Разсказы хроникъ, частная корреспонденція, шедшая изъ Авиньона въ то самое время, когда въ городѣ свирѣпствовала эпидемія, приказы, которые были отданы королемъ лицамъ, завѣдывавшимъ монетнымъ дѣломъ, и въ которыхъ прямо говорится объ истребленіи моровой

язвой значительнаго числа монетчиковъ, наконецъ многочисленные акты аммортизаціи земель, необходимыхъ для устройства новыхъ кладбищъ,— не оставляютъ никакого сомнѣнія на этотъ счетъ. Мы имѣемъ также возможность установить предѣлъ, за который не перешли причиненныя чумой опустошенія. Предѣломъ этимъ являются провинціи, лежащія къ сѣверу отъ Реймса. Не имѣя возможности точно опредѣлить число умершихъ, мы можемъ все-таки привести нѣсколько цифръ (какъ напримѣръ, гибель $^{3}/_{5}$ числа сестеръ милосердія, ухаживавшихъ за чумными въ Hôtel-Dieu),—цифръ, какъ нельзя лучше устанавливающихъ характеръ жестокой заразы, какой приняла во Франціи моровая язва, и позволяющихъ положиться на свидѣтельства хроникеровъ, говорящихъ, что во многихъ мѣстностяхъ населеніе совершенно вымерло. По свидѣтельству тѣхъ же лѣтописей, жертвы чумы вербовались главнымъ образомъ изъ среды низшихъ классовъ.

Къ смертности, какъ ближайшей причинѣ повышенія заработной платы, нужно прибавить еще добровольное прекращеніе работы земледѣльцами и ремесленниками, избѣгнувшими заразы. Документы констатируютъ этотъ фактъ, говоря о праздныхъ мужчинахъ и женщинахъ, «которые не хотятъ утомлять своихъ тѣлъ никакими трудами, а только бражничаютъ въ тавернахъ и публичныхъ домахъ».

Во Франціи повышеніе заработной платы произошло тотчасъ же послѣ чумы. Въ іюнѣ мѣсяцѣ эпидемія свирѣпствовала еще въ Аміенѣ, вынуждая короля Филиппа дать разрѣшеніе на открытіе новаго кладбища, а въ сентябрѣ мэръ и эшевены констатируютъ уже тотъ фактъ, что чернорабочіе и всѣ поденщики, занятые пряденіемъ, хотятъ получать чрезмѣрную поденную плату, отчего причиняется хозяевамъ большой вредъ и «происходитъ большой скандалъ въ городѣ». Трудно сказать, насколько именно повысилась заработная плата. Судить объ этомъ по цифрамъ, опредѣляющимъ поденное вознагражденіе въ той или иной отрасли промышленности, нельзя, такъ какъ рядомъ съ повышеніемъ его произошло пониженіе цѣны де-

негъ вслѣдствіе порчи монеты правительствомъ Филиппа VI; мы рискуемъ слѣдовательно придать цифрамъ такое значеніе, какого онѣ не имѣютъ на самомъ дѣлѣ.

Но къ счастью документы даютъ намъ другое средство, чтобы придти къ установленію факта повышенія заработной платы; мы узнаемъ изъ нихъ, что два дня труда въ недѣлю было достаточно работнику, чтобы покрыть расходы по своему существованію. Одинъ ордонансъ отъ ноября 1354 г. говоритъ объ этомъ въ категорическихъ выраженіяхъ, чѣмъ и избавляетъ насъ отъ труда изслѣдовать, насколько цифры, констатирующія повышеніе заработной платы, должны быть уменьшены, сообразно демонетизаціи денегъ.

Въ виду повышенія заработной платы и бѣгства земледѣльцевъ изъ деревень, правительство нашло нужнымъ настаивать на исполненіи земледѣльческими рабочими и ремесленниками принятыхъ ими раньше обязательствъ по отношенію къ помѣщикамъ и хозяевамъ. Оно сочло также необходимымъ пріостановить дѣйствіе статутовъ, составленныхъ цехами съ цѣлью устраненія всякой конкуренціи со стороны не включенныхъ въ корпорацію ремесленниковъ. Знаменитый ордонансъ Іоанна Добраго энергично нападаетъ на «gens oiseux», покидающихъ землю и мастерскія, и ставитъ уличныхъ пѣвцовъ на одну доску съ бродягами (les truans). Онъ объявляетъ, что всѣ люди здоровые—«sains de corps et de membres»—должны добывать средства къ существованію въ земледѣліи или промышленности. Тѣ, кто не захочетъ подчиниться этому требованію, должны покинуть Парижъ, города и села, входящіе въ составъ его округа и подлежащіе подсудности его превота. Если же, продолжая жить въ городѣ, они откажутся работать, имъ грозитъ быть схваченными и посаженными на хлѣбъ и на воду на четыре дня. Рецидивисты будутъ выставляться у позорнаго столба, а провинившіеся въ той же лѣности—«oisiveté»—въ третій разъ, будутъ подвергнуты клеймленію раскаленнымъ желѣзомъ и затѣмъ изгнанію. Въ то же время правительство принимаетъ мѣры къ

тому, чтобы сдѣлать національный трудъ болѣе производительнымъ. Съ этой цѣлью оно освобождаетъ его отъ многочисленныхъ путъ, созданныхъ цехами для устраненія всякой конкуренціи.

Уже въ 1321 г. Филиппъ Красивый отмѣнилъ запрещеніе держать болѣе одного ученика и то предписаніе, въ силу котораго выбирать ихъ можно было только среди сыновей мастеровъ и подмастерьевъ. Свобода держать неограниченное число учениковъ признается не привилегіей отдѣльныхъ ремеслъ, а общимъ правиломъ. Государство требуетъ отъ хозяевъ, чтобы они держали своихъ учениковъ «въ собственныхъ жилищахъ условленное время и за условленную плату». Оно заинтересовано въ томъ, чтобы число мастеровъ возрасло какъ можно скорѣе, и сокращаетъ въ силу этого срокъ ученичества [1]) и издержки, связанныя съ полученіемъ мастерства.

Другимъ пунктомъ, по которому цехи пришли въ столкновеніе съ требованіями времени, было запрещеніе заниматься какимъ бы то ни было ремесломъ, помимо того, который составлялъ спеціальность цеха. Недостатокъ рабочихъ вынуждаетъ короля не считаться болѣе съ этими запретами. Вотъ почему ордонансъ 1350 г. призываетъ ко вся-

---

[1]) Иллюстраціей сказанному можетъ служить ордонансъ, изданный въ Руанѣ 4 іюля 1350 г. касательно производства суконъ въ этомъ городѣ. Въ тѣ времена въ Руанѣ было два рода мастеровъ-суконщиковъ: одни изготовляли ровныя, другіе—полосатыя ткани. Изученіе каждаго изъ этихъ ремеслъ требуетъ извѣстнаго числа лѣтъ. Послѣ чумы ремесленники, поставлявшіе полосатыя ткани, обратились съ просьбой, чтобы ихъ допустили впредь безъ предварительнаго обученія дѣлать ровныя; они мотивировали свою просьбу тѣмъ, что „ихъ ремесло требуетъ большаго знанія, чѣмъ выдѣлка ровныхъ тканей“, и что „тотъ, кто хорошо знаетъ изготовлять полосатыя, сможетъ дѣлать и ровныя“. Помощникъ мэра, который долженъ былъ разсмотрѣть эту просьбу, рѣшилъ дѣло въ пользу просителей. Ремесленники, изготовлявшіе ровныя ткани, принесли на этотъ приговоръ жалобу королю, и вопросъ былъ въ концѣ концовъ рѣшенъ въ томъ смыслѣ, что выдѣлыватели полосатыхъ тканей будутъ допускаться и къ производству ровныхъ, пробывъ въ ученичествѣ полуторный срокъ.

каго рода промышленнымъ занятіямъ всѣхъ и каждаго, кто занимается тѣмъ или инымъ ремесломъ, тѣмъ или другимъ видомъ торга, въ виду, какъ сказано, численной недостаточности рабочихъ.

Мы изучали до сихъ поръ одну изъ сторонъ въ соціальной политикѣ Франціи середины XIV вѣка,—именно ту, которая имѣла цѣлью измѣнить цеховую организацію ремеслъ въ смыслѣ облегченія постороннимъ доступа къ нимъ. Намъ нужно ознакомиться теперь съ тѣми мѣрами, которыя правительство нашло полезнымъ принять съ цѣлью прямо воспрепятствовать росту заработной платы. Мѣры эти сводятся во Франціи, какъ и въ другихъ странахъ, къ установленію maximum'а вознагражденія за трудъ. Попытки подобнаго рода дѣлаемы были и ранѣе, но одними ремесленными корпораціями. Теперь государство взяло инціативу на себя. Впрочемъ борьба съ рабочими, требовавшими повышенія заработной платы, начата была не королемъ, а муниципальными властями.

Первая мѣра, принятая противъ ихъ, исходила отъ Аміенскаго городского совѣта (21 сентября 1349 года). «Такъ какъ поденщики, занятые пряденіемъ, требуютъ чрезмѣрной платы къ великому ущербу простонародія, то городской совѣтъ признаетъ нужнымъ постановить слѣдующее: прядильщики, получающіе жилище и содержаніе отъ хозяина, должны довольствоваться тремя су въ день втеченіе срока, опредѣленнаго мэромъ и эшевенами. Что не доплачено имъ въ послѣднюю недѣлю, въ томъ они получаютъ разсчетъ, считая по три су въ день. Буде-же они не захотятъ согласовать свое поведеніе съ этимъ требованіемъ, ихъ можно къ тому принудить арестомъ личности и имущества».

Только въ концѣ января 1350 г. король Іоаннъ Добрый рѣшился самъ прибѣгнуть къ репрессивнымъ мѣрамъ противъ тѣхъ, кто требуетъ «чрезмѣрной» платы за трудъ. Изданный въ этомъ году ордонансъ содержитъ цѣлую скалу цѣнъ, со-

образно которой рабочій долженъ продавать свой трудъ на годъ, на день или издѣльно. Король не приказываетъ рабочимъ удовлетворяться тѣмъ вознагражденіемъ, какое они получали до 1348 года, и позволяетъ имъ поднять свои требованія на одну треть, отнюдь однако не выше. Къ этому сводятся всѣ тѣ многочисленныя предписанія, которыя устанавливаютъ иногда точныя цифры заработной платы въ той или иной отрасли промышленности, въ томъ или иномъ ремеслѣ, иногда же ограничиваются заявленіемъ, что рабочіе имѣютъ право получать за свой трудъ *на одну треть больше того, что они получали до эпидеміи.*

Но прежде чѣмъ принять въ буквальномъ смыслѣ то обѣщаніе, которое, повидимому, содержатъ въ себѣ эти слова, необходимо посмотрѣть, не компенсировалось ли въ широкой степени повышеніе заработной платы на треть пониженіемъ покупательной силы монеты. Что милость короля имѣла въ дѣйствительности въ виду уравновѣсить этимъ увеличеніемъ платы за трудъ обезцѣненіе денегъ, это, какъ мнѣ кажется, вытекаетъ изъ того факта, что король разрѣшилъ своимъ провинціальнымъ представителямъ «привести въ соотвѣтствіе съ цѣной монеты какъ цѣны на хлѣбъ, мясо, рыбу, сукна, вина и другіе предметы питанія, такъ и заработную плату земледѣльцевъ и рабочихъ». Предписаніе это подлежитъ строгому исполненію. Сенешалъ Бокера, напримѣръ, получаетъ приказъ: «опредѣлить всѣмъ сельскимъ и городскимъ рабочимъ вознагражденіе, соотвѣтствующее стариннымъ обыкновеніямъ и покупной цѣнѣ новой монеты». Въ другомъ приказѣ на имя верховнаго управленія монетнымъ дворомъ отъ 3 марта 1351 г., король повелѣваетъ увеличить плату работающихъ подъ ихъ управленіемъ людей «въ виду вздорожанія припасовъ вслѣдствіе обезцѣненія монеты».

Это позволяетъ думать, что увеличеніе заработной платы на одну треть было едва достаточно, чтобы компенсировать для работника тѣ потери, которыя приносило обезцѣненіе денегъ и его естественное послѣдствіе — искусственное вздоро-

жаніе всѣхъ товаровъ. Повышая заработную плату на треть. правительство подымало ее только до того уровня, на какомъ она стояла до 1348 года.

Не нужно думать, что предписанія ордонанса 1350 г. касательно нормальной платы за трудъ остались мертвой буквой. Ремесленные статуты и различные акты, какъ административные, такъ и судебные, исходящіе отъ мѣстныхъ властей. не оставляютъ ни тѣни сомнѣнія въ томъ, что законъ о maximum'ѣ прилагался со всей строгостью. Такъ, ремесленники, ткавшіе полотна въ Труа, жалуются между прочимъ на то, что нѣкоторые ихъ собратья по ремеслу, выдѣлывая холстины (такъ наз. couvre chiefs) меньшихъ размѣровъ, чѣмъ предписываетъ законъ, «даютъ своимъ рабочимъ столько же за ихъ изготовленіе, сколько получаютъ ткачи за обыкновенныя полотна», благодаря чему, заявляютъ жалобщики, имъ удается «удержать у себя всѣхъ рабочихъ». Просьба о запрещеніи выдѣлки couvre-chiefs не осталась безъ послѣдствій. Король рѣшилъ дѣло въ пользу просителей, и вызвавшіе жалобу ткачи вынуждены были закономъ прервать отправленіе своего ремесла. Другой не менѣе убѣдительный фактъ: портные въ Монпелье, составляя въ 1351 г. свои статуты, вносятъ въ нихъ статью, которой хозяева обязываются платить рабочимъ должную плату, т. е. такую, какая предписывается закономъ; въ случаѣ жалобы на неправильный разсчетъ со стороны рабочаго, рѣшеніе вопроса принадлежитъ собранію мастеровъ.

Перейдемъ теперь къ анализу самихъ мѣропріятій, содержащихся въ ордонансѣ 1350 г., поскольку они направлены къ установленію maximum'а заработной платы.

Что касается до земледѣльческихъ рабочихъ, то они извѣстны закону подъ именемъ землепашцевъ, косарей, жнецовъ. молотильщиковъ, возчиковъ, собирателей винограда, дровосѣковъ, коровниковъ, свинопасовъ и пастуховъ. Въ какія же условія ставитъ законъ эти различныя профессіи?

Ордонансъ 1350 г. упоминаетъ о земледѣльческихъ ра-бочихъ два раза (въ XV и XIX главахъ); онъ указываетъ, что земледѣльческія работы исполняются иногда при помощи сохи, иногда заступа, причемъ послѣдній употребляется всегда при обработкѣ виноградниковъ. Съ цѣлью экономизаціи труда —вопросъ, являвшійся неотложнымъ въ эпоху, когда началъ чувствоваться недостатокъ рабочихъ рукъ,—ордонансъ запре-щаетъ употребленіе заступа на поляхъ, засѣваемыхъ хлѣбомъ, «за исключеніемъ тѣхъ земель, которыя нельзя обработывать лошадьми». О пахотѣ говорится только въ той главѣ, гдѣ заходитъ рѣчь о лицахъ, «которыя сняли или снимутъ ее съ урока (en tâche)». Если о нихъ не упоминается чаще, то очевидно по той причинѣ, что оранка исполнялась обыкно-венно крѣпостными безплатно и не могла, слѣдовательно, служить поводомъ къ тѣмъ столкновеніямъ, которыя возникали по вопросу о вознагражденіи рабочаго въ другихъ земледѣль-ческихъ занятіяхъ.

Что касается до другихъ способовъ обработки полей, то они сводились, какъ мы уже говорили, къ рытью при по-мощи заступа виноградниковъ наемными слугами и къ вспа-хиванію земли рабочими, оплачиваемыми поурочно. Послѣд-ніе были обязаны четыре раза поднять сохой землю, идущую подъ посѣвъ озимыхъ хлѣбовъ. Для яровыхъ хлѣбовъ доста-точно было одной оранки. За вспашку земли подъ озимь платилось двадцать четыре су съ арпана, за вспашку подъ ярь—только восемь, и шесть су съ арпана за обработку песчаныхъ земель, въ виду того, что такая работа была легче.

Если есть возможность добыть болѣе дешевый трудъ, то платить меньше указаннаго не запрещается.. Напротивъ того, если вознагражденіе превыситъ законный maximum, то и даю-щій, и получающій его вносятъ 60 су штрафу, изъ котораго 10 су идутъ доносчику. Что касается рабочихъ, занятыхъ на вино-градникахъ, размѣръ заработной платы ихъ устанавливался слѣдующимъ образомъ: за работу, исполнявшуюся до сере-

дины февраля 1350 г., платили по нормамъ предшествующихъ лѣтъ, т. е. 18 динаріевъ въ день тѣмъ рабочимъ, которые подрѣзали виноградную лозу, 12 динаріевъ тѣмъ, которые исполняли всякія другія работы по уходу за виноградниками, и это не считая харчей. Другое рѣло работы, произведенныя съ момента выхода закона; вознагражденіе за нихъ повышено. Работникъ, обрѣзывающій виноградныя лозы (съ средины февраля до конца апрѣля), получаетъ 2 су и 6 динаріевъ парижской монеты въ день «sans despens», т. е. съ содержаніемъ отъ помѣщика. Законъ напоминаетъ рабочимъ, что они обязаны «исполнять свой денной урокъ честно, отъ восхода до заката». Тамъ, гдѣ обычай допускаетъ болѣе короткій рабочій день, плата пропорціонально понижается.

Женскій трудъ вознаграждается хуже; женщины не должны получать болѣе 8 динаріевъ «sans despens» (т. е. съ содержаніемъ отъ хозяина) до Духова дня и 12 динаріевъ съ Духова дня до начала августа (гл. 20).

Обработка виноградниковъ, какъ и обработка полей подъ злаки, допускаетъ поурочную работу. Поэтому ордонансъ и говоритъ въ отдѣльной главѣ о виноградаряхъ («vignerons»), какъ производящихъ свой трудъ поурочно. Плата имъ должна быть увеличена на время уборки винограда, какъ въ текущемъ году, такъ и въ ближайшіе за нимъ, но «нѐ болѣе, чѣмъ на треть, какъ бы ни были велики обѣщанныя имъ суммы». Работники, обрабатывающіе виноградники, обязаны затрачивать первые два дня недѣли и субботу на взятую ими работу, остальные же три дня они могутъ посвящать уходу за собственнымъ виноградникомъ или наниматься на сторону, къ кому пожелаютъ. Главное, они не должны оставаться «праздными»; если у нихъ нѣтъ своихъ виноградниковъ, они должны отправиться въ установленныя обычаемъ мѣста и здѣсь поступить на службу по положенной закономъ цѣнѣ ко всѣмъ и каждому, кто нуждается въ ихъ услугахъ. Только въ этихъ «обычныхъ мѣстахъ» законъ позволяетъ нанимать рабочихъ.

Всякій, кто вздумаетъ отдѣлаться отъ работы подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ нанялся уже къ другому помѣщику, будетъ заключенъ въ тюрьму, причемъ каждый можетъ исполнять по отношенію къ нему роль доносчика и предать его въ руки правосудія.

Перейдемъ теперь къ рабочимъ, занятымъ сборомъ хлѣбовъ и сѣна. Изъ нихъ лучше всѣхъ оплачиваются «séieurs», т. е. тѣ, которые засѣваютъ уже вспаханное поле, и жнецы. И тѣмъ, и другимъ разрѣшается требовать себѣ 2 су 6 динаріевъ въ день, т. е. ни больше, ни меньше, чѣмъ получаютъ работники на виноградникахъ съ середины февраля до конца апрѣля. Мы видѣли, что эта сумма гораздо выше законной нормы заработной платы, существовавшей до эпидеміи.

Работники, собирающіе сѣно и овесъ, нанимаются не по днямъ, а поурочно. За арпанъ скошеннаго луга имъ разрѣшается получать 4 су. За уборку арпана овса, если онъ равенъ двадцати двумъ першъ, платится 18 динаріевъ. По взаимному соглашенію, вознагражденіе можетъ быть понижено, но за болѣе значительную плату и косарь, и помѣщикъ рискуютъ поплатиться штрафомъ. Молотильщики, начиная съ праздника св. Ремигія до Пасхи, получаютъ въ день 18 динаріевъ. Они могутъ также работать поурочно и въ такомъ случаѣ имъ платятъ 12 су съ «мюи» хлѣба и 8 су съ «мюи» овса. За молотьбу хлѣба они имѣютъ право на двадцатую долю, немного меньше, чѣмъ мельники, получающіе одинъ «муассо» изъ двѣнадцати. Если помѣщикъ нанялъ молотильщиковъ до изданія ордонанса на болѣе тягостныхъ для нихъ условіяхъ, то послѣднія должны быть приведены въ соотвѣтствіе съ установленными закономъ нормами.

Длинный списокъ рабочихъ кончается возчиками, которые вывозятъ навозъ на поля, или на виноградники, или перевозятъ хлѣбъ, сѣно и т. д. Въ первомъ случаѣ, работая съ тачкой или «à tumburel», они получаютъ 8 су; во второмъ

работая съ двумя лошадьми, — 12 су въ день, а съ тре лошадьми — 15 су; каждый разъ съ пищей отъ хозяин

Возчики тоже могутъ работать поурочно, получая 4 за возъ хлѣба или сѣна. Отъ праздника Всѣхъ Святыхъ марта они могутъ даже повышать свои требованія на 1 с Никто не можетъ превысить въ своихъ платежахъ законо установленной нормы, но никто не мѣшаетъ нанимать воз чиковъ на менѣе тягостныхъ условіяхъ.

Мы переходимъ теперь къ многочисленному классу «коров никовъ, свинопасовъ и пастуховъ», т. е. къ классу лицъ стерегущихъ на пастбищахъ и въ лѣсахъ рогатый скотъ свиней и овецъ. Законъ различаетъ два случая: когда кто-либо посылаетъ свой скотъ заодно съ деревенскимъ стадомъ, и случай, когда предпочитаютъ пасти его отдѣльно. Въ первомъ случаѣ пастухъ получаетъ 50 су за тридцать головъ скота, а во второмъ — 70 су въ годъ. Въ обоихъ случаяхъ одинаково хозяинъ беретъ на себя остальные расходы, связанные съ уходомъ за скотомъ. Расходы эти не должны впрочемъ превышать того уровня, который былъ установленъ обычаемъ до чумы. Помѣщикъ имѣетъ право нанимать пастуховъ по болѣе низкой цѣнѣ, но никто не долженъ превысить законнаго maximum'а.

Ордонансъ констатируетъ существованіе во Франціи особаго обычая, регулирующаго порядокъ найма пастуховъ. Состоитъ этотъ обычай въ слѣдующемъ: нѣкоторыя лица берутся ухаживать за чужимъ скотомъ за свой собственный счетъ, за что владѣльцы даютъ имъ вознагражденіе, наполовину деньгами, наполовину хлѣбомъ. Ордонансъ узаконяетъ подобнаго рода сдѣлки, но лишь на томъ условіи, что платимая собственникомъ сумма не будетъ превышать болѣе, чѣмъ на одну треть, бывшую въ обычаѣ до чумы. Всякія сдѣлки, заключенныя на иныхъ условіяхъ, должны быть сведены къ законной нормѣ.

Увеличеніе заработной платы, но не болѣе, чѣмъ на треть против прежней цѣны, разрѣшается также для дровосѣковъ

другихъ лицъ, работающихъ надъ лѣснымъ матеріаломъ поденно или поштучно. Въ такой же пропорціи можетъ быть увеличено вознагражденіе фурщикамъ и вообще всѣмъ, занимающимся перевозочнымъ промысломъ (ордонансъ называетъ ихъ charretiers). Отъ св. Мартина въ сентябрѣ до Ивана Купалы имъ платятъ 60 су; остальное время года—4 лиры сверхъ пищи и питья. Поденная же плата не должна превышать 6 динаріевъ зимой и 8 лѣтомъ.

Что касается до заработка ремесленниковъ, то, не входя въ болѣе детальное разсмотрѣніе вопроса, мы ограничимся замѣчаніемъ, что и въ этомъ отношеніи законъ допускаетъ увеличеніе не болѣе, какъ на треть противъ прежняго, а такъ какъ эта треть едва соотвѣтствовала обезцѣненію монеты, то изъ этого прямо слѣдуетъ, что законодатель отказывался принимать въ разсчетъ послѣдовавшія вслѣдъ за чумою измѣненія въ отношеніяхъ спроса и предложенія.

Такимъ образомъ французское правительство, подобно всѣмъ другимъ, регулировало заработную плату въ ущербъ трудящемуся люду.

ЛЕКЦІИ: ПЯТАЯ, ШЕСТАЯ И СЕДЬМАЯ.

Зарожденіе современнаго экономическаго порядка преимущественно въ селахъ.

Въ предшествовавшихъ лекціяхъ я прослѣдилъ различныя фазы эволюціи натуральнаго хозяйства, т. е. производства для мѣстнаго потребленія. Я показалъ, какимъ образомъ оно перешло изъ рукъ племени-рода сначала къ сельской общинѣ, затѣмъ къ помѣстью и городу. Общею чертою всѣхъ этихъ періодовъ является или полное отсутствіе, или-же крайне незначительное развитіе обмѣна. Даже въ періодъ господства городского хозяйства, періодъ, наиболѣе приближающійся къ современному мѣновому, обращеніе богатствъ почти неизвѣстно. Само собою разумѣется, что я исключаю такіе крупные центры международной торговли, какъ Генуя, Венеція, Марсель, Барселона, Бордо, Антверпенъ, Лондонъ, Парижъ и сѣверные города ганзейскаго союза, которые получали товары изъ дальнихъ странъ и распространяли ихъ по всему цивилизованному міру; далѣе я укажу, что въ этихъ городахъ мы находимъ уже на-ряду съ обращеніемъ богатствъ зарожденіе различныхъ особенностей современнаго строя. Я имѣю въ виду заурядный городской поселокъ, снабженный рынкомъ и вступающій въ обмѣнъ только съ подгороднымъ сельскимъ населеніемъ. О немъ можно сказать, что ему почти неизвѣстно то, что мы связываемъ съ понятіемъ обращенія богатствъ.

И такъ, втеченіе многихъ столѣтій экономическая жизнь могла обходиться безъ такого перемѣщенія создаваемыхъ про-

изводствомъ цѣнностей. Тѣ, которые утверждаютъ, что прогрессивный ростъ его является наиболѣе существеннымъ факторомъ, обусловливающимъ всѣ измѣненія въ области производства и распредѣленія, не въ состояніи выяснить намъ причинъ хозяйственной эволюціи, предшествовавшей возникновенію современнаго строя. Несостоятельными кажутся намъ и тѣ, кто приписываетъ экономическое развитіе росту техническихъ знаній; втеченіе цѣлыхъ вѣковъ земледѣліе находилось въ состояніи косности, и всякій прогрессъ въ области промышленности тормазился мелочными ограниченіями, не позволявшими ремесленнику отступать отъ общепринятой рутины, а хозяйство тѣмъ не менѣе эволюціонировало параллельно росту населенія. Мы утверждаемъ поэтому, что этотъ ростъ, а не прогрессъ техники или развитіе обмѣна, является первичнымъ факторомъ всѣхъ измѣненій въ области экономической жизни.

То, что считаютъ причиной, въ концѣ концовъ представляетъ лишь слѣдствіе прогрессивнаго роста населенія. Тысячу разъ правы тѣ, которые относятъ начало развитія крупной промышленности къ періоду, предшествовавшему введенію машинъ. Съ того момента, когда капиталистъ сталъ раздавать сырой матеріалъ, необходимый для производства, семьямъ, прежде работавшимъ за свой счетъ, было положено основаніе производству въ крупныхъ размѣрахъ,—производству, создающему не только однѣ потребительныя цѣнности, по и мѣновыя.

Съ другой стороны, какъ только населеніе города достигаетъ значительныхъ размѣровъ, появляется свободный обмѣнъ продуктовъ производства даннаго города на продукты сосѣднихъ рынковъ. Торговля расширяется по мѣрѣ того, какъ растетъ народонаселеніе; обращеніе богатствъ является необходимымъ результатомъ этого роста. Главное препятствіе, мѣшающее уловить истинный характеръ экономическаго порядка, предшествующаго современному, зависитъ, на мой взглядъ, отъ того, что обращеніе богатствъ составляетъ для насъ обыденный, необходимый и естествен-

ный фактъ, который мы склонны поэтому признать постоя
нымъ. Живя въ эпоху широкаго развитія путей сообщен
шоссе, каналовъ и желѣзныхъ дорогъ, мы съ трудомъ може
представить себѣ существованіе рынковъ, на которые стек
лись бы только жители сосѣднихъ. поселковъ. Но упомянут
препятствіе не существуетъ для того, кто, подобно мнѣ, р
дился въ такой странѣ и въ такое время, когда, при пов
мѣстномъ господствѣ помѣщичьяго хозяйства и крѣпостно
права, можно было удовлетворять всѣ свои нужды или путе
непосредственнаго производства, или путемъ обмѣна, не вых
дящаго за предѣлы ближайшаго околотка, будетъ ли имъ м
стечко, или уѣздный городъ. Я могъ воспроизвесть
своемъ умѣ полно и отчетливо этотъ исчезнувшій ти
изолированнаго, удовлетворяющаго всѣмъ своимъ потребн
стямъ, хозяйства, очутившись въ нѣкоторыхъ глухихъ угла
Закавказья и, въ частности, Дагестана. Рынокъ открывает
каждую пятницу; въ этотъ праздничный для мусульманъ де
съѣзжаются изъ сосѣднихъ деревень для продажи ржи, к
ровы или мула и для покупки съѣстныхъ припасовъ, кот
рыхъ нельзя пріобрѣсти въ деревнѣ. Впродолженіи многи
лѣтъ на торжище являются одни и тѣ же купцы и пок
патели, вслѣдствіе чего выборъ товаровъ принаравливает
къ неприхотливымъ потребностямъ ограниченнаго круга п
требителей. Въ средніе вѣка дѣло происходило совершен
аналогичнымъ образомъ въ небольшихъ мѣстечкахъ Италіи
Германіи, какъ напримѣръ, въ Тоди, С.-Джеминіано, Гофѣ, Эге
и т. д. Это позволяло ремесленнымъ цехамъ регламентировать од
наковымъ образомъ технику производства и дѣлать свои пра
вила равно обязательными для всѣхъ. Вкусы и привычк
покупателей были хорошо извѣстны, вслѣдствіе чего легк
было къ нимъ приспособиться. Такъ же хорошо был
извѣстно, какое количество товаровъ можетъ найти сбыт
на мѣстномъ рынкѣ. Всѣ эти условія избавляли мастера от
необходимости чрезмѣрно удлинять рабочій день подмастерьев
или требовать добавочной работы въ праздничные и вос

кресные дни; эти же причины предохраняли отъ перепроизводства и промышленныхъ кризисовъ, такъ что рабочій въ случаѣ забастовки хозяина, вызванной конкуренціей, не рисковалъ умереть съ голоду. Но все это должно было измѣниться съ того момента, какъ производство перестало имѣть въ виду удовлетвореніе одного только мѣстнаго рынка. Раньше всего это измѣненіе обнаружилось въ большихъ торговыхъ центрахъ. Такъ, мы видимъ, напримѣръ, что Венеція и Флоренція сначала осторожно, а потомъ все смѣлѣе и рѣшительнѣе, вступаютъ въ борьбу съ системой цеховъ и провозглашаютъ принципъ свободы промышленности. (Чтобы вступить въ борьбу за свободу промышленности, Венеція пользуется чумою 1348 г. и созданнымъ ею недостаткомъ рабочихъ).

Начало современнаго мѣнового хозяйства приводятъ обыкновенно въ связь съ возникновеніемъ большихъ государствъ, но это вѣрно только въ томъ смыслѣ, что объединеніе нѣсколькихъ леновъ, изъ которыхъ каждый представлялъ дотолѣ совершенно самостоятельный и замкнутый экономическій міръ, должно было расширить обмѣнъ и вызвать болѣе энергичное обращеніе богатствъ. Впрочемъ, полная свобода торговли въ предѣлахъ отдѣльнаго государства не является прямымъ результатомъ подобнаго объединенія помѣстій и городовъ. Современный экономическій порядокъ никогда не водворяется сразу даже въ сильно централизованныхъ странахъ. Примѣромъ можетъ служить древняя Франція. «Привилегіи» отдѣльныхъ городовъ и провинцій долго служили серьезнымъ препятствіемъ для свободнаго обращенія зернового хлѣба и являлись главной причиной того, напримѣръ, что соль въ однѣхъ мѣстностяхъ продавалась вдвое и втрое дороже, чѣмъ въ другихъ. Въ общей совокупности, всѣ эти привилегіи были переживаніемъ прежняго изолированнаго хозяйства, производившаго исключительно для личнаго потребленія. Онѣ просуществовали вплоть до знаменитой ночи съ 4-го на 5-е августа 1789 г., когда, вслѣдъ за вынужденной жертвой дворянства, отказавшагося

отъ своихъ феодальныхъ правъ, представители средняго сословія отреклись отъ привилегій городовъ и провинцій.

Въ странахъ, гдѣ политическая, если не административная централизація совершилась рано, какъ это было, напримѣръ, въ Англіи послѣ норманскаго завоеванія, переживанія прошлаго исчезли гораздо быстрѣе. Такъ, уже въ 1214 году баронами была вынуждена у Іоанна Безземельнаго Великая Хартія Вольностей, дарующая между прочимъ купцамъ полную свободу торговли и передвиженія въ предѣлахъ всего королевства.

Республики и маленькія княжества Италіи ощутили ту же потребность въ расширеніи области свободнаго обмѣна; не прибѣгая къ учрежденію единой центральной власти, онѣ добились выгодъ объединенія введеніемъ принципа федераціи. Въ союзныхъ грамотахъ Ломбардскихъ и Тосканскихъ коммунъ, создавшихъ ту могучую лигу, которая неоднократно отражала нападенія германскихъ императоровъ и тѣмъ предохранила городскія республики отъ потери ихъ вольностей, мы встрѣчаемъ на каждомъ шагу постановленія, гарантирующія свободу ввоза и вывоза хлѣба въ предѣлахъ союзныхъ владѣній. То же самое мы находимъ въ международныхъ трактатахъ, обезпечивающихъ Венеціи торговыя преимущества по всему побережью Адріатическаго моря. Города Истріи, Фріуля и Далмаціи задолго до того момента, когда они были присоединены къ республикѣ Св. Марка, открыли свои рынки для произведеній ея промышленности, посылая ей взамѣнъ свой хлѣбъ.

Причина, побуждавшая средневѣковыя республики и княжества отрѣшиться отъ своей экономической обособленности, создана была главнымъ образомъ расширеніемъ торговли и промышленности внутри отдѣльныхъ городовъ, населеніе которыхъ, становясь плотнѣе, требовало производства мѣновыхъ цѣнностей все въ большихъ и большихъ размѣрахъ и свободнаго вывоза ихъ за предѣлы городского округа и графства.

Города, которые въ XI и XII вв. на-ряду съ деревнями занимались земледѣліемъ и скотоводствомъ, владѣя нераздѣль-

ными полями и лугами, становятся въ XIII и XIV вв. крупными складами товаровъ или большими промышленными центрами, поставляющими свои произведенія на рынки всего міра. Такое превращеніе прежде всего происходитъ съ тѣми городами, которые расположенны по большимъ дорогамъ, какъ, напримѣръ, Ліонъ, Парижъ, Нюренбергъ. Точно такъ же морскіе порты: Амальфи, Салерно, Неаполь, Генуя, Марсель, Барселона, Венеція, а на сѣверѣ Лондонъ, Антверпенъ, Гентъ, Брюгге, Любекъ, Гамбургъ и другіе города, впослѣдствіи вступившіе въ Ганзейскій союзъ, развили свою промышленность и мѣновыя сдѣлки, благодаря трактатамъ, заключеннымъ со странами Востока и Сѣвера, и стали торговыми посредниками между мусульманскимъ и христіанскимъ міромъ, между греческимъ православіемъ и римскимъ католицизмомъ. Но свобода международной торговли не становилась все-таки общимъ принципомъ, такъ какъ каждое правительство, желая сохранить исключительно за собою создаваемыя ею преимущества, ставило всевозможныя препятствія для свободнаго ввоза и вывоза товаровъ купцамъ другихъ странъ.

Между Пизой и Генуей, Генуей и Венеціей, загорается ожесточенная борьба, вызываемая экономическими причинами и преслѣдующая одну цѣль: обладаніе рынками Черпаго моря, Архипелага, Сиріи и Египта. Аналогичныя причины приводятъ впослѣдствіи къ безконечнымъ столкновеніямъ между Голландіей и Англіей, во время которыхъ голландецъ Гуго де Гротъ провозглашаетъ и отстаиваетъ принципъ свободы морской торговли, очень удобный для всемогущей на морѣ Голландіи, но оспариваемый англичаниномъ Сельденомъ, какъ очень стѣснительный для зарождавшейся торговли Англіи.

Было бы чрезвычайно поучительно ознакомиться съ безконечными интригами, объектомъ которыхъ стало Московское государство, съ того момента, когда англичанинъ Чанслеръ, отыскивая путь въ Индію черезъ Ледовитый океанъ, случайно открылъ Архангельскій портъ, а за нимъ и обширную территорію, поставленную подъ власть царей. Елисавета англій-

ская настаиваетъ на заключеніи договора, гарантирующаго ея странѣ монополію вывоза строительнаго лѣса и пеньковыхъ тканей, необходимыхъ для снаряженія кораблей, побѣдившихъ знаменитую Армаду Филиппа II. На это Іоаннъ Грозный отвѣчаетъ предложеніемъ вступить съ нимъ въ бракъ и заключить союзъ противъ поляковъ и шведовъ; Елисавета отказываетъ и въ томъ, и въ другомъ. Голландцы и испанцы (послѣдніе—черезъ посредничество папы) спѣшатъ воспользоваться раздраженіемъ царя, чтобы предложить ему еще болѣе выгодный торговый союзъ, но подъ условіемъ отнять у англійскихъ купцовъ всѣ ранѣе дарованныя имъ привилегіи. Съ этихъ поръ все искусство англійской дипломатіи направлена на то, чтобы устранить соперниковъ и сохранить свою монополію. Политика Великобританіи по отношенію къ русскому царству долго регулировалась исключительно этими торговыми соображеніями и надеждой проложить путь въ Индію черезъ Каспійское море при содѣйствіи могущественнаго союзника.

Для расширенія мѣновыхъ сношеній съ другими странами центральныя государства и федераціи городовъ устраивали склады продуктовъ главныхъ отраслей своей промышленности въ томъ или другомъ центрѣ международной торговли. Такъ напримѣръ Англія, имѣя въ виду облегчить вывозъ своихъ шерстяныхъ тканей, учредила въ Калэ, позднѣе въ Мидльбургѣ и Антверпенѣ такъ называемыя «staples», т. е. склады, гдѣ купцы могли запасаться англійскими сукнами. Для этой же цѣли Ганзейскій союзъ основалъ свои конторы въ Венеціи, Бергенѣ (Норвегія), на островѣ Готландѣ (Балтійское море), въ Новгородѣ, въ Лондонѣ, Венеціи и т. д.

Ярмарки, куда стекались купцы различныхъ странъ, являлись другимъ средствомъ для расширенія обмѣна. Вполнѣ понятнымъ является стремленіе французскихъ королей и германскихъ князей взять подъ свое непосредственное покровительство мѣста подобныхъ сборищъ, обезпечивая имъ преимущества *pax regis* или *imperii*, ограничивавшія незаконные поборы феодальныхъ бароновъ и гарантировавшія

свободный пропускъ товарамъ, отправляемымъ на торжище. Вамъ становится ясно, какими данными обогатило бы исторію экономической эволюціи изслѣдованіе большихъ ярмарокъ не только Труа въ Шампани, но и въ Провинѣ, Лиллѣ, Брюгге, Нюренбергѣ, или Лейпцигѣ; къ сожалѣнію, подобныхъ изслѣдованій у насъ почти не существуетъ.

До сихъ поръ мы разсматривали одну только сторону въ развитіи современнаго экономическаго строя—ростъ мѣновыхъ сношеній и обращенія богатствъ. Теперь намъ предстоитъ изучить послѣдствія этого факта въ области производства и распредѣленія. Я обращу ваше вниманіе на повтореніе совершенно однородныхъ явленій у различныхъ народовъ и въ разныя времена, часто даже на разстояніи нѣсколькихъ столѣтій. Я буду брать для иллюстраціи моей мысли преимущественно данныя изъ исторіи двухъ странъ, которыя, благодаря раннему возникновенію международныхъ мѣновыхъ сдѣлокъ, первыя вступили на путь современнаго экономическаго развитія,—я разумѣю Италію и Англію. Италія, благодаря своимъ торговымъ сношеніямъ съ побережьемъ Средиземнаго моря, сдѣлалась на нѣкоторое время главнымъ складочнымъ мѣстомъ товаровъ; Англія же достигла своего промышленнаго могущества задолго до колонизаціи Америки, благодаря введенію крупнаго овцеводства и производства шерстяныхъ издѣлій.

Въ этихъ двухъ странахъ, такъ непохожихъ другъ на друга, мы можемъ найти полное подтвержденіе нашихъ общихъ взглядовъ касательно зависимости экономической эволюціи отъ прогрессивнаго роста народонаселенія. Но, помимо этихъ двухъ типичныхъ примѣровъ, экономическая исторія Европы всюду представляетъ ту же послѣдовательность и преемство. Передъ нами совершается не внезапный, а постепенный переходъ къ болѣе интенсивной земледѣльческой культурѣ, требующей, правда, большей затраты капитала, но зато и дающей несравненно болѣе обильные урожаи. На-ряду съ этой эволюціей мы видимъ, какъ промышленность, примѣняясь къ увеличивающимся требованіямъ національныхъ и международ-

ныхъ рынковъ, принуждена производить въ большихъ размѣрахъ, стремясь къ дешевизнѣ товаровъ, часто въ ущербъ ихъ качеству. Она выходитъ изъ предѣловъ города и распространяется на деревни. Она привлекаетъ къ себѣ капиталы и не стѣсняется каноническими запретами роста и процентовъ. Даже писатели изъ среды духовенства кончаютъ тѣмъ, что признаютъ законными такія кредитныя сдѣлки, въ силу которыхъ заимодавецъ пріобрѣтаетъ право требовать вознагражденія за убытки, причиненные ему невозвращеніемъ долга въ условленный, обыкновенно годовой, срокъ. Я привожу эту запутанную формулу съ цѣлью передать вамъ точный смыслъ метафизическаго разсужденія, позволявшаго канонистамъ, съ одной стороны, громить ростовщичество, а съ другой—разрѣшать кредитору взимать съ должника по истеченіи опредѣленнаго срока денежное вознагражденіе за воображаемыя или реальныя потери, которыя были имъ понесены. Но привлеченіе капиталовъ и производство въ крупныхъ размѣрахъ исключаютъ всякую возможность ограниченій и стѣсненій, имѣющихъ цѣлью охраненіе мелкаго производства. Безполезно было бы теперь настаивать, что кредитъ доступенъ только для членовъ одной корпораціи, что входящіе въ ея составъ члены не должны основывать ассоціацій, что число помощниковъ и учениковъ не можетъ превышать извѣстнаго максимума, что закупки сырого матеріала въ крупныхъ размѣрахъ равносильны ограбленію рынка и должны быть преслѣдуемы, какъ акты, вредящіе интересамъ собратьевъ. Вслѣдствіе этого народное хозяйство порываетъ всякую связь съ системой цеховъ. Уже Генрихъ II въ Англіи и Фридрихъ II въ Сициліи объявляютъ ихъ врагами народнаго блага и возлагаютъ на нихъ всю отвѣтственность за вздорожаніе товаровъ.

Мало-по-малу ремесленныя корпораціи исчезаютъ совершенно или же, во всякомъ случаѣ, не препятствуютъ возникновенію на-ряду съ ними свободной промышленности. Эта послѣдняя зарождается прежде всего въ селахъ, гдѣ цехи не были извѣстны, а затѣмъ переходитъ въ городскіе

кварталы, пользующіеся особыми привилегіями и свободой отъ цехового гнета.

Принципъ ассоціаціи проявляется въ формѣ учрежденія большихъ торговыхъ компаній, какъ, напримѣръ, товарищества галантерейныхъ торговцевъ, товарищества торговцевъ матеріалами для кораблестроенія или товарищество купцовъ, ведущихъ торгъ съ Московскимъ царствомъ, Турціей или Индіей. Англія XVI-го вѣка даетъ намъ много примѣровъ такихъ компаній.

Аналогичная революція происходитъ въ области земледѣлія. Изъ экстенсивнаго, какимъ оно было дотолѣ, оно становится интенсивнымъ. Трехпольная система, исключающая существованіе искусственныхъ луговъ и не требующая затраты значительнаго капитала, замѣняется болѣе сложными сѣвооборотами. Этотъ фактъ влечетъ за собою послѣдствія первостепенной важности. Интенсивное земледѣліе не можетъ существовать на-ряду съ неогороженными полями, правомъ свободной пастьбы скота, правомъ выгона въ лѣсахъ и т. д. Вполнѣ понятный разсчетъ заставляетъ землевладѣльца перейти къ отдачѣ на срокъ участковъ, которыми прежде помѣщичьи крестьяне пользовались наслѣдственно за неизмѣнный оброкъ натурою или деньгами: возросшее народонаселеніе и соотвѣтственно увеличившійся спросъ на землю подняли ея цѣну, а между тѣмъ обычай продолжаетъ противиться повышенію цензовъ и другихъ поборовъ.

Что дѣлаетъ землевладѣлецъ, чтобы выйти изъ этого затрудненія? Онъ старается ограничить общинныя права своихъ крѣпостныхъ, ставитъ изгороди и защиты. Но при такихъ условіяхъ наслѣдственная аренда становится невыгодной для крѣпостного, который теперь уже не въ состояніи содержать того количества скота, какое необходимо для воздѣлыванія его участка. Какъ сеньоры, такъ и крѣпостные крестьяне одинаково заинтересованы поэтому въ прекращеніи прежняго ихъ совладѣнія. Крестьянинъ получаетъ право свободнаго распоряженія своею личностью, а за сеньеромъ остается право

на участокъ, который нѣкогда былъ занятъ его наслѣдственнымъ арендаторомъ. Онъ пользуется пріобрѣтенной имъ свободой распоряженія, чтобы сдать землю на опредѣленный срокъ зажиточному съемщику, который могъ бы вложить въ нее нѣкоторый капиталъ. Такимъ арендаторомъ является или освобожденный крѣпостной, владѣющій извѣстной движимой собственностью (peculium), или свободный зажиточный поселянинъ, или наконецъ горожанинъ, желающій помѣстить свои сбереженія въ землю, членъ зарождающагося средняго сословія деревень; если у арендатора нѣтъ необходимаго капитала, землевладѣлецъ самъ снабжаетъ его средствами на извѣстныхъ условіяхъ. Онъ даетъ ему сѣмена для посѣва или же помогаетъ деньгами для расплаты съ добавочными рабочими, нанятыми на время жатвы или пахоты.

Таково дѣйствительное происхожденіе цѣлаго ряда явленій какъ экономическаго, такъ и соціальнаго характера:—освобожденія крестьянъ, появленія денежнаго фермерства, половничества, исчезновенія системы открытыхъ полей и крестьянскихъ надѣловъ, составленныхъ изъ дѣлянокъ, разсѣянныхъ по различнымъ концамъ одного и того же помѣстья.

До сихъ поръ мы говорили только объ измѣненіяхъ въ сферѣ производства, вызванныхъ расширеніемъ обмѣна. Теперь намъ остается заняться вопросомъ о распредѣленіи богатствъ и прослѣдить переворотъ, который совершился въ этой области въ тотъ моментъ, когда потребности мѣстнаго рынка перестали быть единственнымъ регуляторомъ производства.

Фермеръ, выгодно помѣщающій свои капиталы въ арендуемую землю, точно такъ же, какъ и банкиръ, и вообще всякій, торгующій деньгами, т. е. затрачивающій свое состояніе съ цѣлью поддержать чужія промышленныя предпріятія и обезпечить себѣ полученіе извѣстнаго процента, наконецъ, свободный городской и сельскій пролетарій, продающій предпринимателю свою рабочую силу за извѣстную заработную плату, которая опредѣляется не обычаемъ, а отношеніемъ спроса и предложенія,—вотъ тѣ три новые агента производ-

ства, которые отнынѣ требуютъ своей доли въ распредѣленіи чистаго дохода на-ряду съ землевладѣльцемъ и предпринимателемъ-промышленникомъ.

Такъ какъ всѣ эти измѣненія въ сферѣ производства произошли задолго до того, когда Адамъ Смитъ изложилъ основы современнаго хозяйственнаго строя, то нѣтъ ничего удивительнаго, если у его предшественниковъ уже встрѣчаются совершенно правильные взгляды на природу ренты, процента на капиталъ и заработной платы.

Чтобы не умножать примѣровъ, я покажу вамъ только, какъ Тюрго вѣрно понималъ дѣйствительный характеръ ренты. Въ трактатѣ о распредѣленіи богатствъ, написанномъ этимъ министромъ-реформаторомъ, мы находимъ слѣдующее мѣсто: «та самостоятельная и подлежащая свободному распоряженію часть дохода, которую земля даетъ въ даръ воздѣлывателю, возвращая ему одновременно его затраты въ почву и заработную плату за трудъ, и есть часть собственника». Тюрго называетъ долей собственника то, что̀ мы называемъ рентой. Немного далѣе онъ даетъ намъ возможность открыть тотъ источникъ, изъ котораго онъ почерпнулъ свое пониманіе ренты, говоря, что плата собственнику за разрѣшеніе пользоваться полемъ составляетъ арендную плату, доходъ (ренту) собственника (§ 62). Утилизація земель богатыми земледѣльцами, которые имѣютъ возможность вложить въ нихъ капиталъ,—утилизація, которую Тюрго на-ряду съ Кенэ предпочитаетъ всѣмъ другимъ видамъ аренды, особенно половничеству (champart) и наслѣдственнымъ рентамъ крѣпостныхъ (§§ 24, 25, 26 и 27),—открываетъ глаза предшественнику Адама Смита и Рикардо на дѣйствительный характеръ ренты.

Этотъ же экономистъ подраздѣляетъ весь промышленный классъ на три категоріи: предпринимателей, капиталистовъ и рабочихъ (§ 61). О послѣднихъ онъ говоритъ, что «это— простые ремесленники, которые не имѣютъ ничего, кромѣ своихъ рукъ, ничего не вкладываютъ въ предпріятіе, кромѣ сво-

его труда, и не получаютъ другого дохода, кромѣ своей заработной платы».

Итакъ, переворотъ, происшедшій въ области распредѣленія, благодаря возникновенію мѣнового хозяйства, нашелъ своего теоретика задолго до появленія знаменитаго трактата *О богатствѣ народовъ*. Тюрго положилъ ему основаніе своимъ превосходнымъ анализомъ отношеній, существующихъ между землевладѣльцами и фермерами, фермерами и сельскими батраками, предпринимателями, капиталистами-заимодавцами и фабричными рабочими.

Можно было бы подняться еще нѣсколько выше и указать зародышъ доктринъ Тюрго у Буагильбера и у нѣкоторыхъ англійскихъ экономистовъ, напримѣръ у Джона Чайльда, Тукера и Вильгельма Петти, но это не входитъ въ мою задачу, и я могу только отмѣтить мимоходомъ глубокій интересъ подобнаго изслѣдованія.

Теперь я намѣренъ представить подтвержденіе высказанному мною взгляду, что измѣненія въ сферѣ производства явились слѣдствіемъ расширенія обмѣна, что́ въ свою очередь было прямымъ и естественнымъ результатомъ роста населенія. Для этой цѣли я прослѣжу эволюцію сельскохозяйственныхъ порядковъ въ Италіи, въ частности въ Тосканѣ, начиная съ XIII вѣка, и представлю характеристику того глубокаго, хотя и мирнаго, переворота, который пережили села Англіи со второй половины XIV вѣка.

II.

Долго держалось, да и теперь еще держится мнѣніе, что римская церковь играла важную роль въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ. На первый взглядъ это кажется правдоподобнымъ, такъ какъ во всѣхъ освободительныхъ грамотахъ постоянно говорится о спасеніи души и искупленіи грѣховъ путемъ отреченія отъ своихъ правъ господства надъ тѣмъ или другимъ индивидомъ. Самой распространенной формой освобожденія было возложеніе на алтарь освободительной грамоты, дарующей крѣпостному права римскаго гражданина (civis romani, какъ

говорятъ латинскіе тексты). Бога брали во свидѣтели, что отнынѣ «libertus», или освобожденный, не будетъ отбывать барщины и натуральныхъ повинностей, которыя прежде лежали на немъ; призывали небесную кару на голову тѣхъ наслѣдниковъ, которые не пожелаютъ сообразоваться съ волей завѣщателя и отнимутъ у освобожденныхъ дарованную имъ волю.

Епископы и аббаты часто подавали примѣръ эманципаціи, возвѣщая, что принадлежащіе церкви и монастырямъ крестьяне не будутъ впредь нести барщины и прежнихъ повинностей, замѣняемыхъ денежнымъ оброкомъ въ пользу новыхъ собственниковъ. Доминиканцы и францисканцы (frères mineurs) нерѣдко посѣщали деревни для того, чтобы открыто вести пропаганду противъ несправедливости, состоящей въ обращеніи съ человѣкомъ, «образомъ и подобіемъ Божіимъ», какъ съ вьючнымъ скотомъ. Въ судебныхъ разслѣдованіяхъ, вызванныхъ возстаніемъ англійскихъ крестьянъ въ 1381 г., на скамьѣ подсудимыхъ фигурировали рядомъ съ приходскими священниками, послѣдователями Виклефа, францисканцы; ихъ обвиняли главнымъ образомъ въ томъ, что они возвѣщали всюду добрую вѣсть о предстоящемъ освобожденіи крѣпостныхъ Англіи.

Фруассаръ и монахъ Ѳома изъ Волсингамскаго аббатства воспроизводятъ въ своихъ хроникахъ съ документальной точностью рѣчи и стихотворенія знаменитаго лолларда (такъ называли послѣдователей Виклефа) Джона Болля, который, говоря о помѣщикахъ или «джентльменахъ», не разъ задавалъ вопросъ: «откуда же взялись ихъ права, если они не были плодомъ узурпаціи? вѣдь въ тѣ времена, когда Адамъ копалъ землю, а Ева пряла, не было и рѣчи о дворянахъ» [1]). Еще задолго до XIV вѣка (въ 1222 г.) помѣщики Ассизскаго округа въ средней Италіи освободили крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, сообразуясь, какъ они утверждали, съ волей

[1]) Для болѣе подробнаго ознакомленія съ этими вопросами см. мой очеркъ возстанія англійскихъ крестьянъ (англійскую пугачевщину. „Русская Мысль", 1895 г.

святого Франциска, проповѣдывавшаго естественную свободу человѣка и равенство всѣхъ передъ Богомъ.

Изъ всего вышесказаннаго освободительная роль духовенства выступаетъ въ полномъ свѣтѣ, и это давало поводъ думать, что освобожденіе крѣпостныхъ совершилось только благодаря церковной пропагандѣ.

Но какъ же объяснить въ такомъ случаѣ тотъ фактъ, что рабство, болѣе тяжелая форма зависимости и подчиненія, чѣмъ крѣпостничество, удержалось въ тѣхъ странахъ, гдѣ крѣпостной сталъ свободнымъ? Какъ понять то, что церковь, далеко не возставая противъ рабства, санкціонировала освобожденіе только тѣхъ лицъ, которыя соглашались принять католицизмъ? Мы находимъ примѣръ тому не далѣе, какъ въ XV в., когда, благодаря окупаціи Византіи турками и сѣверныхъ береговъ Чернаго моря крымскими татарами, мусульмане получили возможность вести торговлю бѣлыми рабами греческаго, русскаго, грузинскаго и армянскаго происхожденія. Эти рабы, въ особенности женщины, пользовались особымъ предпочтеніемъ патриціевъ Венеціи, Палермо, Генуи, Пизы, Барселоны и Пальмы на Майоркѣ. Не будучи католиками, они тѣмъ не менѣе были христіанами, придерживавшимися обрядовъ греческой или армяно-грегоріанской церкви, но это нисколько не мѣшало арагонскимъ королямъ, властителямъ Сициліи и Майорки, допускать обязательное освобожденіе ихъ только въ томъ случаѣ, если они соглашались стать католиками. Дѣйствуя такъ, они сообразовались съ волею одного изъ сословій, или, выражаясь языкомъ того времени, одной изъ трехъ рукъ, изъ которыхъ состоялъ парламентъ въ Сициліи или кортесы Каталоніи и Арагоніи, королевствъ Валенсіи и Маіорки, я разумѣю церковное и духовное сословіе. Были моменты, когда казалось, что въ судьбѣ несчастныхъ плѣнниковъ долженъ совершиться поворотъ къ лучшему. Когда Константинопольскій патріархъ поднялъ вопросъ о соединеніи Восточной и Западной церкви и Флорентійскій соборъ высказался въ томъ же смыслѣ, испан-

скіе и итальянскіе епископы стали проповѣдывать освобожденіе рабовъ, исповѣдующихъ православную вѣру. Но такъ какъ соединеніе церквей не состоялось, то и съ православными рабами стали обращаться не лучше, чѣмъ съ сарацинами или африканскими маврами.

Рабство исчезло не одновременно съ крѣпостничествомъ. Послѣ завоеванія Новаго Свѣта торгъ неграми открыто рекомендованъ былъ епископомъ Ласъ-Казасомъ, яко-бы въ интересахъ человѣколюбія, такъ какъ избавлялъ краснокожихъ отъ непосильнаго для нихъ труда; потребовалась кровопролитная война Сѣверныхъ и Южныхъ Штатовъ, чтобы положить конецъ этой соціальной язвѣ. Такимъ образомъ, передъ нами стоитъ попрежнему неразрѣшеннымъ вопросъ о томъ, какія экономическія причины способствовали освобожденію крѣпостныхъ, не содѣйствуя въ то же время отпущенію рабовъ на волю?

Очевидно, причины эти надо искать въ спеціальныхъ условіяхъ крѣпостного, отличныхъ отъ положенія раба. Самая существенная разница между ними состоитъ въ томъ, что крѣпостной привязанъ къ землѣ, а рабъ—къ очагу хозяина и къ его личности. Система распредѣленія земель между крѣпостными крестьянами устраняла необходимость употребленія рабовъ для обработки полей; рабы исполняли только домашнюю работу. Освобожденіе ихъ не влекло за собою, какъ освобожденіе крѣпостныхъ, доходной отдачи земельныхъ участковъ въ аренду фермерамъ. Владѣлецъ помѣстья терялъ при отпущеніи на волю рабовъ возможность пользоваться даровыми услугами людей, пріобрѣтенныхъ имъ нерѣдко за дорогую цѣну, и не получалъ взамѣнъ никакого эквивалента за свою утрату, такъ какъ дѣло въ этомъ случаѣ вовсе не шло о замѣнѣ наслѣдственнаго держанія срочной арендой, дающей возможность повышать ренту по мѣрѣ того, какъ ростъ населенія увеличивалъ спросъ на землю.

Трудъ крѣпостныхъ былъ мало продуктивенъ, какъ всякій вынужденный трудъ, и потому-то сеньоры добровольно замѣ-

няли барщину оброкомъ,—оброкомъ натурою или деньгами; они дѣлали это нерѣдко помимо всякихъ предписаній закона. Эта замѣна совершилась въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Италіи въ концѣ XII вѣка, главнымъ образомъ въ районѣ тѣхъ крупныхъ центровъ международной торговли, которые, какъ, напримѣръ, Флоренція, Пиза, Миланъ, Генуя, Венеція и др., первыми вступили на путь, ведущій къ установленію современнаго экономическаго строя, съ его системой широкаго обмѣна и обращенія богатствъ.

Крѣпостничество, распространившееся на западѣ Европы. еще задолго до паденія Римской и Имперіи, усилилось въ Италіи, благодаря завоеванію лангобардовъ. Не входя въ излишнія подробности, несогласныя съ характеромъ этихъ лекцій. я ограничусь сообщеніемъ того факта, что въ XII и даже въ началѣ XIII столѣтія мы встрѣчаемъ еще на церковныхъ и монастырскихъ земляхъ Тосканы классъ лицъ, положеніе которыхъ близко къ тому, какое занимаютъ англійскіе вилланы и французскіе сервы; особенности этого класса не вполнѣ точно передаются терминами: *coloni*, *inquilini*, *mansatici*. *fideles*, и болѣе опредѣленно словомъ *angararii*, указывающимъ на одну изъ наиболѣе существенныхъ чертъ его зависимаго положенія, а именно на ту, что эти люди отбываютъ барщину и несутъ другія повинности, установленныя разъ навсегда обычаемъ.

Какимъ же образомъ въ концѣ XIII и въ XIV вѣкѣ мы находимъ въ Тосканѣ только свободныхъ фермеровъ и половниковъ? Начнемъ съ констатированія самаго факта. Обратимся для этого къ неопубликованнымъ еще и хранящимся въ архивахъ Флоренціи и Сіены хартуларіямъ и цензуаріямъ нѣкоторыхъ тосканскихъ монастырей, напримѣръ монастыря Св. Михаила въ Пассиньяно и знаменитаго аббатства въ Валомброза.

Эти документы восходятъ ко второй половинѣ XIII и первой половинѣ XIV вѣковъ. Между различными классами зависимыхъ владѣльцевъ, перечисленными въ нихъ, мы не встрѣчаемъ крѣпостныхъ, отбывающихъ барщину. Если под-

часъ грамоты и будятъ воспоминаніе о службахъ (*servitia*) не только имущественныхъ (*realia*), но и личныхъ (*personalia*), каковы напримѣръ «*cavalcatae*», т. е. конная служба, исполняемая по приказу сеньора, или-же «*angariae et perangariae operarum*», подобныя барщинѣ и общественнымъ помочамъ французскихъ крѣпостныхъ и англійскихъ вилланов, то лишь для того, чтобы объявить ихъ обычаемъ прошлаго, которому не обязаны слѣдовать тосканскіе колоны конца XIII вѣка. Названіе же колонъ, происхожденіе котораго восходитъ ко временамъ цезарей, встрѣчается постоянно, но употребляется совершенно въ иномъ смыслѣ, чѣмъ раньше. Изъ колоновъ образовано населеніе деревни или сельской общины (*universitas*). Но юридическое положеніе лицъ этого класса, насколько можно судить по актамъ надѣленія ихъ землею, вполнѣ отвѣчаетъ положенію свободныхъ фермеровъ, снимающихъ землю на условіяхъ долгосрочной аренды. Они платятъ установленную ренту и могутъ нарушить арендный договоръ, но подъ условіемъ оставить за собственникомъ земли право перваго ея покупателя.

Возьмемъ одинъ примѣръ изъ тысячи, чтобы показать, на какихъ условіяхъ сдавались земли въ Тосканѣ во второй половинѣ среднихъ вѣковъ. Аббатъ монастыря Спасителя въ Пистоѣ предоставилъ въ 1190 г. одному изъ освобожденныхъ имъ крѣпостныхъ, Іоанну, сыну Бонъ Альбина изъ Періано, право пользованія землями, находившимися въ предѣлахъ монастырскихъ владѣній. Арендный договоръ заключенъ былъ на вѣчныя времена: арендаторъ и его наслѣдники до скончанія вѣковъ должны платить ежегодно собственнику двѣнадцать су пизанской монеты. Если же земельный держатель захочетъ продать свой участокъ, онъ долженъ прежде всего предложить монастырю купить его, а послѣднему предоставляется рѣшить втеченіе двухнедѣльнаго срока, пріобрѣтетъ ли онъ его, конечно на болѣе выгодныхъ условіяхъ, чѣмъ иные покупатели, или-же допуститъ отчужденіе его на сторону.

Если родъ держателя прекратится, земля возвращается по праву къ монастырю.

Итакъ, юридическое положеніе тосканскаго колона въ началѣ XIII вѣка характеризуется слѣдующими чертами: всѣ повинности сведены къ опредѣленной рентѣ, за держателемъ признается право продажи своего участка, и земля обезпечена земледѣльцу путемъ наслѣдственной аренды.

Обязанности съемщика по отношенію къ арендуемой землѣ подробно изложены, напримѣръ, въ нижеслѣдующемъ текстѣ одного аренднаго договора: «онъ долженъ хорошо обрабатывать свое поле, держать въ порядкѣ канавы и заборы, очищать первыя и исправлять вторые; онъ не въ правѣ рубить деревьевъ на своей фермѣ или портить ихъ; наоборотъ, онъ долженъ насаждать новыя и дѣлать вообще все, что приличествуетъ доброму земледѣльцу».

Что же касается до различныхъ способовъ утилизаціи земли, то они упоминаются въ арендныхъ договорахъ только тогда, когда участокъ сдается на опредѣленное число лѣтъ или на годъ. При наслѣдственной же арендѣ, или эмфитевзисѣ, это было бы безполезно. Эта послѣдняя, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда является продолженіемъ древняго колоната, прилагается исключительно къ землямъ, невоздѣланнымъ и подлежащимъ расчисткѣ. На-ряду съ фермерствомъ и эмфитевзисомъ мы встрѣчаемъ половничество. Термины, употребляемые грамотами при упоминаніи о немъ, слѣдующіе: *dare ad laborandum* или *ad edificandum*. Сеньеръ приходитъ на помощь своему арендатору, обѣщая ссужать его ежегодно сѣменами, или частью ихъ, рабочимъ скотомъ и даже извѣстнымъ числомъ работниковъ. Фермеръ обязанъ платить ренту лишь въ томъ случаѣ, если посѣвъ не былъ побитъ градомъ или поврежденъ опустошительной войной (*nisi fructus dictae terrae et poderis devastarentur guerra vel grandine*). Половникъ пріобрѣтаетъ право продать снятую землю, сдѣлавшуюся болѣе плодородною, благодаря положенному на нее труду (землю, которую онъ улучшилъ, *melioramentum*,

какъ говорятъ нѣкоторыя грамоты), но подъ условіемъ отдавать при отчужденіи предпочтеніе собственнику и понижать въ его пользу продажную цѣну.

Вышеописанные арендаторы (ливелларіи, эмфитеоты, половники) далеко не походятъ на тѣхъ *«glebae adscripti»*, которые не могли оставлять своихъ участковъ и которые, помимо установленнаго разъ навсегда обычаемъ платежа (*canon* или *tributum*), должны были оказывать еще различныя услуги своимъ сеньорамъ.

Тосканскій колонъ XIII вѣка обязанъ только платить ренту деньгами или натурою, столько-то *staria* или *omina* пшеницы или масла, или-же уступать собственнику опредѣленную часть жатвы, чаще всего половину. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ мы имѣемъ дѣло со съемщикомъ съ половины урожая, — съемщикомъ, которому принадлежитъ и теперь выдающаяся роль въ сельскомъ хозяйствѣ Тосканы. *Locavit ad medietatem* — обычная формула земельныхъ контрактовъ XIII и XIV вѣковъ. Этотъ видъ аренды рѣдко бываетъ наслѣдственнымъ; въ большинствѣ случаевъ земля отдается лишь на нѣсколько лѣтъ, напримѣръ на пять. Постояннымъ обязательствомъ арендатора является возвращеніе снятаго имъ участка отнюдь не въ худшемъ видѣ, чѣмъ онъ получилъ его; держатель обѣщаетъ *«meliorare et non peiorare»*. Грамоты обыкновенно даютъ арендному договору названіе *livello*. Съемщикъ и его наслѣдники пользуются ливелларнымъ правомъ.

Но не въ однѣхъ грамотахъ, выданныхъ арендаторамъ на срокъ, половникамъ и наслѣдственнымъ фермерамъ, выступаетъ дѣйствительный характеръ сельскаго населенія XIII вѣка; онъ еще рѣзче обнаруживается въ договорахъ, заключенныхъ монастырями съ поселянами, живущими на земляхъ обители. Изслѣдованіе однихъ этихъ документовъ даетъ вѣрное представленіе о той полной свободѣ, которою пользовалось большинство тосканскаго сельскаго населенія въ то время, какъ

муниципальные законы стремились уничтожить последніе остатки крѣпостного права.

Для иллюстраціи моей мысли нѣкоторыми фактами, я приведу самый токстъ одной грамоты XIII вѣка. Она исходитъ отъ аббатства Фонтана Таонисъ и признаетъ за общинами и совокупностью гражданъ Терріоле, Фабіаны, Лорричіо и Ферміано, которыхъ представляютъ ихъ консулы и уполномоченные, право на земли и владѣнія въ предѣлахъ монастырской собственности, подъ условіемъ наслѣдственнаго платежа ежегодно, въ день Св. Маріи Магдалины, 41 су. Монастырю было запрещено пасти свой скотъ на поляхъ и лугахъ крестьянъ, а также на монастырскихъ пастбищахъ, съ начала мая до половины августа. Въ томъ случаѣ, если тотъ или другой крестьянскій родъ прекратится, занимаемый имъ участокъ возвращается къ монастырю. Кромѣ того, если аббатъ пожелаетъ продать землю или часть земель, которыми пользуются названныя селенія, онъ долженъ прежде всего предложить покупку крестьянамъ; только въ случаѣ отказа съ ихъ стороны, аббатъ пріобрѣтаетъ право подыскать другихъ покупателей.

На ряду съ жалованными грамотами и договорами, заключенными между собственниками и съемщиками, существуетъ еще одинъ источникъ свѣдѣній о сельскомъ населеніи Тосканы XIII вѣка, это — цензуаріи. Тосканскіе цензуаріи ставятъ насъ лицомъ къ лицу съ системой отдачи земель, которая приближается скорѣе къ современному половничеству и фермерству, чѣмъ къ древнему колонату и крѣпостному праву.

Мы можемъ дать себѣ отчетъ въ вышеуказанномъ, разобравъ подробно аграрный строй одного изъ мѣстечекъ, расположенныхъ на монастырскихъ земляхъ.

Нашъ выборъ падаетъ на Пассиньяно, главный центръ аббатства того же наименованія, гдѣ власть сеньора давала себя чувствовать больше всего. Если бы это мѣстечко находилось во Франціи, Англіи, Германіи или же въ сѣверныхъ и южныхъ областяхъ Италіи, гдѣ феодализмъ съумѣлъ

продержаться втеченіе цѣлыхъ вѣковъ, мы встрѣтили бы въ немъ подраздѣленіе помѣстья на сеньоріальную и крестьянскую землю; послѣдняя была бы распредѣлена на надѣлы и полунадѣлы, раздаваемые крѣпостнымъ и отпущенникамъ на началахъ наслѣдственной аренды съ обязательствомъ уплачивать опредѣленную сумму сеньору деньгами и продуктами, а также нести извѣстныя личныя повинности и т. д.

Ничего подобнаго не встрѣчаемъ мы въ Пассиньянскомъ цензуаріи. Собственникъ-аббатъ взимаетъ только плату за наемъ жилищъ и получаетъ ренту за пользованіе фермами. Первая постоянно измѣняется; она временами равняется четыремъ динаріямъ пизанской монеты, но иногда доходитъ до 6, 7, 12, 14, 29 и даже въ одномъ случаѣ до 34. Въ то время, какъ наемная плата взимается всегда деньгами, рента уплачивается большею частью натурою: одинъ платитъ ежегодно 22 старія добраго, чистаго и полновѣснаго зерна, причемъ мѣрою служитъ мѣстный старій, другой 13, 18 или 20; а большинство едва уплачиваетъ четвертую часть одного старія. Многіе держатъ землю на условіяхъ долгосрочной аренды; есть такіе, которые снимаютъ ее уже втеченіе 40 лѣтъ, другіе же лишь отъ 8 до 10 лѣтъ.

Цензуарій даетъ этимъ арендаторамъ названіе колоновъ. Они владѣютъ своими участками по праву колоновъ, а взимаемые съ нихъ платежи фигурируютъ подъ названіемъ службъ (*servitia*); но легко констатировать, что эти термины пережили себя; они лишь будятъ воспоминаніе о томъ времени, когда крѣпостные люди аббатства должны были фактически отбывать барщину. Эти времена прошли, наслѣдственному держателю остается только регулярно вносить свои платежи, сохраняя въ то же время свою вѣрность и подданство собственнику земли.

Итакъ, нѣтъ больше ни крѣпостного труда, ни барщины; ничего, кромѣ денежныхъ или натуральныхъ платежей. Арендаторъ, на срокъ или наслѣдственный, пріобрѣлъ право свободно распоряжаться своею личностью и своимъ временемъ,

опредѣлять характеръ своихъ обязательствъ въ текстѣ контракта и продавать свой трудъ по той цѣнѣ, какая установилась въ данной мѣстности. Мы впрочемъ должны сдѣлать небольшую оговорку. Отъ времени до времени мы встрѣчаемся съ переживаніемъ прошлаго, именно въ тѣхъ случаяхъ, когда арендаторъ въ вознагражденіе за пользованіе землею, сданною ему наслѣдственно, обязанъ исполнять кое-какія работы, правда, слишкомъ незначительныя, чтобы хозяйство помѣстья могло вестись безъ содѣйствія свободнаго вольнонаемнаго труда. Такъ напримѣръ, нѣкоторые колоны округа Ареццо въ 1259 году еще были обязаны поставлять одному аббатству каждые четыре года одну службу съ упряжью и въ четыре года разъ участвовать въ жнитвѣ и молотьбѣ помѣстнаго хлѣба. Точно такъ же въ 1274 году другіе колоны того же аббатства обѣщаютъ нести, согласно обычаю, ежемѣсячно одну ручную работу.

Всѣ эти остатки барщины представляютъ переживаніе крѣпостничества, того самаго вилланства, о которомъ упоминается въ Сіенскомъ статутѣ 1337 года слѣдующимъ образомъ: «вилланы гражданъ Сіены, разъ допущенные къ поселенію въ предѣлахъ города, теряютъ всѣ права на землю, которую они снимали у своихъ сеньоровъ, и сохраняютъ ихъ только по отношенію къ аллодіальной или неограниченной собственности въ томъ случаѣ, если могутъ подтвердить свои права на нее письменными документами или свидѣтельскими показаніями».

Этотъ же статутъ запрещаетъ вилланамъ продавать свои держанія и признаетъ за сеньоромъ право устанавливать фактъ вилланства, при помощи свидѣтельскихъ показаній, доказывая, что даннымъ лицомъ производились извѣстныя барщинныя службы непрерывно втеченіе десяти лѣтъ сряду.

Если мы теперь зададимся вопросомъ, вслѣдствіе какихъ причинъ итальянскій крестьянинъ изъ обложеннаго барщиной крѣпостного, какимъ онъ былъ раньше, сталъ свободнымъ земельнымъ держателемъ, на срокъ, пожизненно или наслѣд-

ственно, чаще же всего половникомъ,—мы не найдемъ достаточныхъ объясненій этому факту ни въ имперскихъ законахъ, ни въ городскихъ статутахъ. Первые большею частью благопріятствуютъ сохраненію холопства и земельной крѣпости. Вторые признаютъ за сеньоромъ право требовать выдачи бѣглаго крѣпостного втеченіе всего времени, пока не настанетъ срокъ исковой давности, предписанный римскимъ правомъ,—правомъ, въ которомъ гражданское законодательство городовъ часто черпало свои нормы.

И такъ, мы стоимъ лицомъ къ лицу не съ искусственнымъ, а съ самопроизвольнымъ движеніемъ, поддерживаемымъ отчасти враждою городовъ къ феодальнымъ сеньорамъ, но вызваннымъ къ жизни чисто экономическою необходимостью. Скопленіе населенія въ городахъ, сопровождаемое развитіемъ обмѣна и обращенія богатствъ, вынудило какъ сеньора, такъ и крѣпостного, оставить устарѣвшіе способы веденія экстенсивнаго хозяйства, забросить двухпольную или трехпольную систему, положить конецъ системѣ открытыхъ полей и свободнаго выпаса скота послѣ жатвы; послѣднее крайне вредно отражалось на культурѣ злаковъ и на разведеніи винограда. Сеньоры и крѣпостные поняли, насколько невыгоденъ вынужденный трудъ, такъ какъ, съ одной стороны, онъ мало продуктивенъ, а съ другой, тѣмъ не менѣе очень тяжелъ. Личный интересъ заставилъ обѣ стороны перейти отъ барщины къ оброку, денежному или натуральному; иногда собственнику уступается третья часть сырыхъ продуктовъ (мы имѣемъ въ такомъ случаѣ дѣло съ *terciatores*, столь распространенными въ Ломбардіи) или же половина (половничество или держаніе *ad medietatem*, часто встрѣчаемое тамъ, гдѣ преимущественно воздѣлывается виноградъ, главнымъ образомъ въ Тосканѣ).

Законы вмѣшались гораздо позднѣе въ отношенія землевладѣльцевъ и прежнихъ крѣпостныхъ, а именно тогда, когда перемѣнилось не только положеніе, но даже и названіе послѣднихъ, когда изъ прежнихъ *servi* и *coloni* они стали

простыми fideles. Этотъ терминъ употребляютъ флорентинскіе статуты; онъ обозначаетъ признаніе одного патроната (покровительства), *fidelitas* — это вѣрность покровительствуемаго кліента патрону.

Въ 1288 году народъ и коммуна Флоренціи сочли необходимымъ урегулировать положеніе такихъ *fideles* (вѣрныхъ). Законъ 1288 г., какъ это выяснили профессора Сантини и Виллари, говоритъ не о крѣпостномъ, а о простомъ наслѣдственномъ держаніи, связанномъ съ обязательствомъ уплачивать цензъ и ренту.

Я приведу вамъ самый текстъ этого постановленія, которое является наиболѣе древнимъ изъ дошедшихъ до насъ актовъ крестьянскаго освобожденія и обязательнаго выкупа, осуществленныхъ благодаря вмѣшательству государства. Стараясь положить конецъ остаткамъ крѣпостничества, законодатель упоминаетъ о болѣе или менѣе исчезнувшихъ обычаяхъ лишь для того, чтобы воспрепятствовать оживанію ихъ въ будущемъ.

«Дабы юрисдикція, почетныя и реальныя права Флорентійской общины были сохранены, а не уменьшены, скорѣе даже увеличены, дабы слабые и немощные не были несправедливо угнетаемы сильными и знатными, постановлено, чтобы ни одно лицо, каково бы ни было его положеніе, не было въ правѣ продавать, дарить и вообще отчуждать или передавать другому лицу свое право владѣнія, какъ на индивида, такъ и на общину, коллегію или капитулъ, на колоновъ, платящихъ оброкъ, или людей, прикрѣпленныхъ къ землѣ (ascripticii), на освобожденныхъ крѣпостныхъ (inquilini redempti), крестьянъ (*manentes*) и холоповъ. Не должно также переуступать другимъ лицамъ такихъ правъ и повинностей, каковы, напримѣръ, барщина и общественныя помочи (*angariae et perangariae*), или же вѣчныя ренты и право суда надъ тѣми или другими лицами въ томъ или другомъ селеніи, замкѣ, графствѣ или округѣ».

До сихъ поръ вышеприведенный статутъ запрещаетъ только

передачу крѣпостныхъ земель, подлежащихъ обложенію цензомъ и рентою. Но онъ вноситъ еще болѣе существенную перемѣну въ судьбу земледѣльческихъ классовъ, и вотъ въ какомъ смыслѣ. Законъ продолжаетъ: «Съ 1288 года» запрещается становиться «*вѣрнымъ человѣкомъ*» (fidelis) кого-бы то ни было и связывать себя узами вѣрности (fidelitas).

Ни одна община и ни одно лицо не должны покупать или пріобрѣтать на какихъ-бы то ни было правахъ или же принимать въ число своихъ «*вѣрныхъ мужей*», какъ частныхъ лицъ, такъ и цѣлыя селенія, подъ страхомъ штрафа въ тысячу лиръ; причемъ продажа и покупка считаются какъ-бы не состоявшимися, а лица или община, пожелавшія перейти во владѣніе другихъ лицъ, утрачиваютъ свои реальныя права въ пользу города Флоренціи. Законъ дѣлаетъ исключеніе только для самаго города, въ случаѣ, если онъ самъ пожелаетъ быть покупщикомъ, и очевидно потому, что, становясь таковымъ, городъ принимаетъ на себя роль посредника между сеньоромъ и наслѣдственнымъ арендаторомъ, или «вѣрнымъ мужемъ», ссужая послѣдняго деньгами для выкупа своихъ рентъ и службъ.

Но законодатель имѣлъ въ виду еще другую цѣль; онъ хотѣлъ дать буржуазіи возможность воспользоваться землями, продаваемыми феодальными сеньорами. Съ этого времени буржуазія начинаетъ чувствовать себя въ силахъ занять въ деревняхъ и въ сельскомъ хозяйствѣ то мѣсто, которое нѣкогда принадлежало военному классу. Законъ формально признаетъ за колонами или *fideles* право выкупаться на свободу и объявляетъ съ этой цѣлью, что собственники въ правѣ продавать колону преимущества личной свободы и земельнаго владѣнія.

Итакъ, наслѣдственное держаніе и *fidelitas*, являющіяся переживаніемъ крѣпостного права, отмѣнены въ томъ смыслѣ что отношенія кліентства и личной зависимости не могутъ впредь быть возстановлены. Существовавшія до 1288 года отношенія сохранены, но выкупъ допущенъ, а также вмѣшательство города въ эту операцію; законодатель обнаруживаетъ дѣйствительный мотивъ своихъ мѣропріятій, говоря, что земли, населенныя

«вѣрными мужами», въ случаѣ расплаты ими за свободу, переходятъ къ новому собственнику, утрачивая характеръ колоната и наслѣдственнаго владѣнія; *«вѣрные мужи»* становятся съ этого момента людьми полноправными (*sui juris*).

Но правительству Флоренціи показалось недостаточнымъ воспрепятствовать установленію новыхъ узъ зависимости и поощрять, насколько возможно, освобожденіе и выкупъ крѣпостныхъ. Оно пожелало еще подвергнуть своему контролю законность тѣхъ немногихъ случаевъ, въ которыхъ право земельной крѣпости было удержано въ деревняхъ. Такъ какъ крѣпостничество являлось часто продуктомъ «насилія и хитрости», то нѣтъ ничего удивительнаго, что городу приходилось не разъ запрещать отбываніе барщины и другихъ повинностей, опиравшихся на стародавній обычай, который, хотя и предшествовалъ 1288 году, но все-таки имѣлъ источникомъ одно злоупотребленіе. Мы находимъ подтвержденіе этому въ регламентѣ Совѣта ста, изданномъ 5-го октября 1294 г. Этотъ регламентъ начинается съ простого упоминанія о томъ фактѣ, что пріорамъ ремеслъ и гонфалоньеру правосудія была подана петиція отъ нѣсколькихъ жителей Кастронуово. Вотъ въ чемъ состояла она:

«Гуго, сынъ Ивана, и Гвардуччіо, изъ Кастронуово, дѣйствуя по довѣренности, доводятъ до свѣдѣнія подесты Флоренціи, что Ренье, Яковъ, Гуго и Альбертъ Леклеркъ, простые и слабые люди, принадлежащіе къ темной массѣ народа, были вынуждены вмѣстѣ съ другими жителями Кастронуово тотчасъ же послѣ битвы при Монтаперти (т. е. въ 1260 г.) въ то время, какъ гибелины управляли Флоренціей, признать себя подданными сеньоровъ Вильгельма и Уберто Пацци изъ долины Арно. Эти сеньеры прибѣгли къ хитрости и насилію, пустили въ ходъ угрозы и захватили наиболѣе состоятельныхъ людей изъ жителей Кастронуово, чтобы принудить послѣднихъ подписать обязательство регулярно отбывать извѣстныя повинности, которыя, «вопреки истинѣ», были объявлены древнимъ обычаемъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ, когда жители Каст-

ронуово отказались платить ренту и брачные платежи, ихъ сеньоры объявили имъ войну, разорили ихъ поля, сожгли дома и, захвативъ въ плѣнъ многихъ, увели ихъ съ собою и засадили силою въ имѣвшіяся при замкахъ ямы. Окруживъ со всѣхъ сторонъ Кастронуово отрядомъ пѣхоты и конницы, они потребовали, чтобы осажденные сдались подъ угрозою провести ихъ сквозь строй. Но когда жители отказались подчиниться этому приказу, они стали разстрѣливать всѣхъ, кто попадался имъ въ руки. Кастронуово пришлось сдаться и избрать судьею въ своемъ дѣлѣ епископа Ареццо, родственника Пацци; епископъ высказался, разумѣется, не въ пользу осажденныхъ и предписалъ имъ отбывать по прежнему повинности. Просители умоляютъ муниципальныя власти во Флоренціи принять участіе въ ихъ печальной судьбѣ и освободить ихъ отъ ига, «взваленнаго силою на ихъ плечи». Пріоры, здраво обсудивъ содержаніе петиціи, приступили къ опросу свидѣтелей, которые всѣ до единаго показали въ пользу жителей Кастронуово. Тогда большинствомъ шести голосовъ изъ семи рѣшено было уполномочить подесту Флоренціи принять дѣйствительныя мѣры къ тому, чтобы вернуть жителямъ бурга ихъ старую свободу. Это рѣшеніе, представленное на утвержденіе Совѣту ста, было принято почти единогласно.

Я привелъ вамъ содержаніе этого документа главнымъ образомъ потому, что никакія дальнѣйшія разсужденія не въ состояніи дать болѣе точнаго понятія о томъ рвеніи, съ какимъ Флоренція поддерживала крестьянъ въ ихъ вѣковыхъ спорахъ съ феодальными сеньорами. Но это вовсе не показываетъ, что Флоренція и послѣдовавшіе ея примѣру города первые приняли участіе въ освобожденіи крестьянъ, объявивъ борьбу феодальному и крѣпостному строю. Предшественницей ея на этомъ пути была Болонья, городъ легистовъ по преимуществу. Въ 1257 году этотъ городъ выкупилъ у феодальныхъ сеньоровъ всѣхъ крѣпостныхъ своего графства за цѣну баснословно низкую съ нашей точки зрѣнія, но вполнѣ нормальную для того времени. Онъ запла-

тилъ по десяти лиръ съ головы. Это славное событіе вмѣстѣ съ именами участвовавшихъ въ немъ было занесено въ книгу, которая получила названіе Рая (Paradiso). Достаточно прочесть ея предисловіе, чтобы составить себѣ вѣрное понятіе о томъ, какое вліяніе имѣло христіанство въ связи съ юридической метафизикой, заимствованной у великихъ юристовъ древности, на освобожденіе деревенской массы.

Неизвѣстный авторъ предисловія, которымъ легко могъ быть самъ нотаріусъ Конрадинъ Селарити, изложившій, какъ это видно изъ его слоевъ, актъ освобожденія на бумагѣ. начинаетъ съ напоминанія о той полнѣйшей свободѣ, которою пользовались люди въ раю. Затѣмъ, согласно съ Блаженнымъ Августиномъ, онъ заявляетъ, что начало крѣпостничества лежитъ въ первородномъ грѣхѣ. Но такъ какъ Христосъ своею смертью искупилъ насъ отъ послѣдствій этого грѣха, то неизвѣстный философъ XIII вѣка объявляетъ, что люди, освобождающіе себѣ подобныхъ отъ ига крѣпостничества и возвращающіе имъ ту независимость, къ которой «они предназначены природой», дѣлаютъ доброе и полезное дѣло. Эта похвала направлена прямо по адресу Болоньи, этого благороднаго города, добавляетъ нашъ авторъ, который всегда боролся за свободу. «Вызывая въ памяти славныя дѣянія прошлаго и обращая свои взоры на будущее, Болонская республика въ честь Христа Искупителя освободила отъ ига крѣпостнаго права всѣхъ лицъ, подвѣдомственныхъ ей. Она постаралась не оставить ничего отъ этого ига, такъ какъ малѣйшій зародышъ неволи нарушилъ бы полноту свободы. Вѣдь достаточно присутствія одного злого, чтобы уронить честь всей совокупности добрыхъ [1])».

Хотя муниципальныя власти центральной Италіи первыя высказались въ пользу личной свободы крестьянъ, однако онѣ далеко не сочувствовали эманципаціи ихъ съ землею. Сами граждане являлись покупщиками деревенскихъ владѣній и при-

---

[1]) Рукопись находится въ архивахъ Болоньи. Чибраріо почерпнулъ изъ нея свѣдѣнія объ освобожденіи крѣпостныхъ въ Италіи XIII вѣка.

лагали всѣ старанія, чтобы замѣнить наслѣдственное держаніе фермерствомъ. Половники настолько были обременены долгами, явившимися результатомъ займовъ у собственниковъ-буржуа, что вскорѣ возникъ новый видъ прикрѣпленія къ землѣ, помимо вліянія закона и благодаря воздѣйствію однѣхъ экономическихъ причинъ.

Итакъ, эмансипація крестьянъ въ Италіи ведетъ за собой разнообразныя послѣдствія. Освобожденный не всегда остается на землѣ своихъ отцовъ; онъ часто переселяется въ городъ и пополняетъ собою ряды тѣхъ голодныхъ пролетаріевъ, которые живутъ на счетъ благотворительности церкви или частныхъ лицъ. Въ 1330 году число нищихъ во Флоренціи, по вычисленію хроникера Жіованни Виллани, достигало уже 22,000 при населеніи, едва превышавшемъ сто тысячъ. Что-же касается прежнихъ земельныхъ владѣній крестьянства, то освобожденный чаще всего принужденъ былъ уступить ихъ собственнику, желающему округлить свои владѣнія, или же арендатору на срокъ и половнику. Подтвержденіе моимъ словамъ вы найдете въ нижеслѣдующихъ фактахъ, отчасти уже сообщенныхъ Ромеромъ и Пöльманомъ.

Въ двухъ томахъ договоровъ и соглашеній, заключенныхъ въ XIII вѣкѣ администраціей госпиталя «Scala» въ Сіенѣ, мы читаемъ очень часто, что продажа недвижимой собственности состоялась въ пользу лавочниковъ, торговцевъ мясомъ и другихъ лицъ изъ народа, обитающихъ въ городѣ Сіенѣ. Въ этихъ же самыхъ актахъ сквозитъ стремленіе новыхъ собственниковъ буржуазнаго происхожденія округлить свои владѣнія, скупая сосѣдніе участки земли.

Въ XIII вѣкѣ мы находимъ въ Бергамо законъ, который отдаетъ предпочтеніе тому изъ покупателей, чей земельный участокъ прилегаетъ по крайней мѣрѣ съ двухъ сторонъ къ землѣ сосѣда. Ему предоставляется право вынуждать послѣдняго къ уступкѣ своей части, если она меньше его собственной; глава общины уполномоченъ вмѣстѣ съ двумя посредниками опредѣлять величину денежнаго вознагражденія.

Мѣропріятія, благопріятствующія округленію имѣній, встрѣчаются также въ статутахъ Бресчіи, Кремоны, Пармы, Модены и Виченцы.

Веронскіе статуты предусматриваютъ даже тотъ случай, когда прежній наслѣдственный колонъ не пожелаетъ уступить своей земли собственнику; такъ какъ послѣднему всегда отдается предпочтеніе передъ другими покупателями, то онъ можетъ принудить колона уступить ему свой участокъ. Если же затѣмъ, когда земля поступитъ въ аренду къ новому фермеру, прежній держатель захочетъ причинить ему вредъ или воспротивится самому поступленію участка въ аренду, собственникъ въ правѣ начать противъ него искъ и требовать отъ него вознагражденія за вредъ и убытки.

Текстъ этихъ статутовъ заслуживаетъ вниманія, такъ какъ онъ ясно показываетъ намъ разницу между старой и новой системой отдачи земель и говоритъ о недоброжелательствѣ бывшаго владѣльца надѣла къ фермеру, взятому со стороны и располагающему нужнымъ для веденія хозяйства капиталомъ.

Что же касается до задолженности половника и той новой крѣпости, которой онъ былъ подверженъ, благодаря ей, то объ этомъ свидѣтельствуютъ многіе договоры о наймѣ земель съ половины,—договоры, заключенные нотаріусами Кортоны, Флоренціи и Сіены втеченіе XIV и XV вѣковъ. Часть этихъ актовъ была опубликована въ 1893 году въ *Archivio Storico Italiano*, а также г. Соннино въ спеціальномъ этюдѣ о тосканскомъ половничествѣ.

Та же зависимость половника отъ землевладѣльца и его печальное экономическое положеніе, весьма близкое къ нищетѣ, выступаютъ въ самомъ текстѣ флорентійскихъ статутовъ. Эти статуты запрещаютъ половнику покидать свою аренду съ цѣлью сдѣлаться простымъ батракомъ-наймитомъ. Одинъ только безсемейный имѣлъ право продавать свой трудъ и получать взамѣнъ заработную плату. Въ интересахъ земледѣлія у половника еще въ XIII вѣкѣ отнято было право браться за под-

ныя занятія или сдавать часть снятой имъ земли въ третьи
и. Въ 1324 г. его подчинили юрисдикціи чиновниковъ, за-
ующихъ запасными магазинами и вообще народнымъ про-
ольствіемъ, а въ 1415 г. предоставили этимъ чиновни-
ъ право разбирать суммарно жалобы, поданныя на полов-
овъ собственниками и скрѣпленныя показаніями двухъ
дѣтелей, не только видоковъ, но и послуховъ (*quanto de*
tanto de auditu). Половникъ имѣетъ отнынѣ право
инуть землевладѣльца лишь въ томъ случаѣ, если ранѣе
го сполна выполнитъ по отношенію къ нему всѣ свои де-
кныя обязательства. Платежъ можетъ производиться по тре-
ъ, по тогда собственникъ въ правѣ поселить половника на
ей землѣ и держать его у себя до полной уплаты долга.
оставитъ землевладѣльца, не выполнивъ лежащихъ на
ъ обязательствъ, подлежитъ штрафу въ 200 лиръ.

Побѣги очевидно случались очень часто, потому что зако-
датель въ 1415 г. установляетъ срокъ въ нѣсколько мѣ-
цевъ, втеченіе которыхъ бѣглый колонъ можетъ вернуться
свой участокъ, не подвергаясь никакому наказанію.

Итакъ, крѣпостной въ Италіи сталъ свободнымъ лишь для
го, чтобы подпасть подъ новую зависимость и уступить
сть земель, когда-то имъ воздѣлуемыхъ, покупателямъ,
шедшимъ изъ рядовъ городской буржуазіи, или же ферме-
мъ, представителямъ средняго сословія въ деревняхъ.

III.

Двѣсти лѣтъ спустя мы видимъ повтореніе тѣхъ же явле-
й, но только въ большемъ масштабѣ. Мы наблюдаемъ ихъ
странѣ, слишкомъ отдаленной отъ Италіи, чтобы предпо-
жить возможность прямого подражанія, — подражанія, кото-
му, замѣтимъ мимоходомъ, г. Тардъ приписываетъ, на
шъ взглядъ, слишкомъ большое значеніе.

Я буду говорить объ Англіи и начну свое изложеніе
нстатированіемъ факта существованія въ этой странѣ крѣ-

постной зависимости и барщиннаго труда въ XIII вѣкѣ. Это
фактъ такъ прочно былъ установленъ моимъ соотечественнико
московскимъ профессоромъ Виноградовымъ, что я имѣю пра
воздержаться отъ всякой попытки къ его подтвержденію. Ка
же объяснить исчезновеніе крѣпостничества въ Англіи въ
столѣтіи?

Оно явилось слѣдствіемъ не законодательныхъ мѣропріят
а внутренней эволюціи. Правда, послѣ возстанія кресть
при Ричардѣ II, имъ временно дарована была свобода,
законъ, обѣщавшій ее, былъ отмѣненъ парламентомъ. ка
противорѣчащій конституціи и изданный помимо его соглас

Барщина и натуральные платежи появились вновь
прежнемъ видѣ, и, тѣмъ не менѣе, крѣпостничество исчез
втеченіе слѣдующихъ пятидесяти лѣтъ. Сэръ Джонъ Фо
тескью, писавшій свою «Похвалу англійскимъ законамъ»
царствованіе Генриха VI, отдаетъ уже предпочтеніе сво
странѣ передъ Франціей, на томъ основаніи, что подданн
ея состоятъ исключительно изъ свободныхъ людей. Самопр
извольный характеръ эманципаціи трудящихся классовъ
Англіи только увеличиваетъ нашъ интересъ къ ней, та
какъ позволяетъ смотрѣть на нее, исключительно какъ
результатъ экономической необходимости.

Чѣмъ болѣе мы будемъ удаляться отъ времени составле
нія древнѣйшихъ цензуарій и ренталей (т. е. списковъ всѣ
доходовъ, получавшихся землевладѣльцами съ крѣпостныхъ
тѣмъ чаще мы будемъ наталкиваться на замѣну барщины
натуральныхъ повинностей денежными платежами. Внача
подобная замѣна зависѣла отъ собственника; этотъ послѣдн
могъ требовать отъ своихъ крѣпостныхъ выполненія всѣ
обязательствъ, установленныхъ многовѣковой практикой,
онъ могъ и отказаться отъ нихъ, получая взамѣнъ опред
ленную ежегодную ренту. Чѣмъ ближе мы подходимъ къ X
вѣку, тѣмъ рѣже поднимается въ цензуаріяхъ вопросъ о пра
сеньора взимать повинности тѣмъ или другимъ способом
все чаще денежныя ренты замѣняютъ натуральныя пови

ги и барщину. Нѣсколько отрывковъ изъ цензуаріевъ, со-
вленныхъ въ разныя времена, могутъ служить достаточ-
іъ доказательствомъ вышеприведеннаго положенія.

Самый древній изъ документовъ подобнаго рода, какіе
ются въ нашемъ распоряженіи, относится къ первымъ
амъ XIII столѣтія; онъ составленъ между 1200 и 1202
ами. Въ этомъ цензуаріи или рентадѣ мы находимъ спи-
ъ повинностей одной изъ деревень, принадлежавшихъ аббат-
у въ Рамзэ въ Гентингдонѣ. Этотъ списокъ былъ со-
вленъ аббатомъ Эдомъ въ царствованіи Іоанна Безземель-
'о [1]) на основаніи свидѣтельствъ крестьянъ и свободныхъ
жателей помѣстій. Изъ этого же документа мы видимъ,
крестьяне владѣли равными надѣлами; эти надѣлы со-
вляли виргату или полувиргату,—произвольная мѣра, раз-
ная въ каждой мѣстности, но непремѣнно одинаковая въ
едѣлахъ одного помѣстья. Всѣ владѣльцы одной виргаты
сли одинаковую барщину и одинаковые натуральные пла-
жи. Всѣ работы были распредѣлены по временамъ года.
етъ мѣсяцамъ начинался съ осени. Число рабочихъ дней
ло опредѣлено обычаемъ. Обыкновенно крестьянинъ обя-
нъ былъ работать на сеньора три дня въ недѣлю. Почти
всѣхъ помѣстныхъ распорядкахъ мы читаемъ, что втеченіе
ного дня въ недѣлю крестьянинъ долженъ обработывать
илю сеньора, втеченіе-же двухъ остальныхъ дней—испол-
ть всякую работу, какую назначитъ ему сеньоръ. Число ра-
чихъ дней возрастаетъ во время жатвы и покоса.

Было повидимому принято за правило, что дневная ра-
та равняется обработкѣ полуакра земли. Это составляло
нимумъ того, что каждый крестьянинъ долженъ былъ вспа-
ть, скосить или убрать втеченіе одного дня; что же ка-
ется до посѣва, то, такъ какъ онъ требуетъ меньшей за-

[1]) Въ *Monasticon Anglicum*, т. II, стр. 548, мы читаемъ, что этотъ
ібатъ исполнялъ свою должность только втеченіе двухъ лѣтъ отъ
!00 по 1202 годъ; слѣдовательно мы должны отнести составленіе цензу-
рія къ этому времени.

траты времени, то крестьянину положено засѣвать не пол акра, а цѣлый акръ.

Во время жатвы крестьянинъ долженъ былъ выходить в поле не одинъ, а со всею своею семьею. Въ нѣкоторыхъ помѣстьях дѣлается исключеніе для жены; въ другихъ число членов семьи, участвующихъ въ несеніи барщины, опредѣлено обы чаемъ: въ однѣхъ мѣстностяхъ оно равняется двумъ, въ дру гихъ—тремъ лицамъ, кое-гдѣ всего одному.

Иногда сеньоръ обязуется выдавать небольшое денежно вознагражденіе поденщикамъ, приведеннымъ крестьяниномъ Нѣкоторыя работы требуютъ только личнаго труда крестьянина на другія же онъ обязанъ являться со своимъ плугомъ ил подводой. Встрѣчаются помѣстья, гдѣ крестьянинъ долженъ давать сѣмена для обсѣмененія полей сеньора, но взамѣн этого сеньоръ обязуется содержать крестьянина въ тѣ дни когда послѣдній отбываетъ барщину. Въ цензуаріи оговорен количество и качество продуктовъ, которые крестьянинъ дол женъ получать отъ сеньора. Натуральный оброкъ состоитъ в поставкѣ крестьяниномъ опредѣленнаго числа куръ, гусей овецъ, свиней, поросятъ, рыбы, сотъ меду и т. д. Нерѣдк онъ обязанъ дать извѣстное количество ржи или овса ил привезти нѣсколько возовъ дровъ. Сравнительно съ держате лемъ полной виргаты, владѣющій полу-виргатой несетъ вс повинности въ половинномъ размѣрѣ: первый работаетъ дв дня въ недѣлю, второй—только одинъ; во время жатвы пер вый обязанъ привести четырехъ работниковъ, второй —двухъ къ Рождеству первый приноситъ двухъ куръ и къ Пасх десять овецъ, между тѣмъ какъ второй долженъ поставит только половину этого числа. Аналогичныя предписанія мы можемъ встрѣтить во всѣхъ цензуаріяхъ описываемой эпохи Напримѣръ, въ Боксгревскомъ цензуаріи, составленномъ пять десятъ лѣтъ спустя, мы читаемъ, что въ помѣстьи Мервы каждый крестьянинъ, владѣющій половиной виргаты, обязан за время между осеннимъ праздникомъ Св. Михаила и лѣт нимъ Св. Петра проработать на сеньора одинъ мѣсяцъ, ис-

олняя ту работу, какую отъ него потребуютъ. Онъ долженъ сверхъ того вспахать, выполоть, скосить опредѣленное число акровъ, переходя отъ одного вида труда къ другому, согласно предписанію сеньора. Владѣлецъ полной виргаты несъ повинности, соотвѣтственно своему надѣлу, въ двойномъ размѣрѣ противъ предыдущаго.

Чѣмъ болѣе мы удаляемся отъ эпохи норманскаго завоеванія, тѣмъ чаще встрѣчаемся съ замѣной, если не всѣхъ, то нѣкоторыхъ натуральныхъ повинностей денежными. Въ цензуаріи помѣстья Галлуэлль, принадлежавшаго аббатству въ Рамзэ, значится: въ царствованіе Генриха II были розданы двадцать три виргаты, принадлежащія монастырю, подъ условіемъ несенія барщинныхъ повинностей ихъ держателями. Изъ этого числа пятнадцать сданы еще на указанныхъ условіяхъ, другія платятъ только ренту.

Въ тѣхъ частяхъ этого цензуарія, которыя были составлены между 1267 и 1285 годами, упоминается на каждомъ шагу, что земледѣльческія работы и натуральныя повинности замѣнены ежегодными денежными взносами; тамъ же мы видимъ, что собственникъ или его управляющій, уполномоченный взимать крестьянскіе платежи натурой или деньгами, часто носитъ названіе *firmarius* или, въ буквальномъ переводѣ, откупщикъ помѣстныхъ сборовъ [1]). Почти во всѣхъ цензуаріяхъ второй половины XIII и XIV столѣтія говорится о замѣнѣ барщины и натуральныхъ повинностей вѣчными рентами, но нигдѣ не упоминается о правѣ сеньора или его управляющаго возвратиться къ прежнимъ барщиннымъ повинностямъ.

Съ того момента, когда барщинныя службы переведены

---

[1]) Такъ, въ элесфордскомъ помѣстьѣ отдѣльныя лица владѣютъ „de villenagio", извѣстнымъ участкомъ земли, за что и платятъ аббату иногда по шести, иногда по четыре динарія ежегодно, помимо двухъ ульевъ пчелъ, которые каждый долженъ доставлять сеньору на Рождество. Эти денежные платежи могли быть замѣнены барщиной въ тѣхъ размѣрахъ, въ которыхъ ее отбывали другіе крестьяне того-же помѣстья.

были на то или другое число работъ (*opera* или *operationes*), становится легче оцѣнить ихъ на деньги. Говоря о крестьянинѣ, пользовавшемся цѣлой виргатой, цензуаріи замѣчаютъ, что онъ долженъ нести ежегодно 60 «opera», а о крестьянинѣ, владѣющемъ полувиргатой, что его обязательства вполовину меньше, т. е. сводятся къ 30 «opera» [1]).

Очевидно, разъ барщинныя работы были сведены къ среднему масштабу, дать имъ денежное выраженіе не представляло никакой трудности. Въ XIV и XV столѣтіяхъ постоянно упоминается о такихъ переводахъ службъ на деньги.

Чтобы познакомить читателя съ технической стороной вопроса, я позволю себѣ привести въ переводѣ одинъ очень интересный документъ, найденный мною въ рукописяхъ Британскаго музея. Это ни болѣе, ни менѣе, какъ одно изъ многочисленныхъ соглашеній, благодаря которымъ крѣпостное держаніе замѣнилось держаніемъ на условіи вѣчной ренты, другими словами—копигольдомъ. Договоръ, о которомъ я говорю, былъ заключенъ между крестьянами деревни Ракингель и аббатомъ монастыря Св. Эдмунда, по всей вѣроятности въ концѣ XIV вѣка.

Тамъ сказано, что впредь работы вилллановъ будутъ замѣнены денежными рентами по слѣдующему разсчету: взамѣнъ трехъ рабочихъ дней лѣтомъ и зимою крестьяне должны платить по одному пенни или динарію, тогда какъ за одинъ осенній день аббатъ не имѣетъ права взимать болѣе полутора пенни: всякая дневная работа крестьянина, пришедшаго съ лошадью, оцѣнивается въ одинъ динарій, безъ лошади— въ полъ-динарія; при переводѣ натуральныхъ повинностей на деньги, принимается въ разсчетъ цѣна жизненныхъ продук-

---

[1]) Каждый разъ, когда въ ренталяхъ опредѣляется продолжительность рабочаго времени или площадь поля, которую крестьянинъ долженъ вспахать, засѣять, скосить и свезти на гумно, число возовъ дровъ и сѣна, которые онъ долженъ доставить, говорится о числѣ „opera", какое представляютъ эти работы. Въ концѣ списка работъ подводится итогъ всѣмъ „opera" или „operationes", которыя должны нести крестьяне.

овъ въ моментъ производства оцѣнки; такъ напримѣръ, принято, что каждая мѣра овса (*quartio avenae*) стоитъ два шиллинга.

Съ помощью подобныхъ соглашеній большая часть крѣпостныхъ переведена была въ положеніе копигольдеровъ и наслѣдственныхъ съемщиковъ. Въ цензуаріяхъ временъ Эдуарда III почти всѣ повинности крестьянъ замѣнены уже денежными платежами.

Послѣ того какъ мы прослѣдили послѣдовательное возвышеніе крѣпостного до степени свободнаго держателя, обратимся къ изученію эволюціи, которая совершалась параллельно и благодаря которой крестьянинъ, едва избавившійся отъ узъ крѣпостничества, лишился земли и превратился въ современнаго пролетарія, такъ называемаго «labourer». Для этой цѣли намъ слѣдуетъ изучить развитіе двухъ явленій: съ одной стороны крупнаго фермерства, съ другой—огораживаній. Чтобы лучше понять, каково было вліяніе этихъ факторовъ на благосостояніе крестьянъ, намъ придется нѣсколько остановиться на ихъ экономическомъ положеніи въ эпоху крѣпостничества.

Вышеприведенные факты уже позволяютъ намъ вывести заключеніе, что за весь періодъ среднихъ вѣковъ крестьянинъ никогда не былъ вполнѣ устраненъ отъ владѣнія землею. Правда, что въ норманскую, какъ и въ англо-саксонскую эпоху, мы встрѣчаемъ въ помѣстьяхъ многочисленный классъ холоповъ, сначала носящихъ названіе сервовъ (*servi*), а позднѣе—виллановъ (*villeins in gross*); они были прикрѣплены не къ землѣ, а къ личности сеньора, вслѣдствіе чего и могли быть продаваемы безъ земли. Но существованіе этого класса такъ же мало вліяло на общій характеръ крѣпостничества въ Англіи, какъ существованіе въ Россіи дворовыхъ людей, обязанныхъ исполнять домашнія работы въ барской усадьбѣ, не мѣшало большинству крестьянъ пользоваться землею за долго до ихъ освобожденія.

Владѣнія крестьянъ были очень мелки; таково общее

впечатлѣніе, вынесенное мною изъ изученія цензуаріевъ XIII и XIV столѣтій. Если мы возьмемъ напримѣръ относящійся къ концу XIII вѣка цензуарій монастыря Св. Петра въ Глочестерскомъ графствѣ, или цензуаріи аббатствъ въ Боксгревѣ, Эдмондсбери и Рамзэ, относящіеся приблизительно къ одному и тому же столѣтію, мы въ каждомъ изъ нихъ найдемъ, что крестьянскій дворъ XIII в. владѣлъ самое большее нѣсколькими десятками акровъ. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ крестьянинъ держитъ одну или двѣ виргаты, виргата не превышаетъ 44—48 акровъ. Очень часто она состоитъ всего изъ 18 акровъ, въ составъ которыхъ входятъ не одни поля, но и луга.

Мы встрѣчаемъ сравнительно рѣдко дворы, владѣющіе полной виргатой; большинство довольствуется половиной или четвертой частью виргаты, часто даже еще меньшими участками,—нивой въ десять акровъ или коттэджемъ съ пятью или шестью акрами пахатной земли и однимъ или двумя луговой. Въ цензуаріяхъ XIII вѣка никогда не говорится о владѣніяхъ, простирающихся на сотни акровъ (фактъ, часто встрѣчающійся въ XV в.), и тѣмъ болѣе объ огромныхъ фермахъ въ нѣсколько тысячъ акровъ, появленіе которыхъ мы наблюдаемъ въ XVII и XVIII столѣтіяхъ [1]).

---

[1]) Въ *Historia et cartularium Sancti Petri Gloucestrioa*, изданной Генрихомъ Гартомъ, мы находимъ свѣдѣнія, касающіяся величины виргаты въ различныхъ помѣстьяхъ одного монастыря: въ Дентесбурнѣ виргата равняется 18 акрамъ, въ Гингамѣ —48, въ Аменелѣ—44; въ Броктронѣ—40; и только въ одномъ помѣстьѣ въ Булэйнѣ (Boolein)—64 акрамъ; очень рѣдко крестьянинъ владѣетъ болѣе, чѣмъ одною виргатою, большею же частью—половиною ея, иногда только нивой (unum messuagium).

Въ ренталѣ Рамзэйскаго аббатства мы встрѣчаемъ, на-ряду съ владѣльцами двухъ виргатъ и болѣе, владѣльцевъ одной или половины виргаты, или даже одной или нѣсколькихъ *cotlandia* (котэджъ) съ принадлежащимъ къ нему небольшимъ числомъ акровъ, или одного *toftum* (хижина) съ нѣсколькими акрами пахатной и луговой земли. Мы также находимъ термины: *messuagium* (лугъ) или *crofta*, *tosta* (названія, указывающія на бо́льшую или меньшую величину владѣній).

Изъ ренталя Сентъ-Эдмундскаго аббатства мы видимъ, что наибольшія владѣнія крестьянъ Мильденгальскаго помѣстья доходятъ до 30 акровъ, многія же довольствуются половиной такихъ участковъ.

Переходя къ XIV столѣтію, мы видимъ, что во владѣніяхъ аббат

Это дробленіе земельныхъ участковъ подтверждается протоколами вотчинныхъ судовъ. Каждый разъ, когда въ указанныхъ актахъ идетъ рѣчь о взиманіи повинностей или о передачѣ земельныхъ участковъ одною семьею другой, употребляются термины: «виргата», «полувиргата» и еще чаще «messuagia» — маленькіе клочки земли всего въ нѣсколько акровъ.

Въ цензуаріяхъ такъ же, какъ и въ протоколахъ сеньоріальныхъ судовъ, часто упоминается, что такой-то крестьянинъ, свободный или крѣпостной, владѣетъ такимъ-то земельнымъ надѣломъ со всѣмъ, чтó принадлежитъ къ нему (cum pertinentiis suis). Подъ этими «принадлежностями», упоминаемыми въ актахъ XIII столѣтія, подразумѣвается право общиннаго пользованія пастбищами, лѣсами, торфяниками, невоздѣланными землями,—право, которое признается за крестьянами также всѣми юристами XIII, XIV и XV вв., начиная съ Брактона и кончая Литтлетономъ. Въ протоколахъ королевскихъ судовъ Нассе нашелъ неопровержимыя доказательства того, что крестьяне имѣли право пасти свой скотъ на сжатыхъ нивахъ и скошенныхъ лугахъ сеньора. Этотъ же писатель говоритъ о земляхъ, которыя попеременно обращались то въ пастбища, то въ луга, и которыя принадлежали сообща и крестьянамъ, и сеньору.

Документы XIII и XIV вѣковъ и юристы упоминаютъ также объ общинномъ правѣ пользованія лѣсомъ или, вѣрнѣе, правѣ собирать въ лѣсу сеньора валежникъ для топлива, папоротники и кустарники, затѣмъ о правѣ пользованія торфяниками и

ства Св. Мартини-де-Белло, находившихся въ графствѣ Эссексъ, земля дѣлится уже ни на виргаты, а на весты (или висты). Размѣръ весты не былъ точно опредѣленъ, но, принявъ во вниманіе, что владѣлецъ весты работалъ на барщинѣ въ три раза меньше владѣльца виргаты (40 дней въ году вмѣсто 150, считая по три рабочихъ дня въ недѣлю), мы имѣемъ полное основаніе заключить, что веста была въ три раза меньше виргаты. Тѣмъ не менѣе немногіе только крестьяне владѣютъ полной вестой; большая часть имѣетъ половину или четверть весты.

Мы могли бы увеличить число примѣровъ, но намъ кажется, что и приведенныхъ вполнѣ достаточно для доказательства нашего положенія

рыбной ловлей. Эти права входятъ въ составъ крестьянскаго надѣла и признаются судомъ каждый разъ, когда крестьянинъ имѣетъ возможность доказать, что они были ему пожалованы съ незапамятныхъ временъ, т. е., по объясненію судей, ранѣе перваго года царствованія Ричарда I-го.

Послѣ того, какъ мы ознакомились съ матеріальнымъ положеніемъ крѣпостныхъ держателей XIII и XIV вв, намъ будетъ легче понять, какое значеніе имѣли для нихъ измѣненія послѣдующаго періода. Если мы перейдемъ къ цензуаріямъ второй половины XV и начала XVI в., мы не безъ удивленія замѣтимъ слѣды коренного переворота, происшедшаго въ отношеніяхъ крестьянина къ землѣ. Съ одной стороны, большая часть крестьянскихъ земель сосредоточивается въ рукахъ незначительнаго числа фермеровъ, съ другой — право пользованія невоздѣланными землями и лѣсами сеньора если и не совсѣмъ уничтожено, то во всякомъ случаѣ значительно урѣзано, такъ какъ большая часть такихъ земель огорожена или самими сеньорами, или ихъ фермерами.

Прежде чѣмъ выяснить причины этой эволюціи, мы постараемся доказать ея существованіе нѣсколькими примѣрами. Въ цензуаріи графа Ѳомы Ормонда, составленномъ въ 18-й годъ царствованія Эдуарда IV, т. е. въ 1473 г., мы постоянно находимъ подтвержденіе высказаннаго нами взгляда. Напримѣръ въ помѣстьѣ Ролестонъ мы встрѣчаемъ двухъ фермеровъ (tenentes ad voluntatem), изъ которыхъ каждый владѣетъ половиною всѣхъ земель и вноситъ сеньору ежегодно по тридцати шиллинговъ арендной платы. Въ деревнѣ Clifford-Corbin, тоже принадлежащей графу Ормонду, всѣ пахотныя земли сданы по договору одному фермеру за плату въ 46 шиллинговъ 8 пенсовъ. Въ третьей деревнѣ не только сеньоріальная земля, но и та, которою прежде владѣли крестьяне, перешла въ руки одного фермера, который платитъ 40 шиллинговъ ренты. Какъ бы ничтожны ни казались намъ эти суммы, тѣмъ не менѣе по сравненію съ доходами, которые приносили прежніе держатели, — полтора шиллинга и даже

меньше,—эти платежи покажутся значительными. Каждую ферму составляетъ площадь земли, достаточная для прокормленія двадцати крестьянскихъ семей.

Фактъ концентраціи большей части земель, составлявшихъ прежде крестьянскіе надѣлы, въ рукахъ нѣсколькихъ фермеровъ или *tenentes ad voluntatem* съ очевидностью можетъ быть доказанъ также однимъ изъ цензуаріевъ, хранящихся въ Британскомъ музеѣ. Онъ былъ составленъ къ концу XV столѣтія,—въ эпоху, когда обезземеленіе крестьянъ шло въ Англіи полнымъ ходомъ. Всѣ помѣстья, о которыхъ идетъ рѣчь въ цензуаріи, находятся въ Лейчестерскомъ графствѣ и принадлежатъ аббатству Св. Панкратія въ Льюисѣ (Lewis).

Земли аббатства носятъ еще въ эту эпоху слѣды раздѣленія ихъ на нѣсколько коновъ (wongs), содержащихъ каждый большее или меньшее количество дѣлянокъ («seliones»).

Любопытно отмѣтить тотъ фактъ, что, хотя эти дѣлянки и различны по величинѣ въ разныхъ конахъ, онѣ всегда равны между собою въ одномъ и томъ же конѣ. Одинаковая величина полосъ въ одномъ и томъ же конѣ и различная въ разныхъ конахъ даетъ намъ право думать, что въ этомъ раздѣленіи на *wongs* и *seliones* кроются слѣды старинныхъ крѣпостныхъ надѣловъ, основанныхъ на началѣ равенства полосъ въ разныхъ конахъ одного и того же помѣстья. Этотъ видъ распредѣленія земель показываетъ намъ въ свою очередь, что и въ Англіи существовала когда то система, близкая къ русской сельской общинѣ. Когда же полосы сдѣлались наслѣдственными и перестали подвергаться періодическимъ передѣламъ, какъ бывало прежде, онѣ, не переставая быть равными, перешли изъ категоріи общинныхъ въ категорію частныхъ владѣній.

Равенство надѣловъ продержалось, какъ мы видѣли, втеченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ въ формѣ виргатъ и полувиргатъ, составляющихъ частныя владѣнія отдѣльныхъ крестьянъ одного и того же помѣстья. Цензуарій аббатства Льюисъ, обрисовывая характеръ крестьянскихъ владѣній вте-

ченіе вѣковъ, предшествовавшихъ его составленію, указываетъ намъ въ то же время, какимъ измѣненіямъ подверглись эти владѣнія въ XV вѣкѣ. Вмѣсто того, чтобы распредѣляться между нѣсколькими семьями, какъ въ прежнія времена, коны (wongs) стали сосредоточиваться въ небольшомъ числѣ рукъ, такъ что каждый держатель является обладателемъ одного или нѣсколькихъ коновъ. Напримѣръ, въ помѣстьи Фресби, гдѣ существуетъ четыре кона, изъ которыхъ южный имѣетъ 36, а сѣверный 48 дѣлянокъ (въ восточномъ и западномъ мы находимъ приблизительно одно и то же число полосъ), вся земля сосредоточивается всего-на-всего въ рукахъ 4-хъ фермеровъ, которые снимаютъ ее у аббатства совмѣстно.

Авторы хроникъ, занятые главнымъ образомъ политическими событіями, едва упоминаютъ о вышеизложенныхъ фактахъ; малоизвѣстная исторія англійскихъ королей нѣкоего Россуса представляетъ въ этомъ отношеніи счастливое исключеніе. Авторъ говоритъ объ уменьшеніи числа собственниковъ во всей Англіи и въ частности въ графствѣ Варвикскомъ, откуда онъ былъ родомъ. Въ подтвержденіе своихъ словъ Россусъ приводитъ сравнительную статистику земельныхъ собственниковъ при Эдуардѣ I и въ половинѣ XV вѣка. Благодаря этому труду, мы наглядно видимъ, что тамъ, гдѣ прежде было 80 домохозяевъ, уцѣлѣла только четверть, а гдѣ было 27 — только одинъ; на мѣстѣ разрушенныхъ деревень возникли одинокіе хутора, занимаемые фермерами.

Сдѣланный нами анализъ обнаружилъ тотъ фактъ, что въ XV вѣкѣ земли изъ рукъ крестьянъ переходятъ въ руки фермеровъ. Теперь остается изучить причины этого явленія. Онѣ, понятное дѣло, сложны. Поставимъ на первый планъ ослабѣвавшій интересъ владѣльца помѣстья удерживать крестьянъ на ихъ надѣлахъ съ тѣхъ поръ, когда барщина была замѣнена наслѣдственной рентой, уплачиваемой деньгами. Въ

то время, какъ цѣна на землю поднималась, благодаря росту населенія, наслѣдственная рента не росла, а скорѣе падала, благодаря обезцѣненію денегъ, которое являлось неизбѣжнымъ результатомъ открытія богатыхъ рудниковъ драгоцѣнныхъ металловъ въ Америкѣ. Не будучи въ правѣ отнять силою у крестьянъ его вѣковой надѣлъ, сеньоръ набросился на общинныя земли. Феодальное право дозволяло ему предписывать условія пользованія ими и освобождать отъ пользованія нѣкоторые участки съ помощью огораживанія. Обычай и законъ давали ему также право соглашаться на распашку общинныхъ земель или запрещать ее. Опираясь на свою власть и не испросивъ даже согласія у жителей помѣстья, сеньоры стали производить «заимки» въ предѣлахъ мірскихъ земель, до тѣхъ поръ нетронутыхъ плугомъ, и сократили такимъ образомъ сферу крестьянскихъ пользованій.

Но въ особенности огораживаніе полей, обнесеніе лучшихъ частей пастбища изгородями и рвами нанесло сильный ущербъ тѣмъ матеріальнымъ выгодамъ крестьянства, которыя происходили отъ пользованія общинными угодьями, считавшимися принадлежностью ихъ надѣловъ.

Расширеніе торговли шерстью въ XV вѣкѣ и вывозъ ея за границу побудили землевладѣльцевъ обратить бóльшее вниманіе на луга и пастбища, чѣмъ это дѣлали ихъ предки. Вотъ ближайшій источникъ той цѣпи фактовъ, которые въ XV вѣкѣ повели къ распространенію огораживаній и ограниченію крестьянскихъ правъ пользованія. Благодаря этому, держаніе надѣловъ становилось менѣе выгоднымъ, чѣмъ въ былые годы, такъ какъ крестьянамъ приходилось отказываться отъ извѣстной части скота, необходимаго для земледѣльческихъ работъ. Когда луга и пастбища были раздѣлены, сталъ ощущаться недостатокъ въ кормѣ. Крестьянину ничего больше не оставалось, какъ нарушить свой договоръ съ собственникомъ и направиться въ городъ, куда привлекала его перспектива лучшаго заработка, на поприщѣ промышленности

или торговли. Что же касается до собственника, который сдѣлался обладателемъ крестьянскихъ надѣловъ, то онъ счелъ для себя болѣе выгоднымъ отдавать землю въ аренду фермерамъ съ извѣстнымъ капиталомъ въ рукахъ, достаточнымъ для того, чтобы разводить овецъ на арендованной землѣ. Документы говорятъ намъ объ этихъ первыхъ фермерахъ, какъ объ «graziers», «потравщикахъ», т. е. людяхъ, которые арендовали землю лишь для того, чтобы кормить травой свой скотъ.

Всѣ вышепомянутыя явленія возникли впрочемъ не одновременно. Они развились мало-по-малу втеченіе вѣковъ. Такъ, огораживаніе пастбищъ и луговъ началось задолго до XV в. Начиная съ XIII и XIV столѣтій, протоколы вотчинныхъ судовъ свидѣтельствуютъ о поползновеніи свободныхъ держателей (libere tenentes) захватить часть общинныхъ земель. Но эти попытки встрѣчали энергичный отпоръ со стороны вотчинныхъ судовъ. Виновные подвергались штрафу, а земли, захваченныя ими, конфисковывались у нихъ и возвращались общинѣ. Еще болѣе дѣйствительныя мѣры были приняты самими сеньорами во имя защиты вѣкового права крестьянъ,—права пользованія сеньоріальными пастбищами. Въ XIII в. встрѣчаются уже жалобы, чаще всего со стороны городскихъ жителей, на огораживаніе пастбищъ сеньорами [1]). Издавая Мертонскій статутъ, Генрихъ III считаетъ необходимымъ принять мѣры къ тому, чтобы огораживаніе не помѣшало впослѣдствіи пользоваться общиннымъ выгономъ тѣмъ лицамъ, у которыхъ есть скотъ. Законъ объявляетъ, что сеньору будетъ позволено обращать луга въ пахотную землю лишь тогда, когда онъ оставитъ своимъ держателямъ достаточное количество земли для пастбища (*sufficientem pasturam*). По мнѣнію англійскихъ юристовъ, Мертонскій ста-

---

[1]) Въ числѣ жалобъ, обращенныхъ жителями Св. Альбана въ 1381 году къ своему аббату, мы встрѣчаемъ одну, которая непосредственно касается ограниченія ихъ права пользованія общинными землями.

утъ беретъ подъ свою защиту только свободныхъ владѣльцевъ, предоставляя синьору право урѣзывать площадь общинныхъ земель, которыми онъ пользуется сообща съ крѣпостными. Только во второмъ Вестминстерскомъ статутѣ, изданномъ въ тридцатый годъ царствованія Эдуарда I, предписанія Мертонскаго статута были распространены и на право пользованія крестьянъ въ общинныхъ угодьяхъ. Въ *Placitorum Abbreviatio* и въ *Сотенныхъ Свертках* Нассе отмѣтилъ не одинъ фактъ, подтверждающій, что оба статута не оставались мертвой буквой, но находили примѣненіе въ приговорахъ королевскихъ судовъ. Впрочемъ, нужно думать, что дѣло рѣдко когда доходило до суда, такъ какъ для деревенскаго населенія было слишкомъ разорительно вести процессы, и оно почти не обращалось къ нимъ. Въ одной изъ петицій къ королю не безъ основанія говорится, что крестьяне, за неимѣніемъ средствъ, отказываются прибѣгать къ суду, боясь большихъ издержекъ. Итакъ, мы не ошибемся, если скажемъ, что статуты Эдуарда I не выполнили и половины той задачи, которую они преслѣдовали, и что, несмотря на ихъ предписанія, огораживаніе полей продолжало принимать все большіе и большіе размѣры.

Весьма возможно, что захватъ общинныхъ земель сталъ практиковаться чаще къ концу XIV вѣка, и это повело къ значительному сокращенію ихъ площади. Такая догадка имѣетъ основаніе, такъ какъ въ эпоху возстанія крестьянъ при Ричардѣ II, въ числѣ производимыхъ насилій, мы постоянно наталкиваемся, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ графствахъ, между прочимъ въ Кентѣ, на разрушеніе изгородей не только на земляхъ помѣщиковъ, но и на держаніяхъ свободныхъ владѣльцевъ. Въ XV вѣкѣ, если судить по петиціямъ, обращеннымъ къ парламенту въ царствованіе Генриха V, движеніе въ сторону огораживанія мірскихъ земель приняло широкіе размѣры. Одна изъ этихъ петицій даетъ право предполагать, что во многихъ мѣстностяхъ сокращеніе площади общинныхъ угодій совершилось путемъ насилія: сеньоръ

присваивалъ себѣ мірскія земли (comons), обводя ихъ загородями и принуждая тѣмъ крестьянъ отказаться отъ своихъ законныхъ правъ.

Вредъ, причиняемый подобной практикой деревенскимъ жителямъ, принялъ въ концѣ вѣка такіе грандіозные размѣры, что король Ричардъ III-й счелъ необходимымъ обратить вниманіе парламента на злоупотребленія этого рода и принять рѣшительныя мѣры для борьбы съ ними. Въ тронной рѣчи мы находимъ воззваніе короля къ депутатамъ; онъ заклинаетъ ихъ строго преслѣдовать огораживанія и удержать этимъ путемъ крестьянъ на той землѣ, которую они обрабатывали втеченіе вѣковъ. Возстаніе Бекингама, побудившее короля не раздражать сеньоровъ ненавистными для нихъ мѣропріятіями, явилось препятствіемъ для осуществленія добрыхъ намѣреній Ричарда. Изъ рѣчи канцлера-епископа Русселя, произнесенной въ парламентѣ отъ имени короля, вычеркнуто было мѣсто, относившееся къ необходимости запретить огораживанія путемъ закона, но при преемникѣ Ричарда, Генрихѣ VII (Тюдорѣ), возникъ вопросъ о принятіи болѣе или менѣе дѣйствительныхъ мѣръ противъ этого зла, грозившаго Англіи, по мнѣнію короля, обезлюденіемъ.

Изучивъ въ подробностяхъ прогрессивное урѣзываніе крестьянскихъ правъ на общинныя угодья, намъ нетрудно понять, какіе мотивы заставили англійскаго крестьянина бросить землю своихъ отцовъ, что повело въ свою очередь къ расширенію класса фермеровъ, т. е. посредниковъ между сеньоромъ и земледѣльцемъ или простымъ сельскимъ рабочимъ. Вполнѣ понятно, что, съ одной стороны, увеличившееся значеніе пастбищъ въ виду разведенія овецъ, а, съ другой, невозможность открыто согнать крестьянъ съ ихъ участковъ и лишить ихъ общинныхъ правъ побудили и сеньоровъ охотно принимать отказъ отъ наслѣдственныхъ держаній со стороны прежнихъ крѣпостныхъ и соединять ихъ земельные надѣлы въ рукахъ сравнительно небольшого числа фермеровъ, которые соглашались давать болѣе высокую цѣну за арендуемую землю.

Возникновеніе фермерства въ концѣ XIV вѣка на земляхъ, принадлежащихъ двумъ оксфордскимъ колледжамъ, было констатировано еще Роджерсомъ. Въ XV вѣкѣ, какъ мы видѣли, фермеры стали появляться повсюду. Любое помѣстье заключало въ себѣ лицъ, способныхъ вступить въ ряды ихъ. Ихъ могъ поставлять какъ классъ свободныхъ держателей, фригольдеровъ, такъ и классъ разбогатѣвшихъ оброчныхъ держателей, копигольдеровъ. Эти два класса въ дѣйствительности снабдили сеньоровъ первыми фермерами.

Достаточно внимательно просмотрѣть цензуаріи нѣсколькихъ помѣстій, чтобы замѣтить, что въ началѣ XV вѣка земли, оставленныя сеньорамъ для личнаго пользованія, стали сдаваться въ аренду лицамъ, которыя уже въ качествѣ свободныхъ держателей владѣли извѣстнымъ количествомъ помѣстной земли. Если мы возьмемъ, напримѣръ, цензуарій Дэргамскаго пріората, мы встрѣтимъ въ немъ на каждомъ шагу упоминаніе о томъ, что такое-то лицо, являющееся наслѣдственнымъ съемщикомъ извѣстнаго участка помѣстной земли, владѣетъ въ качествѣ фермера всею или большей частью собственности пріората въ данномъ мѣстѣ. Если-же обратимся отъ цензуаріевъ начала вѣка къ цензуаріямъ второй его половины, мы увидимъ нѣчто иное. Рѣчь заходитъ о новомъ классѣ лицъ, служащихъ посредниками между сеньорами и простыми земледѣльцами; они носятъ названіе «*tenentes ad voluntatem*» — свободныхъ арендаторовъ или фермеровъ.

Нѣкоторыя административныя и законодательныя мѣры, принятыя въ описываемую нами эпоху, свидѣтельствуютъ о существованіи такого класса, совершенно отличнаго отъ прежнихъ свободныхъ или несвободныхъ держателей. Въ одномъ изъ дошедшихъ до насъ декретовъ Ричарда III мы видимъ прямое указаніе на то, что этотъ классъ образовался не изъ жителей помѣстья, а изъ пришлаго элемента. Послѣднему, съ горечью добавляетъ авторъ документа, всегда отдается предпочтеніе передъ туземными обывателями, когда дѣло идетъ объ от-

дачѣ въ аренду помѣстной земли. Ричардъ III, стараясь положить конецъ такому порядку вещей, по крайней мѣрѣ въ предѣлахъ собственныхъ владѣній, постановилъ, чтобы впредь земли сдавались въ аренду только тѣмъ лицамъ, которыя состоятъ давно уже вассалами короля.

Генрихъ VII, становясь на точку зрѣнія военной защиты королевства, также отрицательно смотритъ на переходъ земли изъ рукъ средневѣковыхъ держателей въ руки фермеровъ. Нѣкоторыя выраженія въ королевскихъ статутахъ и свидѣтельство Бэкона не оставляютъ на этотъ счетъ никакого сомнѣнія.

На-ряду съ развитіемъ особаго класса фермеровъ или мидльмэновъ, т. е. посредниковъ между собственниками земли и ея фактическими воздѣлывателями, въ XV в. совершилось еще одно любопытное явленіе. Я говорю о полномъ исчезновеніи системы сдачи земель помѣстья за-одно съ хозяйственнымъ инвентаремъ въ руки какого-нибудь частнаго съемщика-крестьянина; зажиточный фермеръ не нуждается болѣе въ томъ, чтобы собственникъ ссужалъ его орудіями производства.

Около половины XV вѣка мы встрѣчаемъ среди фермеровъ лицъ, болѣе чѣмъ состоятельныхъ. То, чтó говоритъ Фортескью объ увеличеніи недвижимаго богатства въ Англіи въ XV вѣкѣ, было бы непонятно, если бы мы не отнесли его замѣчанія къ фермерамъ, которыхъ онъ называетъ «йомэнами». Напрасно пытались открыть въ этихъ йомэнахъ представителей класса крестьянъ-собственниковъ, якобы существовавшихъ нѣкогда въ Англіи [1]). Въ картинѣ экономическаго положенія страны, которую рисуетъ Фортескью въ XXIX-й главѣ своей «Похвалы Англійскимъ законамъ», нѣтъ и намека на возможность такого вывода. Авторъ упоминаетъ лишь о

[1]) Эней Сильвій Пикколомини, посѣтившій Англію въ первой половинѣ XV в. (въ 1430 г.), рисуетъ намъ далеко не привлекательную картину домашняго быта крестьянъ этой эпохи. Ихъ дома построены изъ камня безъ цемента и крыты мохомъ; бычачьи кожи служатъ дверями; также часто попадаются хижины изъ камыша, щели которыхъ замазываются грязью, въ печахъ нѣтъ трубъ, такъ что дымъ выходитъ прямо черезъ отверстіе въ крышѣ. Нѣтъ ничего общаго между этой картиной и тою, какую рисуетъ Гаррисонъ, описывая зажиточную жизнь йомэновъ.

томъ, что «йомэны» достаточно богаты, чтобы войти въ составъ суда присяжныхъ, и что между ними есть такіе, которые тратятъ ежегодно по сто ливровъ и даже больше. Современникъ Елизаветы, Гаррисонъ, выражается болѣе опредѣленно. Онъ ясно даетъ понять, что йомэны были фермерами, когда говоритъ о профессіи этого класса лицъ. «Они, замѣчаетъ онъ, занимаются главнымъ образомъ арендованіемъ земли у дворянъ и пріобрѣтаютъ довольно большія состоянія, благодаря разведенію скота, посѣщенію рынковъ и употребленію служащихъ и рабочихъ». Гаррисонъ добавляетъ, что йомэны скупаютъ земли дворянъ. Если это вѣрно для йомэновъ XVI в., то нельзя еще сказать того же о йомэнахъ XV века, которые хотя и были въ состояніи проживать 100 ливровъ въ годъ, но въ то же время вовсе еще не слыли земельными собственниками. Сводя во-едино всѣ данныя, сообщаемыя намъ писателями объ этомъ классѣ лицъ, мы въ правѣ сказать, что йомэны не что иное, какъ зажиточные фермеры, занятые главнымъ образомъ разведеніемъ овецъ, торговлей шерстью и въ меньшей мѣрѣ земледѣліемъ.

Подводя итогъ соціальнымъ измѣненіямъ, явившимся результатомъ прослѣженной нами эволюціи, мы считаемъ себя въ правѣ настаивать на томъ, что эта эволюція была причиной разрыва вѣковой связи земледѣльца съ землею. Сдѣлавшись свободнымъ, крестьянинъ былъ принужденъ оставить надѣлъ своихъ предковъ и искать заработка въ промышленности. Его мѣсто было занято фермерами-производителями шерсти. Національное хозяйство подверглось радикальнымъ измѣненіямъ; земледѣліе отошло на второй планъ, предоставивъ первое мѣсто разведенію овецъ; самый видъ англійской деревни измѣнился: хижины, въ которыхъ прежде жили крестьяне, были снесены, и мѣсто, занимаемое ими, осталось или вовсе незастроеннымъ, или на немъ были воздвигнуты болѣе удобные и обширные дома фермеровъ.

Въ одной изъ мѣстныхъ хроникъ XV вѣка мы находимъ указаніе, что крестьяне были изгнаны изъ своихъ жилищъ,

хижины ихъ снесены, сами же они стали нищими и бродягами на большихъ дорогахъ. Взамѣнъ ихъ водворился новый классъ «tenentes graziatores», т. е. фермеровъ, которые довели овцеводство до размѣровъ, сильно сократившихъ площадь пахотныхъ полей.

Таково положеніе вещей, послужившее отправнымъ пунктомъ для развитія современной намъ Англіи. Вынужденная эмиграція крестьянъ изъ деревень въ города рано или поздно должна была дать численный перевѣсъ послѣднимъ надъ первыми. Мало-по-малу Англія стала страной, въ которой городское населеніе составляетъ болѣе чѣмъ три четверти числа жителей всей страны. Эта же эмиграція создала для городской промышленности ту армію рабочихъ, безъ которой въ эпоху, еще не знакомую съ современной техникой, мѣстная промышленность не могла бы достигнуть рѣшительнаго превосходства надъ промышленностью другихъ странъ. Кромѣ того, эмиграція изъ Англіи положила начало колоніямъ, распространившимъ ея владычество чуть-ли не на половину земного шара. Нѣтъ также сомнѣнія, что быстрый расцвѣтъ англійскаго земледѣлія во многомъ зависѣлъ отъ новой системы съемки земель, отъ фермерства, благодаря которому изъ земледѣлія былъ устраненъ классъ, придерживавшійся слишкомъ примитивныхъ способовъ веденія хозяйства, и мѣсто его было занято капиталистами, имѣвшими полную возможность поставить сельское хозяйство на должную высоту. На-ряду съ этими благопріятными измѣненіями мы должны отмѣтить много другихъ, гораздо менѣе утѣшительныхъ. Обезземеленіе большинства крестьянъ, безпримѣрный до того времени ростъ городского пролетаріата,—вотъ послѣднее звено въ той длинной цѣпи экономическихъ и соціальныхъ явленій, начало которымъ положено было личнымъ освобожденіемъ крестьянъ безъ земли, уничтоженіемъ общиннаго владѣнія, развитіемъ системы огораживаній и крупныхъ фермъ, драконовскимъ законодательствомъ противъ бродягъ и учрежденіемъ настоящихъ тюремъ для нищихъ, громко именуемыхъ «рабочими домами» (*workhouses*).

ЛЕКЦІЯ ВОСЬМАЯ.

Судьбы общины и цеха въ періодъ, слѣдующій за возникновеніемъ капиталистическаго хозяйства.

Чтобы закончить изложеніе экономической эволюціи, предшествовавшей установленію современнаго порядка, мнѣ остается только обозрѣть въ краткихъ чертахъ экономическую политику послѣднихъ трехъ столѣтій. Я остановлюсь въ особенности на судьбѣ, постигшей средневѣковые экономическіе институты послѣ наступленія порядковъ капиталистическаго производства съ его системой обмѣна, имѣющей въ виду міровой рынокъ.

Я укажу только вкратцѣ на вліяніе, какое имѣло созданіе большихъ національныхъ государствъ на новое направленіе торговой политики и на судьбы земледѣлія и промышленности.

Какъ только хозяйственные интересы народа отождествлены были съ интересами казны, главной заботой государствъ явилось накопленіе въ рукахъ правительства возможно бо́льшаго количества драгоцѣнныхъ металловъ. Примѣръ Испаніи, сосредоточившей въ своей казнѣ золото и серебро, добывавшіяся въ Новомъ Свѣтѣ, внушилъ европейскимъ правительствамъ мысль или отобрать у нея самый источникъ ея богатствъ, захвативъ ея колоніи (это и было цѣлью морскихъ войнъ, предпринятыхъ Кромвелемъ противъ Испаніи), или вырвать у нея значительную долю ея доходовъ, заставляя ее дорого

платить какъ за сырой матеріалъ, такъ и за полу-мануфактураты, которыми та или иная страна была особенно богата. Такъ, Англія воспротивилась вывозу шерсти, итальянскія государства — вывозу необработаннаго шелка... Тѣ же государства, далѣе, видѣли въ ввозныхъ пошлинахъ, иногда чисто запретительныхъ, иногда только покровительственныхъ, вѣрное средство къ поощренію своей собственной промышленности, а въ запрещеніи отпуска съѣстныхъ припасовъ или въ одномъ только обложеніи ихъ высокими вывозными пошлинами — возможность обезпечить крупные барыши предпринимателямъ національной промышленности, благодаря дешевой заработной платѣ и сокращенію такимъ образомъ издержекъ производства. Почти всѣ европейскія государства имѣли свой періодъ крайняго протекціонизма, но настоящей колыбелью послѣдняго была скорѣе Италія, чѣмъ Франція и Англія, ибо такія морскія республики, какъ Генуя и Венеція, раньше другихъ начали страдать отъ того новаго направленія, которое приняла міровая торговля со времени открытія Новаго Свѣта и благодаря расширенію мусульманскаго владычества на Балканскомъ полуостровѣ.

«Идея о правительственномъ поощреніи національной промышленности», — основательно замѣчаетъ г. Пёльманъ въ своемъ образцовомъ изслѣдованіи о комерческой политикѣ Флоренціи въ эпоху Возрожденія (стр. 73 и 74), — была усвоена итальянскими муниципіями гораздо раньше торжества меркантилизма. Такъ, въ 1419 г. Флоренція запретила подъ страхомъ смерти и конфискаціи фабрикацію золотой и серебряной парчи и шелковыхъ матерій внѣ ея собственныхъ стѣнъ. Исключеніе было сдѣлано только для жителей Лукки и Венеціи.

Почти одновременно Венеція вписала въ статуты своихъ фабрикантовъ бархата драконовскія мѣры противъ тѣхъ подмастерьевъ, которые вздумали бы открыть иностранцу пріемы, употреблявшіеся въ этой отрасли промышленности. Такая политика, имѣвшая цѣлью поощреніе національныхъ мануфактуръ

во вредъ иностраннымъ, имѣла то благое послѣдствіе, что открыла глаза на неудобство монополій, предоставленныхъ корпораціямъ. Монополіи эти являлись препятствіемъ къ свободному развитію индустріи, что въ особенности неблагопріятно отзывалось на деревняхъ, лишенныхъ промышленности въ силу одного того, что мастера жили только въ городахъ. Вотъ почему Флоренція въ первой половинѣ XV-го вѣка уже предоставила обитателямъ своего *contado*, т. е. всѣмъ лицамъ, жившимъ внѣ города, право заниматься тѣмъ или инымъ ремесломъ, не поступая въ члены цеховой корпораціи и не проходя періода обученія.

Гораздо раньше ея, Венеція, страшно опустошенная чумой, нашла необходимымъ пріостановить на извѣстное время дѣйствіе предписаній, запрещавшихъ иммиграцію иностранныхъ ремесленниковъ и промышленниковъ. Она допустила ихъ къ полученію правъ гражданства наравнѣ съ собственными подданными не безъ явной выгоды для себя, такъ какъ черезъ немного лѣтъ, а именно въ 1353 г., власти республики уже считали себя въ правѣ заявить, что прежнему обезлюденію и недостатку рабочихъ насталъ конецъ, что есть возможность поэтому возобновить постройку дворца Дожей и что городъ, размножившись, вернулся къ прежнему благоденствію.

Если обширныя монархіи, какъ Франція и Англія, не вступили сразу на тотъ же путь и сохранили еще втеченіе вѣковъ старинное цеховое устройство, то только подъ условіемъ радикальной перемѣны въ немъ. Свобода промышленности обезпечена была во Франціи, разумѣется, весьма несовершенно обычаемъ казны продавать право на званіе мастера и установленіемъ особыхъ привилегированныхъ кварталовъ, въ которыхъ, какъ напримѣръ въ Парижскомъ Луврѣ или Тамплѣ, можно было заниматься отправленіемъ промышленной дѣятельности, не проходя долгаго искуса ученичества и не представляя образцовой работы.

Въ Англіи сохраненіе цехового устройства не помѣшало королевской власти допустить фландрскихъ и брабантскихъ ткачей, а также французскихъ гугенотовъ, бѣжавшихъ отъ религіозныхъ преслѣдованій, къ свободному отправленію ихъ промышленности.

Въ мои намѣренія не входитъ изслѣдованіе различныхъ эволюцій протекціонизма и причинъ его перехода отъ того періода, въ который единственной цѣлью правительствъ было накопленіе возможно бо́льшаго «металлическаго фонда», къ періоду, когда, имѣя передъ собой примѣръ Испаніи, богатой золотомъ, но бѣдной промышленностью и потому вынужденной допустить отливъ своей звонкой монеты за границу, тѣ же правительства поставили себѣ цѣлью обезпеченіе «выгоднаго баланса» для національной торговли, поощряя вывозъ и заботясь о перевѣсѣ его надъ ввозомъ.

Монкретьенъ, одинъ изъ современниковъ Монтеня, является уже сторонникомъ этой теоріи, равно и Бодэнъ, а также большинство англійскихъ экономистовъ XVII вѣка. Эта вторая система, ошибочно названная кольбертизмомъ, была выработана и приложена на практикѣ гораздо раньше великаго министра Людовика XIV. Счастливыя войны Короля-Солнца въ первую половину его царствованія, создавая силой рынки для французскихъ мануфактуръ, должны были, казалось, обезпечить долгую жизнеспособность подобному пониманію покровительства. Но послѣдовавшія затѣмъ неудачи и потеря провинцій и рынковъ поставили Францію лицомъ къ лицу съ нищетой, вызванной главнымъ образомъ низкимъ состояніемъ ея земледѣлія и бѣдностью крестьянъ.

Послѣ неудачной попытки знаменитаго Ло прибѣгнуть къ кредиту для поправленія французскихъ финансовъ, пришлось убѣдиться, что скудость казны и недостатокъ довѣрія происходили оттого, что *«unè mamelle de l'état»* («одинъ изъ сосцовъ государства»), какъ назвалъ земледѣліе Сюлли, былъ принесенъ въ жертву другому. Кэнэ выступилъ съ проповѣдью теоріи чистаго дохода (produit net), который будто

бы можетъ доставить только земледѣліе, и съ ученіемъ о безплодности (stérilité) мануфактуръ и торговли. Онъ выбралъ своимъ девизомъ знаменитую формулу: *бѣдное земледѣліе—бѣдный крестьянинъ, бѣдный крестьянинъ—бѣдное королевство* и назвалъ свою систему физіократической, желая этимъ сказать, что она основана на естественныхъ законахъ. Къ нему же восходитъ ожесточенная война, начатая въ XVIII вѣкѣ противъ пережитковъ феодализма, системы открытыхъ полей, половничества, извѣстнаго во Франціи подъ именемъ champart, и даже мелкой собственности, которой онъ, по примѣру Англіи, предпочиталъ фермерство. Примѣняясь къ этой доктринѣ, авторъ «Друга людей» (Мирабо-отецъ) отказался отъ своего мнѣнія о преимуществѣ мелкой крестьянской собственности, что не помѣшало ему найти впослѣдствіи пропагандиста этой идеи въ лицѣ Клико-Блервашъ.

Но направленіе, данное физіократіею Кэнэ, нашло себѣ дополненіе и исправленіе въ доктринѣ свободнаго обмѣна знаменитаго Гурнэ и прямого ученика его, Тюрго. Взгляды того и другого составились подъ вліяніемъ англійской школы экономистовъ, въ частности Джозіа Чайльда и Тукера, которыхъ они перевели на французскій языкъ и которые вмѣстѣ съ Локкомъ и Юмомъ вели въ Англіи борьбу съ покровительственной системой и ея наиболѣе полнымъ проявленіемъ— кромвелевскимъ актомъ о мореплаваніи. Если сравнить взгляды Тюрго на собственность, на природу денегъ, на кредитъ и проценты съ тѣмъ, что находимъ мы по этимъ вопросамъ у Кульпепера, Дудлей Норса и Локка, то необходимо будетъ признать прямую филіацію между идеями англійскихъ экономистовъ и той дополнительной школой физіократовъ, которая происходитъ во Франціи отъ Гурнэ.

Этотъ писатель и особенно ученикъ его, Тюрго, пользовались гораздо большимъ успѣхомъ въ Англіи, чѣмъ Кенэ, котораго Адамъ Смитъ часто выбиралъ мишенью для своихъ нападокъ на физіократію. Ненависть къ монополіямъ и привилегіямъ, къ правительственной регламентаціи, къ вмѣша-

тельству въ область промышленности и торговли — все это и многое другое является общимъ достояніемъ англійскихъ и французскихъ экономистовъ прошлаго вѣка.

И если ремесленныя корпораціи были уничтожены, если съ Англіей былъ заключенъ торговый договоръ, то причина этому лежитъ въ томъ, что на обоихъ берегахъ Ламанша начали приходить къ соглашенію и исповѣдывать однѣ и тѣже теоріи.

Этимъ объясняется не мало явленій и въ частности ускоренное паденіе двухъ институтовъ, составлявшихъ, такъ сказать, устои средневѣковаго хозяйственнаго строя. Я разумѣю принципъ крестьянскаго совладѣнія съ помѣщикомъ и принципъ корпоративной организаціи труда и промышленности. Ни одинъ изъ этихъ остатковъ пережитой уже эпохи изолированнаго хозяйства не исчезъ сразу и каждый своимъ паденіемъ вызывалъ живыя соболѣзнованія современниковъ.

Регламентація заработной платы продолжала держаться въ Англіи при Елисаветѣ и при Кромвелѣ, и когда корпораціи мастеровъ были окончательно уничтожены во Франціи въ 1789 г., въ ихъ защиту поднимались не разъ голоса не только изъ среды хозяевъ-промышленниковъ, но и изъ глубокихъ массъ городского пролетаріата, котораго онѣ нѣкогда предохраняли отъ безработицы, послѣдствія перепроизводства. Городскіе работники имѣли тѣмъ болѣе основанія протестовать противъ новаго порядка, что слѣпая ненависть противъ корпорацій и корпоративнаго духа внушила людямъ 89 г., этимъ сознательнымъ и безсознательнымъ ученикамъ физіократіи, мысль уничтожить вмѣстѣ съ цехами ремеслъ и рабочія ассоціаціи. По той-же причинѣ подверглись преслѣдованіямъ стачки, и это враждебное отношеніе къ принципу ассоціаціи пустило такія глубокія корни, что самъ Адамъ Смитъ не могъ отъ него окончательно освободиться и въ рабочихъ синдикатахъ не видѣлъ ничего, кромѣ заговора противъ патроновъ, заговора организованнаго, выросшаго въ систему.

Экономическіе порядки, вызванные къ жизни проповѣдью реформаторовъ, были также мало благопріятны и для дальнѣйшаго удержанія начала коммунистическаго владѣнія землей.

Совладѣніе помѣщиковъ и крѣпостныхъ, вѣчно-наслѣдственная аренда, общинныя угодья, эти владѣнія бѣдныхъ, были принесены въ жертву жаждѣ округленія, обнаруженной третьимъ сословіемъ въ эпоху, когда пріобрѣтенные въ промышленности и торговлѣ капиталы могли найти себѣ болѣе надежное, если не болѣе прибыльное помѣщеніе въ сельскомъ хозяйствѣ.

Чтобы удовлетворить этому стремленію, среднее сословіе не только воспротивилось дальнѣйшему существованію майоратовъ и субституцій, искусственно державшихъ землю вдали отъ рынка, но наложило руку и на церковную собственность. Въ силу своей неотчуждаемости эта послѣдняя являлась препятствіемъ къ расширенію недвижимаго владѣнія буржуазіи; поэтому, чтобы сдѣлать церковныя земли доступными для средняго сословія селъ и городовъ, потребовалась продажа ихъ съ публичныхъ торговъ. Молодое дворянство, созданное Тюдорами изъ выходцевъ буржуазіи, нашло въ пріобрѣтеніи прежнихъ церковныхъ имѣній матеріальный фундаментъ для своего политическаго преобладанія. Если во Франціи крестьянству и удавалось иногда участвовать въ пріобрѣтеніи секуляризованной церковной собственности, то только тѣмъ изъ его среды, которые, благодаря своей зажиточности, входили въ составъ третьяго сословія селъ.

Не съ такою быстротою совершился процессъ разложенія общиннаго землевладѣнія. Его судьба за послѣднія три столѣтія заслуживаетъ полнаго нашего вниманія, такъ какъ на этотъ счетъ держались и держатся еще самыя странныя представленія. Я остановлюсь подробнѣе на этомъ вопросѣ и познакомлю васъ возможно полно съ моимъ пониманіемъ причинъ и хода исчезновенія мірскихъ угодій.

Когда въ XVIII в. физіократы стали призывать общество къ

разрыву съ средневѣковымъ хозяйственнымъ строемъ, они видѣли въ этомъ не торжество экономическихъ интересовъ буржуазіи, а побѣду разума надъ рутиной. Кэнэ и его многочисленные ученики и послѣдователи, какъ и англійскіе статистики и агрономы (Юнгъ, Синклеръ, Маршалъ), требовали упраздненія неразделъности въ интересахъ агрономіи, указывая на возрастаніе чистой прибыли съ земель, поступающихъ въ силу принципа свободной конкуренціи къ лицамъ, наиболѣе способнымъ извлекать изъ нихъ хозяйственныя выгоды. Естественный законъ является для французскихъ и англійскихъ экономистовъ прошлаго вѣка ближайшимъ источникомъ собственности. Они утверждали, что инстинктъ собственника—лучшая гарантія хозяйственной эксплоатаціи земли, что слѣдовательно государство должно признать за собственникомъ самую полную свободу владѣть, пользоваться и распоряжаться своимъ имуществомъ. Формула «laissez faire, laissez passer», пущенная въ ходъ Гурнэ, подхвачена новѣйшими экономистами, какъ великое наслѣдіе XVIII вѣка.

Но соотвѣтствуетъ ли во всѣхъ отношеніяхъ истинѣ подобная система воззрѣній? Доказано ли, что принципъ совладѣнія препятствуетъ введенію сколько-нибудь интенсивной культуры, что при немъ немыслимъ никакой прогрессъ въ области земледѣлія?

Практика послѣднихъ лѣтъ въ Россіи позволяетъ намъ сомнѣваться въ этомъ. Она доказываетъ съ очевидностью, что увеличеніе производительности земли съ помощью болѣе интенсивной культуры возможно и при коллективномъ владѣніи. Въ послѣднія двадцать лѣтъ рядомъ съ ростомъ населенія мы видимъ унаваживаніе полей и введеніе искусственныхъ луговъ не только въ хозяйствахъ частныхъ собственниковъ, но и въ сельскихъ общинахъ, придерживающихся системы періодическихъ передѣловъ. Г. Гурвичъ одинъ изъ первыхъ указалъ на существованіе этого факта въ Тверской губ., гдѣ земля бѣдна и урожаи незначительны. Аналогичныя явленія имѣютъ мѣсто въ окрестностяхъ Москвы и даже въ сѣвер-

ныхъ губерніяхъ, вообще вездѣ, гдѣ неизвѣстенъ черноземъ и гдѣ климатъ не позволяетъ культивировать пшеницу. Берега Сухоны, какъ говоритъ г. Тернеръ, являются настоящей колыбелью травосѣянія, расширяющагося по мѣрѣ того, какъ пути сообщенія все больше позволяютъ перевозить сѣно въ крупные центры, въ Петербургъ и въ Москву.

Прогрессъ этотъ настолько же дѣло рукъ крестьянъ-общинниковъ, насколько и частныхъ собственниковъ. Послѣдствіемъ его явилось добровольное прекращеніе трехгодичнаго сѣвооборота; четвертое поле постоянно отводится подъ клеверъ или люцерну и обсѣменяется членами міра. Таково положеніе дѣлъ въ значительномъ числѣ деревень Ярославской и Тверской губерній. Если въ другихъ губерніяхъ искусственные луга не привели еще къ прекращенію трехгодичнаго сѣвооборота, то потому, что луга эти отводились изъ пустошей, служившихъ для прогона скота. Въ Тверской губ. 30% общинъ Кашинскаго уѣзда ввели уже у себя искусственное травосѣяніе.

Я отвлекаюсь отъ своего предмета, входя въ подробности, которымъ не должно бы быть мѣста въ общемъ изслѣдованіи. Но фактъ этотъ имѣетъ большую важность, и я не могу обойтись безъ него въ критикѣ ходячихъ теорій о причинахъ разложенія коллективной собственности. Я спѣшу заключить, что причинъ этихъ нужно искать внѣ сферы чисто экономическихъ отношеній. Въ пользу подобнаго вывода говоритъ еще то, что аграрный коммунизмъ не исключаетъ возможности пользованія землею втеченіе числа лѣтъ болѣе, чѣмъ достаточнаго, чтобы принести капиталу, затраченному на земледѣльческія предпріятія, весь возможный отъ послѣднихъ доходъ. Было бы ошибкой думать, что передѣлы производятся регулярно каждые три года. Такой промежутокъ времени былъ бы достаточенъ въ крайнемъ случаѣ для того, чтобы окупить первыя затраты вездѣ, гдѣ трехлѣтній сѣвооборотъ является общимъ правиломъ и гдѣ земля требуетъ только издержекъ на вспашку и на сборъ жатвы. Но почти повсюду распредѣленіе земли производится че-

резъ промежутки гораздо болѣе значительные. Такъ, по новѣйшимъ статистическимъ даннымъ, передѣлы въ Петербургской губерніи производятся каждыя 15—25 лѣтъ; въ Смоленской каждыя 10—16 лѣтъ; въ Казанской каждыя 12—20 лѣтъ; въ Тамбовской губ. каждыя 9—12 лѣтъ. Новѣйшій законъ предписываетъ производить передѣлы на сроки не менѣе 12 лѣтъ.

Нельзя не согласиться, что подобный срокъ вполнѣ достаточенъ, чтобы позволить земледѣльцу извлечь всѣ выгоды, которыя могутъ быть принесены удобреніемъ, посѣвомъ клевера, тимофеевки, центифолія и люцерны. Къ тому же каждый разъ, когда являются необходимыми дополнительныя затраты, тотъ, кто дѣлаетъ ихъ, обыкновенно напередъ увѣренъ, что вернетъ ихъ съ прибылью, такъ какъ община при новомъ передѣлѣ дастъ ему извѣстное вознагражденіе. Такъ напр., тотъ, кто, во избѣжаніе наводненій, строитъ плотину или роетъ ровъ, получаетъ дополнительную часть при коренномъ передѣлѣ.

Если сравнить, по отношенію къ обезпеченности, владѣнія крестьянъ - общинниковъ и фермеровъ, мы придемъ къ тому заключенію, что разницы между ними нѣтъ, или что она очень незначительна. Не представляется ли она болѣе серьезной въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о вознагражденіи общиннаго крестьянина или соотвѣтственно фермера за сдѣланныя ими затраты? На этотъ вопросъ приходится отвѣтить отрицательно тѣмъ болѣе, что вознагражденіе арендатора практикуется сколько - нибудь регулярно только тамъ, гдѣ (какъ напр. въ Ульстерѣ въ Ирландіи) обычай охраняетъ интересы фермера.

Тѣмъ же, которые полагаютъ, что аграрный коммунизмъ исчезаетъ въ силу своихъ естественныхъ недостатковъ, я считаю полезнымъ напомнить, что на протяженіи вѣковъ, втеченіе которыхъ совершалось разложеніе его, способы обработки земли оставались почти тѣ же, такъ что труды римскихъ *Scriptores de re rustica* могли быть переведены

и поступить въ обращеніе въ XV и XVI столѣтіяхъ. И много времени спустя, а именно въ послѣдней четверти прошлаго вѣка, когда Артуръ Юнгъ разъѣзжалъ по Франціи во всѣхъ направленіяхъ съ цѣлью ознакомиться съ ея сельско-хозяйственнымъ строемъ, трехгодичный сѣвооборотъ оставался общимъ правиломъ.

Тоже самое можно сказать и относительно Англіи, гдѣ, какъ на это указалъ Роджерсъ, земледѣліе находилось въ состояніи застоя цѣлыхъ шесть вѣковъ, отъ XII по XVIII столѣтіе.

Можно ли въ такомъ случаѣ полагать, что уничтоженіе коллективной собственности было результатомъ свободнаго рѣшенія людей, имѣвшихъ на нее право, и что къ такому рѣшенію они пришли, уразумѣвъ, что безъ окончательнаго раздѣла земель никакой экономическій прогрессъ не является возможнымъ?

Мнѣ хорошо извѣстно, что теорія эта проповѣдовалась экономистами прошлаго вѣка, что земледѣльческія общества пропагандировали ее въ безчисленныхъ статьяхъ и трактатахъ на всѣхъ европейскихъ языкахъ, что физіократы и энциклопедисты, точно такъ же, какъ Синклеръ и Маршаллъ въ Англіи, Женовези, Законъ, Филанджіери и Васко въ Италіи, были ея апостолами. Но если имъ нетрудно было направить правительственную дѣятельность въ сторону мѣръ, неблагопріятныхъ сохраненію общиннаго владѣнія, то отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы движеніе было естественно и отвѣчало реальнымъ нуждамъ тѣхъ, по отношенію къ которымъ принимались эти мѣры. Не даромъ же въ Англіи столѣтіями раньше высказывались діаметрально противуположные взгляды. Моръ, Стэбсъ, Гариссонъ, Стаффордъ и другіе современники Генриха VIII и Елизаветы стремились остановить разложеніе коллективной собственности, предсказывая близкое разореніе англійскаго крестьянина и неизбѣжное появленіе сельскаго пролетаріата.

Но если гибель аграрнаго коммунизма не была послѣдствіемъ причинъ чисто экономическихъ, то объясненіе ея нужно искать въ явленіяхъ соціальнаго и политическаго порядка.

Гибель эту надо приписать торжеству буржуазіи, какъ сельской, такъ и городской. Стремленіе къ разложенію средневѣковыхъ порядковъ совладѣнія сказывается и внутри общины, и внѣ ея. Внутри общины проявленіемъ его служитъ повседневная вражда со стороны тѣхъ, кого русскій крестьянинъ именуетъ кличкой міроѣдовъ, богатѣющихъ благодаря ростовщичеству и торговлѣ скотомъ; недѣлимость является для нихъ легальной помѣхой къ накопленію и къ округленію. Кулакъ стремится къ окончательному раздѣлу потому, что послѣдній является для него единственнымъ средствомъ избавиться отъ тѣхъ препятствій, которыя духъ равенства и создаваемые имъ распорядки ставятъ эксплоатаціи общинныхъ пастбищъ въ широкихъ размѣрахъ. Какъ можетъ заниматься онъ разведеніемъ домашняго скота, если общинные распорядки, допуская на мірскія пастбища только тотъ скотъ, который перезимовалъ внутри общины, устраняютъ отъ пользованія этими пастбищами скотъ, купленный имъ на сторонѣ? Какъ можетъ онъ, съ другой стороны, заводить сколько-нибудь значительныя и выходящія за предѣлы личныхъ потребностей земледѣльческія предпріятія, если система періодическихъ передѣловъ принуждаетъ его удовольствоваться нѣсколькими кусками земли, разбросанными по различнымъ конамъ деревни и перемѣшанными съ дѣлянками сосѣдей? Правда, ничто не мѣшаетъ ему воспользоваться по отношенію къ послѣднимъ тѣмъ вліяніемъ, какое даетъ ему капиталъ и возможность употреблять его въ формѣ кредита, въ формѣ раздачи денегъ въ заемъ за высокіе проценты; мірской крестьянинъ часто нуждается въ мелкихъ ссудахъ для уплаты податей и удовлетворенія другихъ насущнѣйшихъ потребностей. Нерѣдко случается, что фактическое пользованіе землей переходитъ, благодаря такимъ ссудамъ, въ руки зажиточныхъ поселянъ, обезпечивающихъ себѣ выплату ссуды взятіемъ въ аренду дѣлянокъ должниковъ. Само собою разумѣется, что новый передѣлъ можетъ нарушить подобный порядокъ вещей,—почему богатый крестьянинъ и является врагомъ передѣловъ. На сельскихъ сходахъ, обсуждаю-

щихъ вопросъ о своевременности ихъ, кулаки и ихъ многочисленные кліенты составляютъ изъ года въ годъ все болѣе и болѣе значительное меньшинство сторонниковъ индивидуальной собственности. Мѣстныя власти, часто находящіяся подъ прямымъ вліяніемъ этихъ предтечъ средняго сословія, охотно соглашаются отсрочить еще на нѣсколько лѣтъ дорого стоющій и тяжелый трудъ передѣла. Общія разверстки паевъ производятся все рѣже и рѣже и въ концѣ концовъ исчезли бы совсѣмъ, несмотря на жалобы наиболѣе бѣднаго класса крестьянъ, которому они обезпечиваютъ возвращеніе ихъ дѣлянокъ, еслибы этому исчезновенію не противились предписанія закона.

Все это примѣнимо въ особенности къ черноземнымъ губерніямъ, занимающимъ добрую часть центральной и южной Россіи, т. е. тамъ, гдѣ, благодаря плодородію почвы, крестьянинъ извлекаетъ изъ своего надѣла больше того, что платитъ казнѣ въ видѣ прямого налога. Иначе обстоитъ дѣло въ Великороссіи, гдѣ преобладаютъ глинистыя и песчаныя земли и гдѣ дохода отъ крестьянскихъ земель недостаетъ для уплаты податей; здѣсь отъ передѣла скорѣе ждутъ скидки излишка обязательствъ, нежели уравненія правъ пользованія.

Въ этихъ обстоятельствахъ надо искать причину того, что Малороссія, которая не позже половины XVIII вѣка еще придерживалась періодическихъ передѣловъ, перешла въ наше время въ значительной степени къ индивидуальному владѣнію, тогда какъ Великороссія остается вѣрной обычаю предковъ. Новѣйшія статистическія изысканія показали, что Великороссія продолжаетъ быть страною мірского владѣнія, тогда какъ въ Малороссіи болѣе десяти милліоновъ десятинъ находится уже въ рукахъ крестьянъ-собственниковъ. Но въ общинномъ пользованіи все еще остается восемнадцать съ половиной милліоновъ десятинъ, подвергающихся періодическимъ передѣламъ.

Сѣверная Индія (сѣверо-западныя провинціи и Пенджабъ) также является ареной частыхъ препирательствъ по вопросу

о сохраненіи передѣловъ. Англійскіе финансовые агенты говорятъ, что большинство, въ цѣляхъ уравненія владѣній, требуетъ новой разверстки, тогда какъ зажиточное меньшинство, завладѣвшее *per fas et nefas* (правдами и неправдами) дѣлянками своихъ сосѣдей, относится къ передѣламъ враждебно. Эти споры получили особое названіе: *kum o beshee*, что одно уже показываетъ ихъ распространенность. Вотъ что говоритъ о передѣлахъ г. Розъ, сборщикъ податей въ Банда. Въ первое время послѣ ихъ производства и соотвѣтственнаго распредѣленія земельнаго налога между владѣльцами надѣловъ, все идетъ, какъ нельзя лучше. Но вскорѣ какой-нибудь изъ членовъ общины начинаетъ расширять свое хозяйство, пользуясь обширными землями, оставленными подъ паромъ и находящимися въ пользованіи всѣхъ сельчанъ. Другой, по тому или другому побужденію, прекращаетъ обработку своего надѣла... Равенство исчезаетъ, и начинаетъ проявляться недовольство. Оно растетъ съ каждымъ годомъ до того момента, когда хуже надѣленные землею составятъ большинство, благопріятное новой разверсткѣ какъ земли, такъ и налога. Ихъ домогательства наталкиваются сначала на формальный отказъ, но дѣло кончается обыкновенно соглашеніемъ и взаимными уступками. Само собой разумѣется, послѣднія не всегда приводятъ къ новому передѣлу. Очень часто каждый остается при ранѣе полученномъ надѣлѣ, частная собственность становится общимъ правиломъ, а исправленіе ограничивается одной урѣзкой или прирѣзкой (нашей свалкой и навалкой).

Есть еще одно обстоятельство, заставляющее зажиточнаго крестьянина желать раздѣла. Внутри деревни состоянія добываются главнымъ образомъ путемъ присоединенія къ земледѣлію какого-либо другого промысла: разведенія скота, мелкой торговли, мелкой индустріи. Всѣ эти виды занятій имѣютъ то общее между собой, что требуютъ отъ занимающагося ими перемѣщенія. Но ничто такъ сильно не препятствуетъ бродячей жизни, какъ общинное владѣніе землею, сопрово-

ждаемое обязательнымъ сѣвооборотомъ, регламентаціей земледѣльческаго труда обычаемъ и сельскими властями. Каждый обязанъ убирать свое поле или косить свой лугъ въ заранѣе опредѣленные сроки, сборъ урожая долженъ быть оконченъ къ извѣстному времени. Какъ можно было бы иначе обезпечить поступленіе всѣхъ земель одновременно подъ общинный выпасъ? Приходится слѣдовательно сдѣлать выборъ: или изъять свой надѣлъ изъ общаго фонда при помощи окончательнаго раздѣла, или отказаться отъ труда на фабрикѣ и заводѣ.

Желаніе раздѣла можетъ появиться и въ силу невозможности примирить интересы владѣльцевъ крупнаго скота съ интересами бѣдныхъ семей, владѣющихъ однѣми козами. Поразительный примѣръ этому представляетъ междоусобная война, происходившая въ Швицѣ въ серединѣ этого столѣтія. Вся страна разбилась на два лагеря *Hörner* и *Clauen*. Названія очень характерныя. Кто не узнаетъ въ однихъ собственниковъ мелкаго, а въ другихъ крупнаго скота? Результатомъ борьбы было уничтоженіе общности владѣнія. Соглашеніе было немыслимо, такъ какъ козы портятъ пастбища и не могутъ слѣдовательно быть терпимы владѣльцами крупнаго скота.

Я говорю, само собою разумѣется, только о тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ земля употребляется для посѣва хлѣбовъ и для разведенія скота. Виноградники требуютъ чисто личныхъ заботъ, въ силу чего мы и не встрѣчаемъ ихъ въ коллективномъ владѣніи. То же самое можетъ быть сказано и о фруктовыхъ садахъ. Извѣстны тѣ старинные обычаи (особенно въ Германіи), которые предоставляютъ пользованіе дающими плоды деревьями не владѣльцу земли, а тому, кто ихъ посадилъ. Обычной формой исчезновенія швейцарскихъ альмендъ былъ раздѣлъ извѣстной части общихъ земель на небольшія равныя доли, называвшіяся *Gärten* и служившія для разведенія виноградниковъ и фруктовыхъ деревьевъ. Эти доли рѣдко возвращаются въ общую собственность, оставаясь въ рукахъ тѣхъ, кому онѣ были даны въ надѣлъ.

Я не буду останавливаться на тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, когда полный или частичный раздѣлъ общинныхъ земель являлся слѣдствіемъ позднѣйшей колонизаціи, подобной, напримѣръ, переселенію французскихъ гугенотовъ въ XVII вѣкѣ въ кантонъ Ваадтъ. Такъ какъ крестьяне не желаютъ предоставлять этимъ пришельцамъ выгодъ, которыя они извлекаютъ изъ своихъ альмендъ, то приходится нерѣдко произвести окончательный ихъ раздѣлъ. Иногда впрочемъ владѣльцы альменды устраиваютъ ассоціацію на началахъ совладѣнія, нѣчто вродѣ закрытой общины внутри самаго деревенскаго общества. Отсюда происходятъ *Patrizial-Güter* и *Bürger-Gemeinden*, какъ нѣчто противоположное политической общинѣ, въ составъ которой входятъ одинаково и поселенцы. Примѣры подобнаго рода встрѣчаются и въ Италіи, гдѣ существованіе такъ называемыхъ *partecipanze* вызвано тѣми же причинами.

Итакъ, внутри самой общины создается партія, благопріятная раздѣлу и окончательному исчезновенію коммунистическаго владѣнія. Подъ различными именами, здѣсь подъ именемъ міроѣда, тамъ подъ именемъ *grazier* (скотовода и овцевода на широкую ногу), тамъ еще подъ именемъ Gross-Bauer'а, появляется сельское третье сословіе.

Но далеко не оно одно толкаетъ общину къ раздѣлу. Вся буржуазія, купеческая и промышленная, очень живо заинтересована въ устраненіи препятствій, мѣшающихъ ей пробраться въ ряды земельныхъ собственниковъ. Среди этихъ препятствій, рядомъ съ неотчуждаемостью церковныхъ имуществъ, рядомъ съ майоратами и заповѣдностью дворянской недвижимой собственности, нужно поставить систему наслѣдственной аренды прежнихъ крѣпостныхъ. Открытыя поля, передѣлы, общіе луга, общіе выгоны, однимъ словомъ, всѣ признаки древней сельской общины, сохраненной феодальнымъ помѣстьемъ, хотя и ограниченной въ своей сферѣ дѣйствія, осуждаются на исчезновеніе, какъ препятствія къ свободному распоряженію землей, къ расширенію аренды въ пользу

третьяго сословія селъ и къ созданію новыхъ буржуазныхъ латифундій.

Буржуазія нападаетъ прежде всего на неотчуждаемость церковной собственности. Владѣнія монастырскихъ корпорацій являются первыми жертвами ея корысти. Эти владѣнія, неотчуждаемыя въ силу каноническихъ запретовъ, расширяясь изо дня въ день, захватили добрую часть земель во Франціи, въ Англіи, въ Италіи, не говоря уже объ Испаніи и Фландріи. Въ этомъ отношеніи духовенство не уступало свѣтскимъ помѣщикамъ. Дарственные, завѣщательные акты, въ особенности расчистка были настоящими источниками церковныхъ и монастырскихъ богатствъ. Правда, для того, чтобы сообразоваться съ каноническими предписаніями, церковныя владѣнія должны были въ то же время составлять достояніе бѣдныхъ и часть ихъ доходовъ, увы, все болѣе и болѣе уменьшавшаяся, предназначалась на милостыню и на содержаніе школъ (средневѣковые мѣстные соборы отчисляли цѣлую треть доходовъ церкви на благотворительность). Не имѣя возможности продавать свои земли, духовенство обходило предписанія законовъ, вводя наслѣдственную аренду. Нигдѣ эмфитевзисъ не былъ такъ распространенъ, какъ на земляхъ духовенства. Этотъ родъ владѣнія, съ его неизмѣнной рентой былъ очень выгоденъ для крестьянъ. Народныя поговорки вродѣ: *il fait bon vivre sous le crosse* (хорошо жить подъ посохомъ), какъ нельзя лучше выражаютъ то довольство, которое нѣкогда существовало въ деревняхъ, благодаря относительной скромности требованій духовныхъ помѣщиковъ. Все это нисколько не ослабило ненависти буржуазіи къ неотчуждаемой церковной собственности. Секуляризація монастырскихъ владѣній и ихъ публичная продажа произошли въ Англіи при Генрихѣ VIII. Ненависть къ корпоративному принципу въ его примѣненіи къ собственности зашла такъ далеко, что Эдуардъ VI отнялъ у гильдій и у братствъ, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ, бывшія въ ихъ владѣніи недвижимости. Добрая часть земель въ Англіи сдѣлалась, благодаря этимъ мѣрамъ, продажной и перешла путемъ покупокъ и го-

сударственныхъ пожалованій въ руки крупной буржуазіи, получившей дворянство отъ Тюдоровъ, желавшихъ пополнить такимъ образомъ ряды пэровъ, опустѣвшіе, благодаря гражданскимъ войнамъ двухъ Розъ (при восшествіи на престолъ Генриха VII только 28 семей имѣли право засѣдать въ палатѣ лордовъ).

Во Франціи секуляризація духовныхъ владѣній и ихъ публичная продажа были произведены въ эпоху революціи. Вначалѣ предлагавшіе эту конфискацію, какъ напримѣръ Тюрго, искренно надѣялись на возможность расширить такимъ путемъ районъ мелкой крестьянской собственности; бывшія церковныя земли они предназначали также для школъ и для общественныхъ работъ съ цѣлью обезпеченія за бѣдными того права на трудъ, которое Тюрго одинъ изъ первыхъ призналъ правомъ прирожденнымъ. Но во Франціи, какъ и въ Англіи, распродажей національныхъ владѣній (церковныхъ и монастырскихъ) воспользовалась въ особенности буржуазія. Да и могло ли быть иначе въ эпоху, когда крестьяне, только-что освобожденные отъ крѣпостной зависимости, не располагали еще капиталами, необходимыми для покупокъ?

Нѣкоторые современные историки, и между прочимъ г. Лучицкій, въ статьѣ, напечатанной въ *Историческомъ Обозрѣніи* (Revue Historique) Моно, пытается отрицать тотъ фактъ, что крестьянинъ въ массѣ не участвовалъ въ раздѣлѣ духовныхъ владѣній. Но статистическія данныя, приводимыя этимъ историкомъ, доказываютъ въ концѣ концовъ лишь то, что до революціи создался классъ богатыхъ крестьянъ, ядромъ котораго были земельные съемщики. Этотъ классъ и принялъ участіе въ покупкѣ національныхъ имуществъ. Онъ былъ особенно многочисленъ въ сѣверныхъ провинціяхъ, гдѣ, какъ въ Артуа, аллодъ—независимая мелкая собственность—смогла удержаться, несмотря на ростъ феодализма. Скупщики были въ концѣ концовъ представителями третьяго сословія селъ. По сосѣдству съ такими крупными центрами, какъ Парижъ, одержала верхъ, напротивъ того, крупная буржуазія, въ руки которой

перешла значительная часть владѣній духовенства. Фактъ этотъ былъ установленъ на основаніи статистическихъ изысканій, произведенныхъ г. Минцессомъ въ департаментскомъ архивѣ Версаля.

Рядомъ съ церковными владѣніями маіораты, субституціи, весь феодальный строй, вставалъ передъ буржуа-капиталистами, какъ препятствіе къ округленію владѣній. Онъ былъ стертъ съ лица земли. Феодализмъ въ значительной части своей исчезъ въ Англіи въ царствованіе Карла II, во Франціи — послѣ ночи 4 августа 1789 года. Этимъ воспользовалась крупная буржуазія, чтобы утвердить свое экономическое и политическое преобладаніе скупкой обширныхъ помѣстій, брошенныхъ эмигрировавшимъ дворянствомъ и продававшихся по низкимъ цѣнамъ правительствомъ, вынужденнымъ жестокой необходимостью преслѣдовать единственно фискальныя цѣли и отказаться отъ первоначальнаго намѣренія — содѣйствовать своими продажами росту мелкой собственности.

Тѣми же буржуазными побужденіями объясняется враждебность, съ которой конвентъ отнесся къ общинной собственности. Въ этомъ отношеніи онъ слѣдовалъ идеямъ физіократовъ. Кэнэ и Тюрго открыли кампанію противъ корпоративнаго принципа, примѣненнаго къ землевладѣнію. Они первые потребовали устраненія всякаго посредничества между частнымъ лицомъ и государствомъ. Законъ 1793 года, предписывая раздѣлъ общинныхъ имуществъ, обезпечилъ только торжество индивидуализма.

Аналогичныя причины — дѣйствительныя преимущества, какія представляетъ для собственника срочное фермерство по сравненію съ наслѣдственной арендой и желаніе найти выгодное помѣщеніе своимъ капиталамъ въ покупкѣ земель — создали въ Италіи въ концѣ XVIII вѣка идейное движеніе, подобное тому, выразителями котораго были физіократы во Франціи. Итальянскіе экономисты высказали такую же враждебность къ церковнымъ владѣніямъ, къ феодальнымъ порядкамъ земельной собственности и къ смягченному коммунизму помѣстной системы.

Они проповѣдывали раздѣлъ общинныхъ земель, расширеніе огораживаній и возставали противъ дальнѣйшаго установленія наслѣдственной аренды. Ихъ мысли не разъ вдохновляли законодателя. Секуляризація церковныхъ имуществъ въ Италіи началась до французской революціи, и законодатель 1793 г., предписавшій раздѣлъ общинныхъ земель, нашелъ не только послѣдователей, но и предшественниковъ въ Ломбардіи, въ Тоскапѣ и въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій.

Я не буду говорить вамъ объ Англіи. Я достаточно сказалъ о ней въ предыдущихъ лекціяхъ. Довольно того, если я замѣчу, что система огораживаній, освященная практикой XV и XVI вѣковъ, въ XVII и XVIII столѣтіяхъ получила дальнѣйшее расширеніе.

Сельско-хозяйственныя общества, статистики, экономисты. вродѣ Артура Юнга, Синклера и Маршалла, одинаково высказываются въ пользу полной замѣны деревенскихъ средневѣковыхъ порядковъ современнымъ экономическимъ режимомъ раздѣльнаго владѣнія и срочной аренды, регулируемой не обычаемъ, а отношеніемъ спроса и предложенія. Они превозносятъ чисто экономическія преимущества этого порядка, закрывая глаза на тѣ отталкивающія его стороны, какія представляютъ прогрессивное лишеніе крестьянства земли и ростъ сельскаго пролетаріата.

Но эти именно стороны особенно привлекаютъ къ себѣ вниманіе предшественниковъ современнаго соціализма. Въ судьбѣ, постигшей большинство жителей Англіи, благодаря системѣ огораживаній, Томасъ Моръ, авторъ «Утопіи», находитъ оправданіе восхваляемаго имъ коммунизма. Въ народной нищетѣ Неаполя и въ помѣщичьихъ латифундіяхъ Калабріи Кампанелла видитъ осужденіе современнаго экономическаго строя. Крупная собственность, какъ феодальная, такъ и буржуазная, вызываетъ у Руссо и Мабли крикъ ярости и негодованія. Она внушаетъ аббату Фоше идею аграрнаго закона, подобнаго закону Лицинія, а Бриссо—знаменитую, подхвачен-

ную впослѣдствіи Прудономъ формулу: собственность—это воровство.

Далекіе отъ безсознательнаго подражанія древнимъ и въ частности Платону, коммунисты XVIII вѣка нашли глубокіе корни для своего ученія въ критикѣ новаго экономическаго строя, созданнаго торжествомъ буржуазіи и паденіемъ соціальной экономіи среднихъ вѣковъ. Машинизмъ и крупная промышленность были еще въ зачаточномъ фазисѣ развитія. Порядки земельной собственности, въ которой капитализмъ успѣлъ уже водвориться, приковываютъ къ себѣ поэтому почти исключительно вниманіе реформаторовъ. Среди нихъ рѣдко встрѣчаются люди, которые, какъ Линге, выходятъ изъ тѣснаго круга заботъ объ аграрномъ законѣ, т. е. о распространеніи на низшій классъ населенія благодѣяній частной недвижимой собственности или первобытнаго коммунизма. Присоедините къ аграрному вопросу еще агитацію въ пользу признанія права на трудъ, агитацію, вызванную примѣромъ англійскаго законодательства о бѣдныхъ и ведущую свое начало отъ Монтескьё и Тюрго, и вы получите всѣ тѣ элементы, изъ которыхъ сложился соціальный радикализмъ дѣятелей французской революціи.

ПРИЛОЖЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Историческій переходъ отъ общинной собственности къ индивидуальной.

I.

Каковы тѣ причины, которыя привели сельскую земельную общину къ разложенію?

Вопросъ этотъ гораздо болѣе сложенъ, чѣмъ можно подумать на первый взглядъ. Дѣло въ томъ, что коллективная собственность представляетъ большое разнообразіе формъ, которыя, будучи далеки отъ взаимоисключенія, очень часто вытекаютъ одна изъ другой. Задача заключается въ томъ, чтобы распознать эти формы, установить между ними отношенія преемства и взаимной зависимости, объяснить различныя причины, приведшія къ ихъ упадку, и прослѣдить черезъ цѣпь вѣковъ это медленное и прогрессивное движеніе человѣческаго общества къ характеризующему наше время индивидуализму. Понимаемая такимъ образомъ, проблема является сложной и трудной. Къ ней приходится подходить съ различныхъ сторонъ. Недостаточно, въ самомъ дѣлѣ, объявить, подобно экономистамъ, что, признавъ преимущества индивидуальнаго владѣнія, человѣчество самопроизвольно перешло къ раздѣлу земель, или принять то совершенно безосновательное положеніе законовѣдовъ, по которому собственность, органическій продуктъ труда, существуетъ искони вѣковъ. Кратковременная аппропріація земельныхъ продуктовъ далеко не является синонимомъ собственности: фактическое пользованіе не есть право, и мнимая психологическая необходимость, которая, по словамъ юристовъ, «толкаетъ человѣка присвоивать себѣ право хозяина и собственника предъ лицомъ природы» (Лермина), есть одно изъ утвержденій, не могущихъ быть принятыми ни этнографіей, ни исторіей. Необходимо слѣдовательно приступить къ анализу фактовъ, собранныхъ путемъ точнаго наблюденія надъ тѣми обществами, которыя придерживались или придерживаются и доселѣ системы

недѣлимости земли между болѣе или менѣе ограниченнымъ числомъ членовъ одной и той же семьи, рода, деревни или одной и той же территоріальной агломераціи, состоитъ ли послѣдняя изъ одной, или изъ десятковъ селеній. Тѣ, кто въ исторіи сельской общины стремятся обособить отъ рода или нераздѣльной семьи коммунистическую деревню, обнаруживаютъ способность къ установленію различій, легко объяснимыхъ для какого-нибудь современнаго юриста, но совершенно неизвѣстныхъ болѣе или менѣе примитивнымъ народамъ. Какую, въ самомъ дѣлѣ, разницу можно указать между нераздѣльной семьей, члены которой живутъ въ различныхъ очагахъ, владѣя почвой сообща и совмѣстно, и сельской общиной, также составленной изъ различныхъ очаговъ? Ничто не отличаетъ ихъ другъ отъ друга, помимо кровнаго родства, предполагаемаго единства происхожденія, какимъ связаны очаги распавшейся, нѣкогда нераздѣльной семьи. Но предположеніе такого родства фактически совершенно необосновано; ибо первыя человѣческія сообщества были не чѣмъ инымъ, какъ бандами, организованными какими-нибудь удачливыми разбойниками. Экзогамныя или эндогамныя, эти банды совершенно игнорировали брачныя узы и родство по отцу въ томъ видѣ, въ какомъ появляются они въ позднѣйшую эпоху. Власть начальника, а послѣ его смерти культъ его были единственнымъ прочнымъ основаніемъ для этихъ сообществъ, совершенно искусственныхъ вначалѣ и разсматриваемыхъ лишь позднѣйшими поколѣніями, какъ нѣчто созданное на базисѣ кровнаго единства. Прибавьте къ этимъ фактамъ постоянную практику искусственнаго родства, начиная съ усыновленія отдѣльныхъ индивидовъ или цѣлыхъ семей, съ побратимства между лицами, выкормленными одной и той же кормилицей, и кончая болѣе или менѣе добровольной уступкой другъ другу собственныхъ членовъ враждующими кланами, желающими положить этимъ конецъ взаимной мести,—и вы будете вынуждены признать, что даже въ послѣдующую эпоху единство крови далеко не является дѣйствительной связью какъ для нераздѣльной семьи, такъ и для болѣе обширныхъ, но создавшихся такимъ же путемъ агломерацій, носящихъ имя рода, или въ смыслѣ римскаго *gens'a*, греческаго *genos'a* и германскаго *slacht* (*geschlecht*).

На мой взглядъ, слѣдовательно, существенной разницы между семейной общиной и коммунистической деревней не существуетъ. Въ составъ куммунистической деревни вошли тѣ самые элементы, изъ которыхъ образовались различные родственные очаги, населившіе одну и ту же мѣстность. Этимъ объясняется очень многое и прежде всего то, что названія селъ, если они не обозначаютъ собой лѣса, среди

котораго осѣлись колонисты, актъ поднятія ими нови (assartum. bifang), близость горы или воды (источника, рѣки, озера и т. д.), являются названіями родовыми. Этотъ фактъ констатируется какъ для Германіи и особенно для Гессена въ трудахъ Арнольда, такъ и для Франціи въ сочиненіи д'Арбуа де Жюбэнвилля. Въ Россіи и вообще въ славянскихъ земляхъ еще и въ наши дни встрѣчается немало поселковъ, носящихъ названіе, кончащееся на «ичи», что указываетъ обыкновенно на происхожденіе ихъ отъ болѣе или менѣе отдаленнаго и фантастическаго предка, послужившаго впервые объектомъ культа и искусственной связью для разнородныхъ элементовъ, слившихся въ концѣ концовъ въ одинъ стволъ. Синонимія семейной общины и деревенской имѣетъ еще другое значеніе. Тѣ, которые стремятся доказать исконное существованіе частной недвижимой собственности, не пошли дальше указанія на фактъ аппропріаціи земли членами одной и той же нераздѣльной семьи.

На основаніи вышеизложеннаго необходимо принять, что этотъ фактъ нисколько не противорѣчитъ тому положенію, что коммунистическая система предшествовала индивидуальному владѣнію. Изслѣдователи, вродѣ покойнаго Даргуна, могутъ быть тысячу разъ правы, утверждая, что родственныя группы были первыми собственниками. Отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы этимъ устранялась гипотеза, по которой недѣлимость владѣнія предшествовала характеризующему наше время состоянію раздѣльности; совершенно напротивъ, мы можемъ считать отнынѣ данныя этнографіи въ числѣ тѣхъ, которыя подтверждаютъ теорію Маурера и Мэна о коллективномъ характерѣ первичной собственности. Они подтверждаютъ въ частности то ихъ положеніе, по которому поселенцы, занимающіе дѣвственныя или покинутыя ихъ прежними обитателями земли, являются обыкновенно людьми, если и не связанными единствомъ крови, то разсматривающими себя таковыми.

И то же самое вытекаетъ какъ изъ извѣстныхъ текстовъ Цезаря и Тацита о *consanguinitates hominum qui una coierunt* и о *propinquitates*, какъ о настоящихъ владѣльцахъ почвы, такъ и изъ вызвавшаго столько споровъ термина *верв*ъ, обозначавшаго еще въ XV вѣкѣ въ статутахъ южныхъ славянъ семейную общину или задругу и употребляемаго «Правдой» Ярослава, какъ синонимъ села и его территоріи.

Другой, не менѣе запутанный вопросъ, возникающій въ самомъ началѣ обсужденія причинъ разложенія коллективнаго владѣнія, есть вопросъ о формѣ, вѣрнѣе, о формахъ этого владѣнія. Формы эти многочисленны и разнообразны не только въ силу различій, существующихъ между разными народами и разными общественными

средами, но и по причинѣ прохожденія однимъ и тѣмъ же обществомъ послѣдовательныхъ ступеней развитія.

Не мало было споровъ о томъ, не является ли тотъ или иной видъ владѣнія землей исключительной принадлежностью той или иной расы. Баденъ Пауэль, извѣстный администраторъ, которому англійское правительство недавно поручило составить описаніе различныхъ видовъ владѣнія, существующихъ въ Остъ-Индіи, придерживается того мнѣнія, что деревенская община въ этихъ странахъ имѣетъ лишь очень отдаленное сходство съ германской маркой и что послѣдняя столько же является особенностью нѣмцевъ, сколько міръ—особенностью русскихъ, задруга или семейная община—особенностью южныхъ славянъ. Таково же, кажется, мнѣніе экономиста Эшли, который считаетъ себя въ правѣ утверждать, что деревенская община, въ противность столь извѣстному мнѣнію Мэна, существовала въ Индіи только среди народовъ, заселявшихъ эту страну до пришествія арійцевъ.

Другіе, и во главѣ ихъ де-Лавэле, пытались свести всѣ формы общинной собственности къ единому источнику, отождествляя самые отсталые виды ея съ русскимъ міромъ, съ періодическими передѣлами. Прочіе виды аграрнаго коллективизма представляютъ собой, по ихъ мнѣнію, лишь различныя ступени разложенія этой примитивной общины. Разложеніе это будто-бы начинается раздѣломъ въ собственность пахотныхъ земель между большими семьями сожительствующихъ родственниковъ (откуда и происхожденіе сербской задруги). Швейцарская альменда, германская марка и альменингъ скандинавскихъ народовъ являются якобы результатомъ позднѣйшаго раздѣла, сохраняющаго коллективное владѣніе лишь въ видѣ общаго пользованія пастбищами и лѣсами со стороны членовъ одной или многихъ деревень.

Объясненіе кажется правдоподобнымъ, но оно грѣшитъ въ самомъ основаніи. Ничто не доказываетъ намъ, чтобы міръ съ періодическими передѣлами былъ самымъ отдаленнымъ типомъ коллективной собственности. Я укажу вамъ поводы къ моимъ сомнѣніямъ, и вы увидите, что они основаны на фактахъ. И прежде всего я позволю себѣ замѣтить, что историки русскаго права не могли найти никакихъ слѣдовъ періодическихъ передѣловъ до введенія крѣпостного права, т. е. до конца XVI и начала XVII вѣка (отъ Бориса Годунова до династіи Романовыхъ). Очень многіе, особенно г. Чичеринъ, вывели отсюда заключеніе, что коллективное владѣніе землей было введено вмѣстѣ съ крѣпостнымъ состояніемъ, что настоящими творцами его были помѣщики. Увлеченные преимуществами коллективной отвѣтственности общинниковъ за исправ-

ное выполненіе барщинныхъ работъ и оброковъ, они нашли удобнымъ уравнивать надѣлы своихъ крестьянъ періодическими передѣлами. Эта гипотеза, потому что это въ сущности не болѣе, какъ гипотеза, ошибочна въ томъ отношеніи, что отождествляетъ преимущества круговой поруки съ преимуществами періодическихъ передѣловъ. Франція стараго порядка, какъ и Римская имперія, почти совсѣмъ не были сторонниками коллективнаго владѣнія, что не помѣшало имъ однако ввести у себя круговую поруку въ платежѣ налоговъ. Наши историки права покинули мало по малу теорію г. Чичерина, которая въ настоящее время имѣетъ приверженцевъ только за-границей, особенно во Франціи, гдѣ работы г. Анатоля Леруа-Болiё и извѣстное изслѣдованіе Фюстель де-Куланжа — въ *Revue des Questions Historiques*,—о происхожденіи аграрной общины, сдѣлали ее популярной.

Этнографія и земская статистика указали намъ на существованіе еще и въ настоящее время весьма архаической формы общиннаго владѣнія, не имѣющаго ничего общаго съ системой міра и періодическихъ передѣловъ. Это открытіе натолкнуло насъ на новую гипотезу о происхожденіи коллективной земельной собственности въ Россіи. Гипотеза эта могла-бы дать объясненіе подобнымъ же фактамъ и на протяженіи всего міра, почему я и позволю себѣ изложить ее съ нѣкоторыми подробностями.

Мѣстныя изслѣдованія показываютъ, что въ сѣверныхъ губерніяхъ (Архангельской, Олонецкой) не только нѣтъ никакихъ признаковъ періодическихъ передѣловъ, но каждой семьѣ разрѣшается даже захватывать столько земли, сколько она находитъ нужнымъ, не выходя за предѣлы общины и не сталкиваясь съ подобными же притязаніями со стороны уроженцевъ другихъ сосѣднихъ общинъ. Населеніе этихъ губерній, какъ извѣстно, очень разбросано; нераздѣльныя семьи сохранились въ значительномъ числѣ; лѣса и болота занимаютъ большія пространства. При такихъ условіяхъ очень удобно, конечно, предоставлять отдѣльнымъ семьямъ столько земли, сколько онѣ находятъ нужнымъ; завладѣвать этой землей они принуждены посредствомъ огня и топора, т. е. тѣми-же средствами, какія были въ употребленіи у германцевъ во времена первыхъ поднятій нови. По одной русской поговоркѣ, предѣлы поля могутъ быть обозначены не только сохой, но и топоромъ. Смыслъ этой поговорки можетъ быть понятъ при изученіи тѣхъ пріемовъ, которыми на сѣверѣ крестьяне опредѣляютъ границы земельныхъ владѣній отдѣльныхъ семей. Если рѣчь идетъ о лѣсѣ, который нужно срубить или выжечь, чтобы засѣять его площадь рожью или овсомъ, ячменемъ или гречихой, вокругъ намѣченнаго мѣста дѣлаютъ про-

сѣку; иногда-же ограничиваются насѣчками на деревьяхъ, составляющихъ границу участка. Но далеко не такъ поступаютъ при раздѣлѣ луга или поля. Въ этомъ случаѣ всѣ хозяева выходятъ въ опредѣленный день и часъ съ косами и съ плугами. Каждый коситъ или пашетъ вокругъ облюбованнаго имъ для себя или для своихъ ближнихъ участка. И никто другой уже не имѣетъ права собирать на этой землѣ сѣна втеченіе года или обсѣменять ее. Коса и соха устанавливаютъ границу, но не окончательно и не навсегда; она сохраняетъ свое значеніе на протяженіи всего нѣсколькихъ лѣтъ, такъ какъ, разъ жатва перестаетъ быть достаточно обильной, хозяинъ переходитъ на новыя мѣста. Тоже самое дѣлалось или дѣлается въ донскихъ и черноморскихъ степяхъ и на большомъ протяженіи въ Сибири. Втеченіе XVII и XVIII в.в. тѣ же порядки могли быть констатированы и въ несравненно болѣе широкомъ раіонѣ.—«Огнища» сѣверныхъ грамотъ XVII и XVIII в.в. и соотвѣтствующія имъ «печища» древнѣйшихъ писцовыхъ книгъ кажутся намъ дѣйствительнымъ источникомъ происхожденія цѣлыхъ селеній. Послѣдовательные раздѣлы ихъ приводятъ къ установленію нѣсколькихъ очаговъ, которые дѣлятъ между собой землю на участки различной величины, сообразно потребностямъ семей. Земля служитъ объектомъ двороваго владѣнія втеченіе извѣстнаго числа лѣтъ, послѣ чего она забрасывается или поступаетъ подъ обработку и во владѣніе новаго двора.

Нѣтъ ничего болѣе ложнаго, какъ примѣненіе къ подобнымъ порядкамъ терминовъ, установленныхъ римскимъ правомъ. Здѣсь нѣтъ ни *occupatio*—примитивнаго римскаго способа установленія владѣнія на землю, ни *dominium*—вѣчнаго владѣнія. Мы имѣемъ здѣсь дѣло лишь съ временнымъ пользованіемъ, органиченнымъ, если не потребностью каждаго присвоителя или заимщика, то потребностью отдѣльныхъ семейныхъ группъ, совокупность которыхъ составляетъ одну и ту же коммунистическую деревню.

И только вслѣдствіе чувствительнаго прироста населенія, въ силу-ли естественныхъ, или такихъ искусственныхъ причинъ, какъ напр. пріемъ новыхъ поселенцевъ, подобныя деревни переходятъ къ раздѣлу земель на равныя части. Однѣ сразу устанавливаютъ постоянныя межи, другія—что является общимъ правиломъ—довольствуются временной изгородью, которая сбрасывается при новомъ передѣлѣ; необходимость послѣдняго начинаетъ чувствоваться впрочемъ лишь тогда, когда выдѣленіе новыхъ очаговъ, по причинѣ внутреннихъ разногласій, дѣлаетъ неравенство долей слишкомъ очевиднымъ. Періодичность передѣловъ не есть такимъ образомъ нѣчто первоначальное: она возникаетъ только со временемъ и требуетъ цѣлыхъ вѣковъ, чтобы укорениться; болѣе или менѣе частое повто-

реніе этихъ передѣловъ зависитъ частью отъ существованія двухпольнаго или трехпольнаго хозяйства, частью отъ обычая производить переписи на разстояніи болѣе или менѣе значительныхъ промежутковъ времени, напримѣръ 19 лѣтъ, какъ это было въ Россіи въ первой половинѣ текущаго столѣтія.

Тотъ же ростъ населенія вынуждаетъ сельскую общину, до установленія всякихъ періодическихъ передѣловъ, положить конецъ кочевому земледѣлію, перенесенію культуры съ однихъ пространствъ на другія. Такимъ образомъ исчезли порядки, характеризуемые Тацитомъ словами: «*arva per annos mutant et super—est ager*».

Въ старинныхъ славянскихъ текстахъ находимъ мало данныхъ относительно древнѣйшихъ формахъ землевладѣнія. Латинскія грамоты Галиціи говорятъ о славянскихъ порядкахъ лишь для противоположенія ихъ германскимъ. Славяне, утверждаютъ онѣ, занимаютъ землю *sparsim modo rhutenico*, нѣмцы—*in una linea secundum jus theutonicum*, т. е. земли нѣмецкихъ семей лежатъ надѣлами въ общихъ поляхъ, тогда какъ у славянъ-рутеновъ онѣ разбросаны по всей площади селенія. Далеко не являясь особенностью славянъ, этотъ способъ аппропріаціи земли отдѣльными семьями и на ограниченное время существовалъ у предковъ современныхъ нѣмцевъ, у германцевъ эпохи Цезаря и Тацита.

Чтò представляетъ собой, дѣйствительно, эта оккупація «*agri pro numero cultorum et in vices*», о которой говорится въ *Germania*, особенно если сблизить этотъ текстъ съ другимъ, не менѣе извѣстнымъ, текстомъ Цезаря: «*sed privati ac separati agri apud eos nihil est*»? Эти два показанія не противорѣчатъ, но взаимно дополняютъ другъ друга. Мы приходимъ такимъ образомъ къ тому заключенію, что, не зная индивидуальной собственности и періодическихъ передѣловъ, германцы практиковали временную аппропріацію земли родственными группами, живущими въ одномъ и томъ же очагѣ—*consanguinitates hominum qui una coierunt*—чтò дѣлало ихъ коммунистическій строй и ихъ способъ обработки по существу сходными съ тѣми, которые господствовали у нашихъ предковъ-славянъ.

Перейдемъ теперь къ Индіи и постараемся воспользоваться тѣми немногими свидѣтельствами объ ея старинномъ аграрномъ строѣ, какія мы находимъ въ ея древнѣйшихъ сводахъ.

Очень часто цитировалось то, чтò говоритъ Ману объ аппропріаціи земли первымъ земледѣльцемъ. Здѣсь думали найти явныя доказательства существованія индивидуальной собственности въ эпоху составленія этого кодекса. Но эти тексты говорятъ намъ только то, чтò мы знаемъ уже о славянахъ и германцахъ, т. е. что раз-

ѣлы извѣстны не были, а каждая семейная община владѣла своей аимкой, подвергая ее обработкѣ. Ману не говоритъ, что земля станоилась собственностью. Въ немъ рѣчь идетъ только о владѣніи, конецъ оторарo опредѣляется неизбѣжнымъ истощеніемъ почвы, заставляюцимъ распахавшихъ ее колоновъ покинуть ее и перейти на другое гѣсто. Въ томъ же смыслѣ высказываются болѣе близкіе къ намъ по ремени кодексы, вродѣ Нарады, по которому трудъ считается источникомъ богатства (но не собственности). Земледѣліе, имѣющее цѣлью аживаніе богатства, ставится рядомъ съ ростовщичествомъ. Было-бы юэтому совершенно ошибочно полагать, что трудъ является въ Индіи стиннымъ фундаментомъ собственности. И въ Индіи, какъ и вобще на Востокѣ, тотъ, который *оживляетъ землю* въ потѣ ица, употребляя любимое выраженіе Корана, пріобрѣтаетъ законное право на пользованіе ею. Но разъ обработка прервана и емля оставлена впустѣ, мусульманскіе легисты разрѣшаютъ новому владѣльцу, по истеченіи трехъ или пяти лѣтъ, пользоваться землей ı ея продуктами послѣ новаго предварительнаго поднятія нови.

Съ дѣйствительнымъ характеромъ аграрной общины въ Индіи насъ знакомятъ англійскіе чиновники, занятые составленіемъ кадастра и сборомъ земельнаго налога. Ихъ отчеты были собраны и опубликованы Туперомъ и Баденъ Пауэлемъ. Изъ чтенія ихъ мы узнаемъ слѣдующее. Система періодическихъ передѣловъ совершенно не является господствующей чертой индусской деревни. Она встрѣчается въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, которыя раньше придерживались иныхъ порядковъ, именно коммунистическаго владѣнія землей родами (gots) одного и того же племени, или нераздѣльными семьями (patti или taraf), образовавшимися вслѣдствіе предпринятыхъ родомъ раздѣловъ. Терминъ *got* значитъ то-же, что и латинскій *gens* или греческій *genos*. *Patti*—это нераздѣльная семья или домъ, огнище, занятое лицами, исповѣдующими культъ одного и того же очага и общихъ предковъ (sapindas называютъ ихъ кодексы браминовъ). Доли каждой нераздѣльной семьи, далеко не будучи одинаковыхъ размѣровъ, зависятъ въ величинѣ своей отъ степени родства съ миѳическимъ предкомъ, на которую претендуетъ глава семьи. Въ силу широкаго распространенія усыновленія, практикующагося или вѣрнѣе практиковавшагося очень часто по отношенію къ цѣлымъ группамъ индивидовъ, происхожденіе того или иного лица отъ общаго предка является, разумѣется, чисто химерическимъ.

Г. Баденъ Пауэль, резюмируя многочисленные факты, собранные въ различныхъ провинціяхъ Индіи, характеризуетъ слѣдующимъ образомъ процессъ, ведущій къ образованію этихъ коммунистиче-

скихъ деревень, составленныхъ изъ родственниковъ и наслѣдниковъ. Нераздѣльная семья, пишетъ онъ, является вначалѣ единымъ цѣлымъ и владѣетъ сообща всей земельною площадью. Впослѣдствіи она распадается. Между членами ея возникаютъ раздоры. Каждый настаиваетъ на томъ, чтобы жить отдѣльно и работать только для себя и для своихъ. И тогда приступаютъ къ раздѣлу земли на неравныя части, сообразно степени родства каждаго съ общимъ предкомъ. Часть площади остается внѣ дѣлежа, обыкновенно лѣса, пастбища и пустоши. Чтобы удостовѣриться въ томъ, что эта практика имѣетъ аналогичныя черты съ земельными порядками древнихъ германцевъ и русскихъ славянъ, достаточно вспомнить то выраженіе, которое упортебляетъ Тацитъ, разсказывая, какъ новые поселенцы распредѣляютъ между собой пользованіе землей, лежавшей до того времени впустѣ: *agri quos mox inter se secundum dignationem partiuntur*. Слово *dignatio*,—какъ указалъ Баумштаркъ, и многіе другіе до него,—употребляется Тацитомъ, когда рѣчь идетъ о лицахъ, а не о вещахъ. Въ эпоху, когда неравенство между людьми создавалось не степенью богатства, а степенью родства, *dignatio* могло обозначать собою только мѣсто, занимаемое каждымъ въ генеалогическомъ древѣ.

Подобные же раздѣлы совершались въ XVII и XVIII столѣтіяхъ среди новгородскихъ выходцевъ, заселившихъ берега Бѣлаго моря. Супруги Ефименко, очень тщательно изучившіе обычное право и юридическую исторію нашего сѣвера, утверждаютъ, на основаніи многочисленныхъ и точныхъ текстовъ, что всякій разъ, когда принципъ недѣлимости переставалъ дѣйствовать внутри нераздѣльной семьи, каждое отдѣльное хозяйство получало свою долю. Доли эти были неравной величины, сынъ получалъ большую часть, чѣмъ внукъ. Земля тѣмъ не менѣе оставалась общей собственностью семьи, сохранявшей право производить новые передѣлы и исправлять старые, разъ прибавлялось новое хозяйство, еще не существовавшее при послѣднемъ передѣлѣ. Одно лишь пользованіе становилось съ этого момента индивидуальнымъ.

Ни въ Индіи, ни въ Россіи нельзя говорить о земельныхъ разверсткахъ, какъ о регулируемыхъ исключительно законами наслѣдованіи. Терминъ: «Баіахара» [1]), обозначающій этотъ родъ дѣлежей, говоритъ Баденъ Пауэль, прилагался и къ системѣ владѣнія, не имѣющей ничего общаго съ родовой. Разъ не хватало рукъ для обработки, новые поселенцы могли занимать болѣе или менѣе значительные

[1]) Выраженіе *Баіахара* составлено изъ *Ахара*—обычай и *Баи*—братство, группа, состоящая изъ братьевъ и родственниковъ.

участки, сообразно числу сохъ, которымъ располагала каждая семья, или обыкновенно сообразно желанію и потребностямъ заимщиковъ. Это то же, что́ наше «захватное землевладѣніе», долго державшееся, какъ мы видѣли выше, на сѣверѣ, и на югѣ, въ частности среди донскихъ и терскихъ казаковъ, а также на всемъ протяженіи Сибири.

Такимъ образомъ, сельская община въ Индіи, далеко не будучи чѣмъ-либо исключительнымъ, представляетъ собой тѣ же примитивныя формы землевладѣнія, какія мы наблюдаемъ еще теперь въ нашихъ сѣверныхъ губерніяхъ и которыя много вѣковъ назадъ были свойственны древней Германіи. Посмотримъ же, каковы были причины, приведшія къ установленію періодическихъ передѣловъ въ Россіи и имѣлъ ли мѣсто подобный же переворотъ въ Индіи.

II.

Періодическіе передѣлы распространены гораздо болѣе, чѣмъ это принято думать. Ихъ слѣды встрѣчаются въ Скандинавіи и въ Англіи не дальше, какъ въ XV вѣкѣ. Въ послѣдней они были извѣстны подъ именемъ *runrig* или круговой разверстки. Примѣры періодическихъ передѣловъ встрѣчаются также среди афганцевъ, индусовъ и среди обитателей острова Ява. Разсматривать ихъ, какъ особенность русскаго міра, слѣдовательно не приходится.

Эта форма аграрнаго коммунизма появилась сравнительно недавно въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи и Индіи, и именно здѣсь-то и нужно изучать причины, ее породившія.

На обширной территоріи, занимаемой донскими казаками, 78 станицъ составляли въ 1875 г. единую земельную общину. Входящіе въ составъ этой территоріи луга и поля оставались недѣлимыми въ такой же мѣрѣ, какъ и пастбища, и каждое дворовое хозяйство могло ежегодно пользоваться большимъ или меньшимъ пространствомъ земли по своему выбору. Это право оставалось за нимъ, пока оно не прекращало обработки. Будучи оставлена впустѣ, земля переходила — по истеченіи трехъ или четырехъ лѣтъ—въ руки того, кто заявлялъ желаніе пользоваться ею. Только недавно (лѣтъ тридцать тому назадъ), благодаря уменьшенію земельной площади, совершился переходъ къ системѣ передѣловъ. Передѣлы эти были двухъ видовъ: прежде всего земли дѣлилась на столько неравныхъ частей, сколько было деревень. Основаніемъ для раздѣловъ служило число хозяйствъ, внесенныхъ въ перепись. Затѣмъ, уже въ каждой деревнѣ особо приступали къ разверстки земли между общинниками, старательно выдѣляя отдѣльнымъ семьямъ по равной долѣ, состоящей изъ луга и пахотнаго поля; каждая семья пользовалась своей частью впредь до новаго

передѣла, наступавшаго черезъ извѣстные промежутки времени; здѣсь въ три года, тамъ въ четыре, семь, десять, двѣнадцать или семнадцать лѣтъ. Забота о равенствѣ побуждала къ нарѣзкѣ каждой семьѣ равныхъ полосъ въ отдѣльныхъ поляхъ общины, различавшихся между собою плодородностью и бо́льшими или меньшими преимуществами положенія. Раздѣлъ луговъ совершался не во всѣхъ общинахъ. Во многихъ они оставлялись недѣлимыми, сѣнокосъ производился сообща, дѣлились только продукты его. Разъ жатва окончена, поля и луга поступали въ общее пользованіе, продолжающееся до слѣдующей весны.

Рядомъ съ этими фактами мы можемъ поставить свидѣтельство англійскихъ чиновниковъ о раздѣлахъ земли на равныя части, какъ въ Пенджабѣ, такъ и въ сѣверо-западныхъ провинціяхъ Индіи.

Вотъ что̀ происходитъ прежде всего, когда передѣлу, или *vech*, подвергается вся занимаемая племенемъ территорія. У Кундисъ только мужчины имѣли право на полученіе надѣла изъ земель племени. Передѣлъ повторялся черезъ извѣстные промежутки, въ заранѣе назначенные сроки. У Гундапуровъ, раздѣленныхъ на шесть родовъ, земля, находившаяся нѣкогда въ общемъ владѣніи, передѣлялась лишь въ предѣлахъ рода, причемъ дѣлежъ распространялся на однѣ обрабатываемыя поля, всѣ же остальныя земли составляли одно цѣлое. Но съ 1813 г. вопросъ о передѣлахъ уже не подымается; каждая семья сохраняетъ то, что̀ досталось ей при послѣднемъ раздѣлѣ.

Въ дистриктѣ Газъ-Ханъ въ Сангарѣ передѣлы, или *vesh*, совершаются каждые двадцать-четыре года. Обычай этотъ поддерживается главнымъ образомъ тѣмъ, что земля тамъ далеко не одинаково плодородна; нѣкоторыя поля регулярно заливаются горными потоками, другія совершенно лишены всякой ирригаціи. Терминъ *vesh* часто замѣняется другимъ, *vandhara*, также обозначающимъ періодическіе передѣлы; обычай же переводить однихъ и тѣхъ же лицъ съ менѣе плодородныхъ земель на болѣе плодородныя держится бокъ о бокъ съ обычаемъ надѣлять ихъ участками различной плодородности.

Періодическіе передѣлы между членами одной и той же деревни производятся также и въ сѣверо-западныхъ провинціяхъ. Надѣлы каждаго хозяйства составляются здѣсь изъ равныхъ паевъ въ поляхъ различной плодородности. Если земли расположены по берегамъ рѣки, напримѣръ, каждой семьѣ даются участки затопляемаго и незатопляемаго поля. Всякій разъ, когда „ирригаціонныя земли“ имѣются въ небольшомъ количествѣ, прибѣгаютъ къ системѣ кру-

гового пользованія, позволяющей всѣмъ воспользоваться преимуществами наиболѣе плодородныхъ земель.

Причины, приведшія къ установленію періодическихъ передѣловъ, по мнѣнію одного изъ мѣстныхъ администраторовъ, г. Розъ, слѣдующія. При нераздѣльности «никто не является собственникомъ, каждый владѣетъ только тѣмъ участкомъ, который обрабатываетъ и лишь пока его обрабатываетъ. Если обработка прекращается, земля возвращается къ общинѣ и можетъ снова поступить въ пользованіе къ одному изъ членовъ ея. Послѣдствіемъ является возникающее въ концѣ концовъ неравенство въ содержимости надѣловъ. И неравенство это становится источникомъ частыхъ споровъ, носящихъ даже особое названіе — Kum o boshee; образуются обыкновенно двѣ партіи—одна, стоящая за существующій порядокъ, другая, болѣе многочисленная, за равномѣрный передѣлъ; въ концѣ концовъ предпринимается новое распредѣленіе земли».

Развѣ цитированныя нами слова не могутъ быть примѣнены одинаково и къ характеристикѣ той внутренней борьбы, которая толкаетъ земельныя общины въ Россіи къ введенію періодическихъ передѣловъ?

Оставляя Индію, мы встрѣчаемъ аналогичные порядки и въ Афганистанѣ, у арійскихъ и туранскихъ племенъ, описанныхъ Эльфинстономъ.

Земля находится въ общемъ владѣніи у нѣсколькихъ семей одного и того же улуса,—территоріальнаго округа, соотвѣтствующаго по размѣрамъ своимъ скорѣе германской маркѣ или волости, чѣмъ современной сельской общинѣ. Черезъ опредѣленные промежутки, здѣсь черезъ каждые три, тамъ черезъ каждые пять лѣтъ, производится общій раздѣлъ. Такъ какъ земля не вездѣ одинаково плодородна, то нѣкоторые улусы дѣлятъ свою землю на двѣ равныя части. Вопросъ о томъ, въ какой именно части каждый долженъ получить надѣлъ, рѣшается жребіемъ. Тѣ, которые пользовались участками менѣе плодородными, получаютъ въ слѣдующій разъ надѣлъ болѣе плодородный, и обратно.

Удовольствуемся приведенными примѣрами и сдѣлаемъ вытекающіе изъ нихъ выводы.

Признаемъ прежде всего слѣдующее: 1-е, установить причинную связь между той или иной формой аграрнаго коммунизма и вліяніемъ климата и расы — совершенно невозможно; 2-е, напротивъ, между формами аграрнаго коммунизма и между плотностью населенія существуетъ тѣсная связь; 3-е, ослабленіемъ узъ, соединяющихъ людей одного происхожденія или, вѣрнѣе, одного и

того-же прародительскаго культа, объясняется въ равной мѣрѣ большая или меньшая степень разложенія системы совладѣнія у различныхъ народовъ земного шара.

Въ одномъ мѣстѣ все племя продолжаетъ владѣть землей сообща; въ другомъ оно распредѣляетъ ее между своими дворами или нераздѣльными семьями, сообразно степени ихъ реальнаго или фиктивнаго родства съ общимъ предкомъ.

Эти различія, совершенно не поддающіяся антропологическому или географическому объясненію, позволяютъ намъ установить слѣдующую іерархію видовъ коллективной собственности и владѣнія.

Во главѣ мы поставимъ тѣ виды, которые даютъ наиболѣе мѣста коллективизму.

1) Племя, занимающее нѣсколько деревень и владѣющее землей сообща.

2) Племя, различные роды котораго дѣлятъ между собой землю: каждый родъ владѣетъ своей частью совмѣстно.

3) Между семьями одного и того же рода производится раздѣлъ на неравныя части, сообразно степени родства или только сообразно количеству земли, которое можетъ быть обработано каждой семьей.

4) Деревни, составленныя изъ членовъ одного или нѣсколькихъ родовъ, производятъ періодическіе передѣлы между различными семьями, входящими въ ихъ составъ. Надѣлы представляютъ собой одинаковую стоимость, если не одинаковое протяженіе, и могутъ нарѣзываться изъ земель различнаго плодородія. Система кругового пользованія позволяетъ предоставлять каждой семьѣ въ свою очередь наиболѣе плодородные участки.

На этомъ не останавливается еще разложеніе коллективной собственности; непрерывно прогрессируя, это разложеніе кладетъ начало наиболѣе распространенной по всему европейскому Западу системѣ общиннаго владѣнія, при которой

5) Пахотная земля передѣламъ не подлежитъ, и въ общемъ владѣніи остаются земли подъ паромъ, пастбища и лѣса, какъ и все то, что носитъ названіе невоздѣланныхъ земель или пустошей.

Свободный прогонъ скота, или право пользованія пахотными землями и лугами послѣ жатвы и сѣнокоса, является пережиткомъ болѣе или менѣе отдаленной эпохи, когда вся общинная земля не имѣла другого собственника, кромѣ самой общины. То же самое можно сказать о правѣ предпочтительной покупки, осуществляемомъ членами общины по отношенію другъ къ другу при продажѣ состоящихъ въ ихъ владѣніи участковъ, или о тѣхъ правахъ наслѣдства, которыя обычай признавалъ въ извѣстныхъ мѣстностяхъ

за всей общиной въ случаѣ вымиранія той или другой изъ составляющихъ ее семей.

Эта пятая категорія сельскихъ общинъ одна наполняетъ собою всю исторію аграрнаго коммунизма на западѣ или по меньшей мѣрѣ въ тѣхъ земляхъ, которыя нѣкогда входили въ составъ Римской имперіи. Коллективизмъ не могъ утвердиться здѣсь въ своей чистотѣ, потому что варвары при своемъ вторженіи въ предѣлы *orbis romanus* нашли земли занятыми итало,-испано,-гельвето-и кельто-романскими семьями. Принужденные уступить своимъ незваннымъ гостямъ (hospites) часть своихъ владѣній,—тамъ треть пашни и луговъ, здѣсь половину—прежніе владѣльцы этимъ самымъ подчинили пришельцевъ своему способу владѣнія. Племена германцевъ, которыхъ Цезарь и Тацитъ рисуютъ сторонниками коллективнаго владѣнія, могли сохранить эти порядки только на тѣхъ земляхъ, которыя нѣкогда принадлежали римскому фиску или были заброшены ихъ собственниками, что и сдѣлало возможнымъ сплошное заселеніе ихъ германскими пришельцами. Отсюда и происходятъ встрѣчающіеся въ древнихъ испанскихъ и итальянскихъ актахъ термины *terra gotica* и *terra langobardorum*, а также англійскій «*folkcland*», или земля, владѣніе которой регулируется не писаннымъ закономъ, болѣе или менѣе отражающимъ на себѣ римскія и каноническія вліянія, но обычаемъ. На правомъ берегу Рейна и дальше въ Германіи, вездѣ, гдѣ римскіе легіоны имѣли только временный успѣхъ, аграрная община могла установиться независимо отъ всякаго посторонняго вліянія. И именно здѣсь, а не въ Галліи и Италіи, появляются въ средніе вѣка тѣ обширныя «марки», поразительнымъ примѣромъ которыхъ является кантонъ Швицъ. Въ силу тѣхъ же причинъ коллективное владѣніе имѣло большее распространеніе и болѣе долгое существованіе въ Англіи, гдѣ римское вліяніе, особенно на сѣверѣ, всегда было крайне поверхностнымъ и только временнымъ. И именно въ этихъ то странахъ нужно изучать по преимуществу то самопроизвольное движеніе, которое приводитъ къ разложенію коллективной собственности.

Было-бы ошибкой предполагать, что всѣ общества должны были непремѣнно пройти черезъ всѣ фазы долгой эволюціи, приводящей къ разложенію коллективной собственности. Не мало обществъ перешло непосредственно отъ той или иной формы коллективизма къ раздѣлу. Здѣсь «прародительскіе участки» неравной величины достались наслѣдникамъ и стали въ ихъ рукахъ если не индивидуальной, то по меньшей мѣрѣ семейной собственностью; тамъ, выдѣливъ каждой родственной группѣ потребное для нея количество земли, разъ навсегда сохраняютъ нормы перваго раз-

дѣла; неравенство устанавливается такимъ образомъ съ самаго начала. Въ другихъ мѣстностяхъ, благодаря прекращенію періодическихъ передѣловъ, надѣлъ превращается въ собственность семьи. Кое гдѣ приходятъ даже къ раздѣлу пастбищъ и лѣсовъ, находившихся сначала въ общемъ пользованіи; каждый очагъ получаетъ свою отдѣльную часть и запрещаетъ членамъ своимъ заходить за границы сосѣдей.

Къ одному изъ такихъ переходовъ отъ коллективизма къ раздѣламъ надо пріурочить происхожденіе деревенской общины въ Англіи; отличительной чертой ея является неравенство надѣловъ и зависимость его отъ числа быковъ, какимъ владѣютъ отдѣльные дворы. Особенности этой системы хотѣли связать съ употребленіемъ при обработкѣ земли тяжелыхъ плуговъ, въ которые впрягаютъ восемь или десять головъ скота, и съ неравномѣрнымъ—сообразно числу впрягаемыхъ воловъ—распредѣленіемъ земель между отдѣльными семьями. Но тотъ же порядокъ встрѣчается и въ странахъ, которыя очень мало знакомы съ употребленіемъ этихъ громадныхъ плуговъ и въ которыхъ топографическія условія и мѣстные обычаи противились подобнымъ пріемамъ земледѣлія. Такъ, въ Индіи, въ частности въ сѣверо-западныхъ провинціяхъ, земля дѣлится часто сообразно количеству мелкихъ плуговъ, которые употреблялись для обработки почвы тѣми, кто первые заняли ее. Если плугъ снаряжался двумя семьями, каждая изъ нихъ получала свою часть на одного вола. Подраздѣленія обозначались четырьмя ногами животнаго. Сравните съ этимъ полныя и половинныя виргаты и боваты, о которыхъ идетъ рѣчь въ англійскихъ средневѣковыхъ цензуаріяхъ, hubae или hufen и полу-hubae, о которыхъ трактуютъ нѣмецкія граматы XII, XIII и XIV в.в., и вы придете къ тому заключенію, что особенности средневѣковой аграрной общины, нѣмецкой и англійской въ частности, связаны съ очень распространеннымъ фактомъ непосредственнаго перехода отъ коллективной собственности съ неравными долями къ окончательному раздѣлу.

Изъ произведеннаго нами изслѣдованія вытекаетъ, что можно говорить о большомъ разнообразіи формъ, представляемыхъ коллективной собственностью. Эти различныя формы смѣняли другъ друга подъ вліяніемъ разнообразныхъ причинъ. Исчезновеніе той или другой изъ этихъ формъ приводитъ иногда къ новой эволюціи того же принципа коллективности, иногда къ установленію индивидуализма. Смѣшивать такимъ образомъ частныя причины разложенія тѣхъ или иныхъ коммунальныхъ порядковъ съ тѣми, которыя одинакого свойственны всѣмъ имъ, не приходится; ихъ нужно

изучать въ отдѣльности и одни за другими, но съ тѣмъ, чтобы свести впослѣдствіи разлагающіе ихъ факторы къ единой причинѣ общаго порядка, указаніе на которую и будетъ единственнымъ научнымъ отвѣтомъ на поставленный съ самаго начала вопросъ.

III.

Намъ вѣроятно никогда не удастся познакомиться во всѣхъ деталяхъ съ внутренней организаціей и экономическимъ строемъ той аграрной общины, которая предшествовала установленію феодализма и крѣпостного состоянія.

Нѣсколько стиховъ у Горація о гетахъ, нѣсколько строкъ у Цезаря и у Тацита, да еще болѣе или менѣе темные тексты, заимствованные изъ законовъ варваровъ, изъ капитуляріевъ и грамотъ,— вотъ почти все, чѣмъ мы располагаемъ, чтобы нарисовать въ общихъ чертахъ картину того примитивнаго коммунизма, существованіе котораго у германцевъ нѣкоторые авторы, какъ Россъ, Фюстель, Себомъ, пытались даже вовсе отрицать. Я не стану останавливаться на доказательствѣ несостоятельности того мнѣнія, которое не признаетъ существованія извѣстнаго обычая только потому, что законы и гражданскіе акты не даютъ детальнаго описанія его. Съ подобными пріемами разсужденія можно было бы черезъ триста или четыреста лѣтъ объявить русское общинное землевладѣніе чистѣйшимъ вымысломъ, созданнымъ либо для увеселенія публики, либо для соціалистической пропаганды; и въ самомъ дѣлѣ, нотаріусы никогда не упоминаютъ о мірѣ; имъ вѣдь не поручаютъ составлять дарственныхъ или купчихъ, объектомъ которыхъ были бы общинныя земли,—не поручаютъ по той причинѣ, что всякое отчужденіе этихъ земель запрещено. И какъ можно требовать отъ безграмотныхъ крестьянъ начала среднихъ вѣковъ инвентарей ихъ владѣній,—инвентарей, которые по всей вѣроятности никогда и не существовали, ибо свидѣтельства стариковъ было достаточно, чтобы признать данный обычай существующимъ. И какъ безсмысленно было бы предполагать, что архивы сеньоровъ, гдѣ подобные акты могли бы уцѣлѣть, находили удобнымъ хранить письменныя доказательства суетности феодальныхъ правъ, вытекавшей изъ самаго факта узурпаціи сеньорами крестьянскихъ земель!

Удовольствуемся же тѣми приблизительными данными, которыя даютъ намъ малочисленные, но надежные тексты о первоначальной организаціи германскихъ аграрныхъ общинъ. Свидѣтельства этихъ текстовъ могутъ быть провѣрены многочисленными пережитками, которые сохранило гражданское право XII и XIII столѣтій отъ періода, предшествующаго феодализму. Эта провѣрка приводитъ насъ

къ тому заключенію, что средневѣковая община крѣпостныхъ является прямымъ преемникомъ общины свободныхъ владѣльцевъ.

Посмотримъ же прежде всего, къ чему сводятся тѣ свѣдѣнія объ организаціи аграрнаго коммунизма у германцевъ, которыя даются древними авторами.

Sed privati ac separati agri apud eos nihil est,—говоритъ Цезарь. Этого достаточно, чтобы заключить, что въ эпоху, предшествующую переселенію варваровъ въ римскія провинціи, частная собственность была имъ неизвѣстна. Тацитъ говоритъ, что въ Германіи воздѣлыватели переходили время отъ времени съ обработанныхъ земель на земли, лежавшія впустѣ, и Горацій подтверждаетъ это свидѣтельство словами: *Nec cultura placet longior annua.*

Оба писателя рисуютъ намъ строй владѣнія и хозяйства, какъ нельзя болѣе отвѣчающій порядкамъ, господствующимъ у народовъ съ рѣдкимъ населеніемъ и съ недостаточнымъ количествомъ рукъ для обработки земли. Это—порядки захватнаго владѣнія, существовавшіе среди донскихъ казаковъ, среди поселенцевъ сѣверной Россіи и во многихъ округахъ Венгріи не далѣе, какъ въ XVIII вѣкѣ и въ началѣ XIX-го.

Но эта не столько частная, сколько семейная аппропріація имѣетъ однако свои ограниченія: она разрѣшается только съ тѣмъ условіемъ, чтобы присвоитель былъ мѣстнымъ уроженцемъ, сосѣдомъ своихъ сосѣдей (vicinus или convicinus, или еще commarcanus). Пришелецъ могъ обосноваться на занятомъ уже полѣ только съ согласія всѣхъ vicini. Одного голоса было достаточно, чтобы запретить ему доступъ къ землѣ. Это и есть точный смыслъ статьи *de migrantibus*, встрѣчающейся въ Салическомъ законѣ,—статьи, которой Фюстель-де-Куланжъ далъ очень остроумное, но односторонее толкованіе. Одинъ пунктъ ея остается все еще невыясненнымъ. Спрашивается, что можетъ заставлять сосѣдей давать свое согласіе на поселеніе новыхъ пришельцевъ? Ни что иное, какъ оставленіе земли тѣмъ, кто первый распахалъ ее. Разбираемый текстъ,—и въ этомъ Фюстель-де-Куланжъ тысячу разъ правъ,—не говоритъ, что тотъ *qui super alterum migraverit* абсолютно долженъ быть чужеземцемъ. То же могло имѣть мѣсто и по отношенію къ какому-нибудь мѣстному жителю, обрабатывающему съ согласія сосѣдей поле, покинутое тѣмъ, кто впервые воздѣлалъ его. Земли у общины достаточно, недостатокъ чувствуется въ числѣ лицъ, необходимыхъ для внѣшней защиты. Она не прочь, поэтому, заманивать ихъ къ себѣ, но такъ, чтобы ихъ поселеніе не потребовало никакихъ жертвъ со стороны ея членовъ. И какой внезапный свѣтъ проливается этими соображеніями. Индивидуальная

аппропріація не имѣетъ ничего общаго съ собственностью, это только условное владѣніе, оно длится лишь постольку, поскольку земля подвергается обработкѣ *). Потомъ земля переходитъ поправу къ общинѣ, которая можетъ надѣлить ею любого, но съ согласія всѣхъ своихъ членовъ. Если признать, что земля первоначально принадлежала общинѣ, томожно объяснить, почему Хильперикъ въ эдиктѣ, которымъ онъ вводитъ наслѣдованіе боковыхъ родственниковъ, вынужденъ былъ объявить его противнымъ древнему обычаю, передающему землю умершаго его сосѣдямъ. *Et si moritur, frater accipiat, non vicini.*

Точно такимъ-же образомъ объясняется происхожденіе какъ сосѣдскаго выкупа, такъ и феодальнаго, который занялъ его мѣсто впослѣдствіи, когда права общины перешли на сеньора лена, такъ наконецъ и права предпочтительной покупки, осуществляемаго общиной,—права, слѣды котораго еще встрѣчаются въ обычаяхъ нѣмецкой Швейцаріи. При этомъ предположеніи является также понятнымъ, почему въ позднѣйшую эпоху, когда пахоти и луга поступили уже въ раздѣлъ, принципъ, обусловливавшій собою производство первоначальныхъ заимокъ, т. е. присвоеніе каждымъ очагомъ земли въ предѣлахъ необходимаго, продолжаетъ опредѣлять размѣры пользованія въ лѣсахъ, пастбищахъ и вообще недѣлимыхъ угодьяхъ. По выраженію Эррера, автора интереснаго изслѣдованія о бельгійскихъ «masuires», или владѣльцахъ манзовъ, предѣлы права пользованія устанавливаются потребностями тѣхъ, кто участвуетъ въ немъ. Такъ какъ съ размноженіемъ дворовъ угодья оказываются недостаточными, то является необходимость найти критерій для рѣшенія вопроса о томъ, въ какой мѣрѣ пользованіе того или другого лица опредѣляется его нуждой.

Такой критерій и заключаетъ въ себѣ правило, по которому допускается къ выпасу только скотъ самихъ пользователей, скотъ, перезимовавшій на ихъ собственномъ корму. Вотъ почему также лѣса должны служить только для ремонта или отопленія очаговъ, входящихъ въ составъ общины; продажа лѣсного матеріала запрещена въ такой же мѣрѣ, какъ и допущеніе на пастбище чужого скота. Эти порядки пользованія общи и германскимъ маркамъ, и швейцарскимъ альмендамъ и норвежскимъ альменингамъ, и французскимъ communaux, поскольку послѣднія не перешли еще въ муниципальныя земли, сдаваемыя общиной въ аренду одному или нѣсколькимъ фермерамъ.

---

*) Одинъ венгерскій статутъ 1673 года объявляетъ: если кто-либо занимаетъ землю подъ пашню или лугъ, то получаетъ и право на нее; но если онъ перестаетъ обрабатывать ее, она переходитъ къ тому, кто первый займетъ ее. Аналогичные обычаи существуютъ еще и теперь въ Сибири.

IV.

Посмотримъ же, что оставили отъ этого первобытнаго коммунизма феодализмъ и королевская власть. Феодальное помѣстье, какъ это доказали тѣ, кто, начиная съ Герарда, изслѣдовали подробно его организацію, состояло изъ двухъ неравныхъ частей: изъ меньшей, именуемой *terra dominicata*, и большей, *terra servilis*. Первою частью пользуется самъ сеньоръ, а отчасти и свободные арендаторы, принимаемые съ условіемъ отбыванія ими военной или придворной службы (ministeriales); вторая часть находится въ рукахъ у крестьянъ-общинниковъ, у собственниковъ, mansi, hubae, hufen или virgatae, смотря потому, идетъ-ли рѣчь о Франціи, о Германіи, или объ Англіи; дѣлянки, разбросанныя по различнымъ конамъ одной и той же общины, составляютъ вмѣстѣ надѣлъ крѣпостного очага. Принципъ равенства поддерживается иногда тѣмъ обстоятельствомъ, что внутри данной общины mansus представляетъ одну и ту же неизмѣнную величину; иногда же предоставленіемъ полутора и даже двухъ mansi разросшимся семьямъ, живущимъ совмѣстно и въ силу этого имѣющимъ возможность отрабатывать барщину на землѣ сеньера съ болѣе значительнымъ числомъ работниковъ или упряжныхъ животныхъ. Раздѣлы приводятъ къ исчезновенію единства mansus и создаютъ въ предѣлахъ одного и того-же лена *mansi dimidii*, *dimidiae virgatae*, *halbe-hufen* (половинные надѣлы), а также надѣлы въ четверть и восьмую часть полнаго. Равенство долей поддерживается безъ періодическаго передѣла, все большимъ и большимъ расширеніемъ распашки пустошей, начиная съ эпохи варварскихъ законовъ вплоть до первой половины XIV вѣка, когда оно было пріостановлено значительнымъ уменьшеніемъ населенія, вслѣдствіе чумы. Благодаря этому средству (распашкѣ новыхъ земель), извѣстному и въ русскихъ общинахъ, устанавливается внѣ общинныхъ земель цѣлый рядъ частныхъ хуторовъ; ихъ владѣльцы въ концѣ концовъ соединяются и періодически передѣляютъ между собою землю на основаніи того-же принципа равенства надѣловъ. Таково было происхожденіе новыхъ поселковъ, нѣмецкихъ Höfen, ставшихъ съ теченіемъ времени зародышемъ цѣлыхъ сельскихъ общинъ. Современная русская практика представляетъ поразительную аналогію съ этими порядками. Поселки или хутора въ началѣ своего существованія совершенно не прибѣгаютъ къ передѣламъ. Земля ихъ членовъ переходитъ по наслѣдству отъ отца къ сыну. Но въ концѣ концовъ они сливаются въ новую общину, въ новый міръ, который, какъ и всѣ колоніи, слѣдуетъ примѣру метрополіи, т. е. той деревни, изъ которой онъ вышелъ, и потому вводитъ у себя пері-

дическіе передѣлы. Крестьянамъ Великороссіи извѣстно также сліяніе въ одно цѣлое деревни-матери и хуторовъ. Это выражается обыкновенно словомъ «припустить», т. е. принять собственниковъ-хуторянъ въ число участвующихъ въ передѣлахъ сельчанъ, пріобщая ихъ земли къ владѣніямъ всей общины. Тѣ же самые порядки встрѣчаемъ мы въ средневѣковыхъ сельскихъ общинахъ. Самое поверхностное изученіе грамотъ и цензуаріевъ даетъ намъ многочисленные примѣры ихъ. Тамъ, гдѣ крѣпостная община, въ силу недостатка земли, лишена возможности расширять свои запашки, равенство долей устанавливается періодическими передѣлами, которые именуются англичанами run-rig system. Мы находимъ иллюстрацію тому въ порядкахъ, державшихся еще въ XV-мъ вѣкѣ. въ Аштонѣ на Линнѣ, точно такъ же какъ и во многихъ общинахъ Германіи и Венгріи *). Владѣльцы всѣхъ крестьянскихъ надѣловъ равно допускаются къ пользованію общинными угодьями въ предѣлахъ ихъ дѣйствительной нужды, но извлекаемыя ими отсюда выгоды значительно умаляются вслѣдствіе того, что стада сеньора пасутся на однихъ пастбищахъ со стадами поселянъ, и не одного сеньора, но всѣхъ тѣхъ, кого собственникъ лена допускаетъ къ осуществленію тѣхъ-же правъ. Общинныя угодья, кромѣ того, значительно сокращаются, благодаря расширенію изъятыхъ отъ пользованія участковъ, такъ называемыхъ *defensa* или *banna*; эти участки всего чаще встрѣчаются въ предѣлахъ нераздѣльной лѣсной площади, гдѣ сеньоръ старается выдѣлить нѣкоторыя рощи для разведенія дичи. Забота о сохраненіи строевого лѣса, какъ и предохраненіи сруба отъ потравъ, заставляютъ его не разъ прибѣгать къ подобнымъ запрещеніямъ. Коммунистическій принципъ очень ясно проявляется въ томъ фактѣ, что, какъ только покончатъ съ жатвой и съ сѣнокосомъ, сейчасъ же разрушаютъ живыя загороди, дѣлаемыя спеціально для предохраненія травъ и хлѣбовъ; земли сеньера, какъ и земли крѣпостныхъ, переходятъ въ общее пользованіе до времени новой вспашки или до свѣжей зелени; это общинное пользованіе длится такимъ образомъ отъ Св. Михаила до перваго мая или до перваго іюня (праздникъ Ивана-Купала), смотря по климату и по болѣе или менѣе возвышенному расположенію участка.

---

*) У Karl'a Taganyl'я, я нахожу по отношенію къ Венгріи, слѣдующія подробности: грамоты XIII в., говоря о крестьянскихъ надѣлахъ, употребляютъ такія выраженія: это земли, расположенныя чрезполосно (mixtim), происшедшія отъ раздѣловъ, обозначаемыя пограничной травой (per herbas), т. е. такими же незатронутыми плугомъ полосами, какія въ Англіи и Германіи извѣстны были въ средніе вѣка подъ названіями lynches и balken. Примѣры періодическихъ передѣловъ встрѣчаются также въ исторіи итальянскаго общиннаго землевладѣнія.

Англичане обозначаютъ такіе порядки словами: система «открытыхъ полей» (open fields), французы говорятъ о нихъ, какъ о «*vaine pâture*», нѣмцы какъ о «*Gemengage der Felder*», но всѣ подразумѣваютъ подъ этими названіями одинъ и тотъ же фактъ перехода земель въ общее пользованіе немедленно послѣ того, какъ собственникъ окончитъ уборку урожая.

Такъ какъ интересы общины требуютъ, чтобы земли переходили въ общее пользованіе одновременно, то соблюденіе одного и тогоже порядка сѣвооборота является обязательнымъ для всѣхъ очаговъ селенія. Отсюда то, что нѣмцы называютъ Flurzwang и аналогію чему мы находимъ какъ во Франціи, такъ и въ Англіи и Россіи.

Посмотримъ же теперь, какое вліяніе произвело на судьбы аграрной общины установленіе феодальнаго строя. Необходимо прежде всего признать, что аграрная община была имъ умалена и закрѣпощена, но не была уничтожена. Крестьянинъ попрежнему остается общиннымъ собственникомъ земли, но онъ вынужденъ уступить часть сельской территоріи помѣщику; эта часть превращается въ *terra dominicata* сеньора и во владѣнія его свободныхъ вассаловъ. Крестьянинъ теряетъ также исключительное право пользованія лѣсомъ и пастбищами, потому что сеньоръ и его приближенные отбираютъ себѣ часть того и другого. Поднятіе нови ограничено теперь защитами, распространяемыми сеньеромъ на тѣ лѣса и пустоши, которые онъ оставляетъ для своего личнаго пользованія.

Изъ свободнаго владѣльца, какимъ крестьянинъ былъ до установленія феодализма, онъ становится крѣпостнымъ, связаннымъ съ землей установленными закономъ запрещеніями отхода и экономической необходимостью, вызванной непрерывной эксплуатаціей надѣла и хозяйскаго поля. Онъ уплачиваетъ сеньеру ренту натуральными продуктами и поставляетъ ему свой даровой трудъ, регулируемый обычаемъ. Обложенный повинностями или обязательствомъ уступать помѣщику часть урожая, надѣльный крестьянинъ становится своего рода наслѣдственнымъ арендаторомъ, рѣдко когда уплачивающимъ деньгами слѣдуемыя съ него платежи, которые остаются неизмѣнными втеченіе цѣлыхъ вѣковъ, несмотря на повышеніе цѣнъ на аренды. Чтобы придти къ этому результату, не было необходимости ни въ сохраненіи римскаго помѣстья съ его сельскими рабами и колонами, ни въ нашествіи германцевъ и раздѣлѣ почвы между римскими собственниками и этими незваными гостьми (hospites). Достаточно было одного, чтобы земля сдѣлалась главной цѣнностью, которою вознаграждались бы всякаго рода услуги. И этимъ именно она и должна была стать въ обществѣ, уже достаточно замиренномъ, чтобы избавиться отъ опасности новыхъ миграцій варваровъ и но-

выхъ присвоеній земли съ ихъ стороны, и въ то же время еще недостаточно индустріальномъ и торговомъ, чтобы сдѣлать движимости и особенно деньги ходячей цѣнностью. Эта черта общая и феодальной Европѣ, и древней Россіи, и Имперіи Великаго Могола въ Индіи. Вотъ почему мы встрѣчаемъ, хотя и подъ другими названіями и съ нѣкоторой разницей въ подробностяхъ, аппропріацію воинами и гражданскими властями цѣлыхъ деревень, съ ихъ землями и жителями, *cum mansis, servis accolis inquilinis* не только въ предѣлахъ Карловингской имперіи, но и въ Англіи, задолго до прихода Вильгельма и установленія въ ней нормано-французскаго феодализма, и въ Россіи XV и XVI столѣтій, когда помѣстье стало играть ту же роль, что и средневѣковый бенефицій, и въ Индіи при преемникахъ Акбара, когда гражданскіе и военные начальники („талукдары“ и „ягиры“) вознаграждались за свою службу помѣстьями, уже населенными земледѣльцами *).

Но, скажутъ намъ, какимъ образомъ фактъ такой громадной важности, какъ уничтоженіе первоначальной свободы земледѣльцевъ и переходъ ихъ владѣній въ руки чужеродцевъ, могъ произойти, не вызвавъ открытаго возстанія со стороны тѣхъ, которыми распоряжались съ такимъ произволомъ? Въ обществѣ, недостаточно замиренномъ, потребность частной защиты чувствуется гораздо сильнѣе, чѣмъ въ современныхъ государствахъ. Въ силу этого и соглашались отдавать въ руки могучаго патрона свою собственность и свою личность, но съ условіемъ охраненія имъ экономическихъ интересовъ кліентовъ и въ частности ихъ земельныхъ владѣній. Патрона выбирали себѣ также и для защиты отъ вымогательствъ казны и отъ обидъ сильныхъ. Иногда къ нему же обращались за скотомъ и деньгами, чтобы имѣть возможность продолжать обработку земли, прерванную разбойничьими грабежами и набѣгами. Въ этомъ лежитъ корень средневѣковой коммендаціи и тѣхъ любопытныхъ отношеній, которыя возникали въ древней Ирландіи между владѣльцами крупнаго скота (boaires) и поселенцами (fuidhirs), уступавшими имъ свои надѣлы въ обмѣнъ за ссуду живого инвентаря. Однохарактерныя причины не разъ заставляли русскаго свободнаго крестьянина обмѣнивать свою свободу на пользованіе скотомъ, необходимымъ для земледѣлія (*ролейные закупы* „Русской Правды“ и *серебренники* XV вѣка). Не трудно понять теперь тотъ фактъ, что въ эпоху, когда свобода и собственность обмѣнивались на покровительство, дареніе цѣлыхъ деревень военнымъ людямъ, гражданскимъ чиновникамъ и религіознымъ кор-

*) Объ этомъ предметѣ я подробно трактовалъ въ изслѣдованіи: *Общинное землевладѣніе, причины и послѣдствія его разложенія.* Москва, 1879.

пораціямъ не встрѣчало того сопротивленія, съ какимъ ему пришлось бы столкнуться въ наши дни. Впрочемъ, крестьяне не всегда оставались равнодушными свидѣтелями навязываемыхъ имъ судебъ, и тамъ, гдѣ, какъ въ Италіи, сельскія коммуны сами сочли возможнымъ озаботиться даже своей военной защитой, пожалованія, дѣлавшіяся германскими императорами въ пользу феодальныхъ сеньеровъ и имѣвшія предметомъ своимъ здѣсь, какъ и повсюду, населенныя имѣнія, не разъ встрѣчали энергическій протестъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно напомнить тѣ жалобы, съ какими жители нѣсколькихъ коммунъ, расположенныхъ по берегамъ озера Комо, обратились къ императору, когда послѣдній вздумалъ перевести въ руки Амвросіанской церкви въ Миланѣ право собственности на ихъ общинныя угодья. Въ серединѣ XIII вѣка консулы Белладжіо объявляютъ даръ, сдѣланный императотомъ, ничтожнымъ по существу и немогущимъ служить къ выгодѣ монастыря (*nihil monasterio prodesse*), ибо,—говорятъ они,—императоръ не можетъ передать другому того, чѣмъ самъ не владѣетъ.

V.

Если установленіе феодализма сузило и измѣнило характеръ аграрныхъ общинъ, то торжество буржуазіи стремилось и стремится къ полному ихъ разрушенію. Установленіе капиталистическаго производства, очагами котораго являются города, распространившись въ концѣ концовъ на деревни, имѣло рѣшающее вліяніе на судьбу общинныхъ владѣній.

Фактъ исчезновенія аграрнаго коммунизма въ городахъ еще раньше, чѣмъ въ селахъ, не есть нѣчто случайное. Онъ объясняется уже тѣмъ однимъ, что населеніе городовъ, состоящее изъ лицъ, занимающихся мануфактурой и торговлей, гораздо болѣе подвижно, чѣмъ населеніе земледѣльческое. И чѣмъ больше какой-нибудь городъ становится центромъ промышленности и торговли, тѣмъ рѣже встрѣчаются въ немъ остатки коллективной собственности, составлявшей одно время общую черту города и деревни. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно прослѣдить развитіе такого города, какъ Манчестеръ, который въ средніе вѣка имѣлъ общинныя владѣнія, какъ и любой сельскій округъ. То же самое можно сказать о С. Албанѣ цѣломъ рядѣ мѣстечекъ, которыя въ эпоху завоеванія и редакціи книги Суда (Doomsday-book) еще владѣли періодически передѣляемыми лугами и довольно значительными общинными выпасами (commons). Даже въ эпоху знаменитаго возстанія крестьянъ (XIV столѣтіе), извѣстнаго подъ именемъ вожака его Уота Тэйлора, коммунальное пользованіе было однимъ изъ спор-

ыхъ пунктовъ между жителями С. Албана и монахами знаменитаго аббатства того же имени.

На такіе же факты указываетъ Арнольдъ въ исторіи поземельной собственности нѣмецкихъ городовъ. Не трудно найти подобныя имъ явленія и во французскихъ, и въ итальянскихъ муниципіяхъ. Что касается послѣднихъ, Витербо, Тоди, Верчелли и др. дають достаточныя доказательства тому, что аграрный коммунизмъ былъ въ самомъ началѣ общей чертой и для городовъ, и для селъ, причемъ послѣднія только гораздо дольше сохранили его. Въ качествѣ торговыхъ центровъ, города первые взглянули на землю, какъ на товаръ, и этого одного уже было достаточно, чтобы ускорить гибель режима, имѣвшаго своимъ основаніемъ неотчуждаемость земли и неизмѣнность хозяйственныхъ порядковъ.

Если разложеніе общинной собственности на землю совершилось въ городахъ лишь мало-по-малу, то только потому, что самая свобода договоровъ требовала для прочнаго своего установленія извѣстнаго времени. Втеченіе цѣлыхъ вѣковъ ремесленныя корпораціи, купеческія гильдіи, и регламентація промышленности и торговли муниципальными совѣтами вынуждали большинство жителей держаться мануфактурныхъ и торговыхъ предпріятій; но, разъ эти многочисленныя плотины были прорваны, народъ поспѣшилъ сдѣлать tabula rasa изъ всего, что въ его глазахъ представляло собою тиранію обычая, и рѣшительно перешелъ къ режиму свободнаго договора.

Примѣръ городовъ увлекъ села, сначала въ томъ смыслѣ, что возбудилъ эмиграцію въ эти очаги гражданской независимости. Прикрѣпленный къ землѣ крѣпостной разбивалъ свои цѣпи, уходя въ городъ, гдѣ пребываніе втеченіе года и дня дѣлало его свободнымъ, подчасъ также отдавая свой надѣлъ въ выкупъ за свободу.

Трудность добыть денегъ въ эпоху, когда ростовщичество преслѣдовалось и церковными, и гражданскими законами, была одной изъ причинъ, толкавшихъ сеньеровъ къ пріобрѣтенію ихъ путемъ освобожденія крѣпостныхъ. Они избавляли послѣднихъ отъ обязательнаго земледѣльческаго труда и замѣняли барщину и подати натурой вѣчной рентой. Отсюда происхожденіе тѣхъ оброчныхъ держаній, *copyholds*, которые подъ другими названіями встрѣчаются во Франціи и во многихъ другихъ государствахъ Европы. Прежній крѣпостной становился земельнымъ съемщикомъ, особенностью котораго было то, что доходъ его могъ расти при неизмѣнности его ренты. Послѣдняя не только не подымалась по мѣрѣ роста населенія, но, наоборотъ, начинала проявлять тенденцію къ пониженію, когда открытіе Новаго Свѣта и богатыхъ залежей серебра въ Потози, понизивъ стоимость этого металла, уменьшило и размѣры всѣхъ

платежей, дѣлаемыхъ не натурой, а деньгами. Феодальный сеньеръ старается съ этого времени вознаградить себя за понесенную имъ утрату на счетъ общинныхъ угодій. Онъ расширяетъ свои запреты, огораживаетъ свои поля и ставитъ своего оброчнаго арендатора въ полную невозможность выкармливать то количество скота, которое необходимо ему для обработки его поля. Глубокое безпокойство охватываетъ деревню. Народъ начинаетъ разрушать загороди, прибѣгая къ самосуду; поэзія и духовное краснорѣчіе берутъ на себя защиту его интересовъ; протесты были достаточно сильны, чтобы внушить такимъ людямъ, какъ Томасъ Моръ и великій Бэконъ, краснорѣчивую защиту древняго коммунизма. Именно тогда создалась въ Англіи легенда о добромъ старомъ времени, когда страна была богата *yeomen'*ами, якобы зажиточными крестьянами. Втеченіе цѣлаго столѣтія (XVI) только и идетъ рѣчь о томъ, какъ бы положить конецъ огораживанію полей. Но шерстяная промышленность брала все болѣе и болѣе верхъ надъ земледѣліемъ, пастбища дорожали, задержка того движенія, которое заставляло земельнаго собственника предпочитать свободную аренду неизмѣнной рентѣ и стремиться лишить крестьянъ пользованія общинными угодьями, становилась невозможной. При такомъ положеніи вещей крестьянинъ не могъ долго противиться соблазну покинуть сельское хозяйство для болѣе крупныхъ заработковъ, какіе сулило ему цвѣтущее состояніе промышленности и торговли. Эмиграція въ города стала повседневнымъ явленіемъ; деревни обезлюдили; оставшіеся въ нихъ земледѣльцы перешли въ ряды наемныхъ рабочихъ, не владѣющихъ ни малѣйшимъ участкомъ почвы. Разсматриваемый процессъ принялъ втеченіе двухъ послѣднихъ столѣтій такіе размѣры, что къ началу XIX вѣка Англія стала уже классической страной крупной собственности, фермерства и полнаго разобщенія между землею и ея старинными воздѣлывателями. Далеко не возставая противъ такой эволюціи, какъ это дѣлали ихъ прямые предшественники— Стаффордъ, Стэбсъ, Гаррисонъ,—англійскіе экономисты XVIII вѣка сдѣлались ея апологетами. Становясь исключительно на точку зрѣнія прогресса земледѣлія, Синклеръ и Маршалль, какъ и многіе другіе, потребовали отмѣны системы открытыхъ полей (*open-fields*), огораживанія общинныхъ угодій и перехода отъ крестьянско-оброчнаго владѣнія или *copy-hold'*а, съ характеризующими его наслѣдственностью и неизмѣнной рентой, къ срочному фермерству.

Во Франціи, благодаря вмѣшательству законодательства, тотъ же процессъ совершился медленнѣе. Раздѣлы общинныхъ угодій между помѣщикомъ и крестьянами, причемъ $^2/_3$ обыкновенно доставались послѣднимъ, были предписаны законами предшественниковъ Людо-

вика XIV и самимъ королемъ-Солнцемъ. Они позволили крестьянству удержать въ своихъ рукахъ, по крайней мѣрѣ, часть земельнаго фонда, принадлежавшаго нераздѣльно ему и сеньерамъ. Но въ XVIII столѣтіи и Франція, слѣдуя примѣру Англіи, подхватывается теченіемъ, которое толкало буржуазію къ пріобрѣтенію земель и къ оплодотворенію земледѣлія капиталами. Кенэ выступилъ съ проповѣдью преимуществъ крупной собственности и фермерства и съ осужденіемъ половничества и наслѣдственныхъ рентъ. Земледѣльческія общества, создавшіяся подъ вліяніемъ физіократовъ, высказались въ пользу раздѣла общинныхъ угодій. Недвижимые собственники не остались глухи къ этимъ совѣтамъ. Пользуясь правомъ возобновленія помѣстныхъ распорядковъ (terriers), они сократили до minimum'а имущественныя пользованія крестьянъ и оброчныхъ держателей. Наказы, данные депутатамъ въ 1789 г., свидѣтельствуютъ о глубокомъ недовольствѣ, испытываемомъ деревней не только по случаю взиманія съ ея жителей феодальныхъ повинностей и платежей, но и въ виду сокращенія надѣловъ и огораживанія общинныхъ пастбищъ и лѣсовъ. Революція, хотя и унаслѣдовавшая отъ физіократовъ враждебное отношеніе къ принципамъ коллективной собственности, положила конецъ этимъ жалобамъ и дала крестьянамъ возможность перейти непосредственно отъ земельнаго держанія къ собственности. Законъ 1793 г. довершилъ побѣду индивидуализма, предписавъ раздѣлъ общинныхъ угодій.

Подобныя же причины, т. е. реальный вредъ, приносимый системой наслѣдственныхъ держаній, и притокъ капиталовъ, ищущихъ себѣ помѣщенія въ арендованіи земель, внушили итальянскимъ экономистамъ такую же враждебность къ аграрному коммунизму и сдѣлали ихъ апостолами раздѣловъ. Ихъ пропаганда оказала вліяніе на законодательство, и мѣропріятія, подобныя французскому закону 1793 года, были приняты въ королевствѣ обѣихъ Сицилій, въ Эмиліи и въ Романьи, не говоря уже о Тосканѣ и Ломбардіи, въ концѣ прошлаго и въ первой половинѣ настоящаго столѣтія.

Секуляризація церковныхъ имуществъ, совершенная въ Англіи втеченіе XVI и XVII вѣковъ, въ Италіи во второй половинѣ XVIII вѣка и во Франціи въ 1789 году, дала могучій толчокъ торжеству новаго земельнаго строя, такъ какъ секуляризованныя земли, благодаря принципу ихъ неотчуждаемости, являлись главнымъ очагомъ и наслѣдственной ренты, и общинныхъ пользованій.

Не входя въ дальнѣйшія подробности, мы можемъ закончить нашъ очеркъ утвержденіемъ исчезновенія аграрнаго коммунизма, происхожденіе котораго восходитъ къ самой отдаленной древности, является слѣдствіемъ торжества буржуазіи и руководящаго ею принципа— свободы контрактовъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ ВТОРОЕ.

Хозяйственный строй родовыхъ союзовъ Уэльса.

Новый трудъ Фридриха Себома «Система родовыхъ отношеній Уэльса» является столь же существеннымъ вкладомъ въ исторію экономической и соціальной жизни среднихъ вѣковъ, какъ и его изслѣдованіе о сельской общинѣ. Скажу даже: этотъ трудъ удовлетворяетъ меня въ гораздо большей мѣрѣ, по сравненію съ прежнимъ. Правда, никто ни до, ни послѣ Сибома, не бросилъ столько свѣта на систему открытыхъ полей и надѣловъ крестьянъ и на ту связь, которая существуетъ между этой системой и поземельнымъ коммунистическимъ строемъ. Но когда я читалъ его изслѣдованіе, я былъ пораженъ тѣми искусственными усиліями, которыя дѣлаетъ авторъ, пытаясь объяснить эту систему обычаемъ общей оранки и общей впряги. Не подлежитъ сомнѣнію, что подобные обычаи существовали въ эпоху Плантагенетовъ и даже раньше, во времена первыхъ норманскихъ правителей. Но можно ли сказать то же самое и объ англо-саксахъ? Это сомнительно, хотя-бы уже потому, что иллюминаціи къ англо-саксонскимъ рукописямъ ставятъ насъ лицомъ къ лицу не съ норманской карукой съ восемью впрягаемыми въ нее быками, а съ обыкновенной сохой, влекомой парой быковъ. И когда авторъ старается найти по всей Европѣ и даже за предѣлами ея—въ Малой Азіи—не только тѣ же тяжелые плуги, но и ту же генетическую связь между ними и системой общиннаго владѣнія землей, читатель поневолѣ начинаетъ смотрѣть на это, какъ на одно изъ частыхъ увлеченій оригинальныхъ и творческихъ умовъ, среди которыхъ каждый охотно отведетъ мѣсто Фридриху Себому.

Но подобныя увлеченія, къ счастью, совершенно отсутствуютъ въ новомъ изслѣдованіи англійскаго экономиста, рисующемъ намъ жизнь и производство рода и племени такъ же ясно, какъ очерчены имъ въ его предыдущей работѣ жизнь и производство общины и феодальнаго помѣстья. Замѣтимъ мимоходомъ, что, открывъ обы-

ами, по которымъ экономической единицей является не семья, даже не цѣлый дворъ, состоящій иногда изъ нѣсколькихъ родственныхъ паръ, но все племя и родъ, Себомъ ставитъ подъ сомнѣніе ту устарѣлую доктрину, для которой дворъ (maisonnée Haus) является примитивной экономической единицей.

Г. Брентано совсѣмъ недавно высказался въ ея пользу, объявивъ абсурдными теоріи тѣхъ, которые, опираясь на изслѣдованія англійскихъ и американскихъ этнографовъ, отказываются разсматривать патріархальную семью, какъ самую древнюю соціальную клѣтку. Насмѣшки этого автора надъ соціологами, старающимися открыть слѣды матріархата подъ покровомъ позднѣйшихъ патріархальныхъ обычаевъ, могутъ произвести впечатлѣніе только на лицъ, мало знакомыхъ съ методами сравнительной этнографіи и исторіи права. Но даже и тѣ, кто, подобно Бюхеру, не раздѣляетъ блаженной вѣры въ неизмѣнность семейныхъ порядковъ съ самыхъ доисторическихъ временъ, не могутъ понять истинный характеръ архаическаго производства и хотѣли бы связать его съ изолированнымъ дворомъ, какимъ-бы онъ ни былъ, матріархальнымъ или патріархальнымъ. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Экономистъ, даже хорошо знакомый съ исторіей древнихъ и новыхъ народовъ Европы—а такимъ очевидно и надо признать г. Бюхера, переводчика и комментатора книги Лавелэ о примитивной собственности—съ большимъ трудомъ можетъ отдать себѣ отчетъ въ дѣйствительномъ характерѣ рода, такъ какъ писанная исторія начинается только съ эпохи разложенія послѣдняго. И только тѣ, кто, подобно Моргану, искалъ прототипъ древнихъ обычаевъ среди современныхъ намъ отсталыхъ народовъ, поняли важность того факта, что глава очага не управляетъ въ то же время владѣніями его. Выше его стоитъ власть старѣйшинъ рода и всѣхъ главъ семействъ, входящихъ въ составъ послѣдняго. Земля, которую онъ обработываетъ, не принадлежитъ ни ему, ни его ближнимъ; она составляетъ собственность рода; даже стада, ставшія сравнительно рано объектомъ частной собственности, обложены извѣстными сборами въ пользу рода и его старѣйшинъ, и личное положеніе какого-нибудь главы семьи въ іерархіи рода опредѣляетъ большій или меньшій объемъ его экономическихъ правъ. Тотъ, кто знакомъ съ характеромъ родовыхъ порядковъ, не удивится тому, что напр. у кабардинцевъ земля разсматривается, какъ собственность всего народа, въ составъ котораго входятъ четыре племени завоевателей, отнюдь не покоренные горскіе татары. Каждое изъ этихъ племенъ имѣетъ своего собственнаго князя или *пше*, власть котораго, до русскаго владычества, давала ему право аппропріаціи кобылицы или

другого какого-нибудь животнаго изъ чужихъ стадъ. Подобнаго рода поборы могли-бы быть объяснены произволомъ, если-бы семьи, подчиненныя князю, не имѣли права требовать себѣ лошадь, корову или быка изъ княжескихъ стадъ. Обычай этотъ настолько еще сохранилъ свою силу, что управляющій владѣніями одного кабардинскаго князя, Атажухина, жаловался мнѣ на полную невозможность улучшать породу скота, ибо такое улучшеніе явилось-бы для подданныхъ князя только предлогомъ къ тому, чтобы обирать его. Основаніемъ для этихъ обычаевъ служитъ очевидно не произволъ, а пережитки идей и чувствъ, связанныхъ съ родовой системой.

Всѣ эти факты не имѣютъ конечно никакой цѣны для тѣхъ, кто отказывается пользоваться данными этнографіи для выработки окончательныхъ выводовъ о древнѣйшихъ періодахъ цивилизаціи арійскихъ народовъ. Открытіе Себома, ибо я не нахожу другого имени, которымъ можно было-бы назвать это точное и детальное воспроизведеніе всѣхъ родовыхъ обычаевъ Уэльса, особенно важно такимъ образомъ для нихъ. Но тѣ, кто съ помощью этнографіи дополнилъ картину древнихъ арійскихъ обычаевъ, извѣстныхъ намъ только отрывочно изъ такихъ письменныхъ памятниковъ, какъ Веды, эпопея эллиновъ, древне-римское право, свидѣтельства Цезаря и Тацита о германцахъ, древнія хроники и сборники варварскихъ законовъ,—нашли въ трудѣ Себома ясное подтвержденіе своихъ гипотезъ.

Какъ и въ первой своей работѣ, Себомъ пользуется методомъ естествоиспытателей, идя отъ позднѣйшаго хорошо установленнаго къ болѣе древнему, болѣе темному и сомнительному.

Какъ въ «Сельскихъ общинахъ Англіи» отправнымъ пунктомъ для изслѣдованія послужила современная практика мѣстечка Гитчинъ, точно такъ же въ новой работѣ обычаи, регулировавшіе владѣніе и производство на островѣ Энглези еще послѣ покоренія Уэльса англійскимъ правительствомъ, открываютъ длинную серію источниковъ, послужившихъ Себому для описанія древнѣйшихъ порядковъ этой вполнѣ кельтической страны. Переходя къ континенту, авторъ анализируетъ инвентари Дэмби временъ Эдуарда III и, найдя такимъ образомъ ключъ къ объясненію древнихъ уэльскихъ законовъ, извѣстныхъ подъ именемъ Гоэля Добраго, кодекса Демеціи и Венедотіи, разбираетъ заключающіяся въ нихъ положенія. Но выводы, сдѣланные изъ этого двойного изслѣдованія, настолько еще фрагментарны и неполны, что авторъ вполнѣ основательно считаетъ необходимымъ произвести анализъ привилегій, дарованныхъ церквамъ и монастырямъ, хотя эти привилегіи и можно заподозрить

въ поддѣлкѣ. Онъ полагаетъ, что лица, участвовавшія въ ней въ своихъ собственныхъ интересахъ избѣгали анахронизмовъ, приспособляя свои изобрѣтенія къ соціальнымъ и юридическимъ условіямъ времени. Эта многосложная работа, потребовавшая, какъ мы видѣли, ряда разслѣдованій, позволила Себому начертать общую картину родовыхъ порядковъ,—картину, подобную которой мы находимъ въ описаніи древнѣйшаго быта грековъ и германцевъ и которую можетъ дать намъ только непосредственное наблюденіе надъ жизнью народовъ, живущихъ родовымъ бытомъ, какъ напримѣръ изученные Морганомъ ирокезцы или описанные мною осетины.

Я не считаю нужнымъ знакомить читателя полностью съ бытомъ, столь подробно изученнымъ Себомомъ, въ виду того, что по всей вѣроятности каждый, занимающійся исторіей древняго права, древней экономіи и древней культуры вообще, не откажетъ себѣ въ удовольствіи прочесть книгу, которая поражаетъ не только богатствомъ выводовъ, но и строгой логичностью и необыкновенной изобрѣтательностью, сказывающейся въ самыхъ счастливыхъ сравненіяхъ и въ удачномъ сближеніи фактовъ, которые на первый взглядъ кажутся не имѣющими между собой ничего общаго.

Я увѣренъ впрочемъ, что книга эта сдѣлается въ недалекомъ будущемъ настоящимъ руководствомъ, и что никто не станетъ писать о семейномъ строѣ какой-либо націи, не познакомившись предварительно съ работой Себома.

Что прежде всего бросается въ глаза при изученіи учрежденій кельтовъ Уэльса, это строгое различіе, существующее у нихъ между родными или членами семейнаго союза и чужеродцами. Все мѣстное населеніе, покоренное завоевателями-кельтами, входитъ въ категорію этихъ паріевъ. Время отъ времени къ нимъ присоединяются тѣ, кто выбрасывается изъ рода за преступленія противъ родныхъ и навсегда лишается всѣхъ преимуществъ, связанныхъ съ положеніемъ члена единокровной группы. И только девятое поколѣніе можетъ надѣяться снова перейти на положеніе члена рода. Переходъ этотъ можетъ быть впрочемъ ускоренъ бракомъ съ женщиной, принадлежащей къ племенной группѣ. Потомки отъ такого брака становятся членами рода съ четвертаго поколѣнія. Боязнь возстаній вынуждаетъ завоевателя лишить покоренное туземное населеніе до третьяго поколѣнія включительно права носить оружіе. Не будучи крѣпостными, эти мѣстные жители могли прослыть за крѣпостныхъ или за *nativi* въ глазахъ компиляторовъ англійскихъ инвентарей XIII и XIV в.в., настолько ихъ положеніе похоже было на то, въ которомъ находились въ эту же эпоху виланы ихъ собственной ро-

дины. Лица не гаэльскаго происхожденія должны были имѣть покровителей, принадлежащихъ къ числу начальниковъ рода у господствующаго племени. Безъ ихъ согласія никто изъ туземцевъ не могъ сдѣлаться ни клерикомъ, ни кузнецомъ, ни бардомъ, ибо каждая изъ этихъ профессій открывала путь къ свободѣ. Преступленія, совершенныя по отношенію къ мѣстнымъ жителямъ, не оставались безъ наказанія, но штрафъ или деньги, которыми виновный откупался при полюбовной сдѣлкѣ, шли къ патрону. На судѣ свидѣтельство туземнаго уроженца не имѣло никакого значенія, если оно направлялось противъ лицъ изъ народа-завоевателя.

Исключенный изъ племени могъ попасть въ такое же положеніе, но это не влекло за собой для его наслѣдниковъ вплоть до девятаго поколѣнія потери правъ, которыми владѣлъ онъ въ силу принадлежности къ гаэльскому роду; только потомокъ въ 9-мъ, 10-мъ и слѣдующихъ поколѣніяхъ такого отверженца лишаемъ былъ права требовать причитающейся ему по родству доли.

Себомъ устанавливаетъ тотъ фактъ, что среди самихъ туземцевъ существовало извѣстное правовое неравенство, освященное обычаемъ и закономъ; но мы не можемъ входить во всѣ эти подробности, и потому ограничимся замѣчаніемъ, что въ общемъ неравенства такого же рода были знакомы кельтической Шотландіи; источникомъ ихъ было то обстоятельство, что послѣдующіе колонисты свободнаго состоянія, стремясь пріобрѣсти землю и покровительство, становились добровольно по отношенію къ начальнику гаэльскаго рода въ положеніе, аналогичное тому, въ которомъ находилось и покоренное населеніе.

Въ противоположность туземцамъ, лишеннымъ всякой племенной организаціи, завоеватели жили родственными группами, и сельская община состояла иногда изъ одного, иногда изъ нѣсколькихъ родовъ.

Слѣды этихъ обычаевъ сохранились еще въ эпоху Эдуарда III, когда, какъ это вытекаетъ изъ инвентарей помѣстья Демби, введеніе трехполья отвѣчало желаніямъ англійскихъ эмигрантовъ, а мѣстное туземное населеніе продолжало еще добывать себѣ средства существованія главнымъ образомъ скотоводствомъ, пользуясь для этого недѣлимыми лугами и пастбищами.

Родовая организація уэльскихъ кельтовъ построена была на началахъ агнатизма. Кандидатъ на должность начальника не можетъ ссылаться въ видѣ доказательства своихъ правъ на свое родство по матери. Начальника рода не выбираютъ, а назначаютъ по старшинству; но такъ какъ старческій возрастъ можетъ явиться препятствіемъ къ активному веденію военныхъ предпріятій, то рядомъ съ

начальникомъ клана существуетъ еще „мститель клана“, который руководитъ его членами въ предпріятіяхъ, вызванныхъ необходимостью „заплатить кровью за кровь“. Рядомъ съ этими лицами мы встрѣчаемъ еще „родового посредника“, должность котораго была избирательной. Въ выборахъ принимаютъ участіе всѣ старшины очаговъ, принадлежащихъ къ роду. Избирается обыкновенно одинъ изъ самыхъ мудрыхъ, т. е. изъ самыхъ опытныхъ и слѣдовательно самыхъ старшихъ. Посредникъ принимаетъ участіе въ военныхъ совѣтахъ и въ общихъ собраніяхъ рода. Членами рода могутъ быть только законнорожденные. Для установленія законнорожденности ребенка требуется присяга матери; она дается съ извѣстными формальностями, указывающими на то важное значеніе, которое сохранилъ еще культъ предковъ, несмотря на обращеніе въ христіанство: для присяги избирается обыкновенно церковь, ближе другихъ лежащая къ кладбищу рода. О принятіи въ число членовъ объявляется отцомъ, а въ случаѣ его смерти,—главой рода въ присутствіи шести его членовъ.

До 14-ти-лѣтняго возраста сынъ подчиненъ власти отца, не имѣетъ лично никакой собственности, не отвѣтственъ за свои поступки и подвергается исправленію со стороны отца. Съ 14-ти-лѣтняго возраста онъ становится человѣкомъ sui juris, но не имѣетъ никакого права на состояніе отца до смерти главы семейства; зато онъ пріобрѣтаетъ право получать извѣстное количество скота и участокъ земли отъ главы рода, которому его торжественно представляетъ отецъ. Очевидно, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ надѣленіемъ каждаго новаго члена извѣстной частью владѣній, принадлежащихъ всему племени. Каждый членъ рода имѣетъ право на средства существованія; отсюда пожалованіе родовымъ старѣйшиной того, что извѣстно подъ именемъ «cyvarwus», въ количествѣ, которое установлено обычнымъ правомъ, нашедшимъ себѣ выраженіе въ сводахъ. Наслѣдство можетъ быть получено только послѣ смерти главы семьи, причемъ младшему сыну дается преимущество, такъ какъ онъ дольше другихъ находится въ семьѣ и больше всѣхъ способствовалъ пріумноженію ея достоянія. Сыновья, уже отдѣлившіеся, имѣли возможность устроить свой собственный очагъ, чего не могъ сдѣлать младшій сынъ, а потому очагъ отца и переходитъ по праву къ нему. За исключеніемъ этого praeciput младшаго, который во многихъ мѣстностяхъ, какъ напр. въ англійскихъ городахъ или у крестьянъ Бернскаго кантона, вообще вездѣ, гдѣ экономическіе интересы господствовали надъ военными, породилъ, въ противоположность дворянскому маіорату крестьянскій минoратъ,—семейное наслѣдство дѣлится поровну между всѣми членами семьи, разумѣется мужского

пола. Раздѣлъ совершается поголовно (per capita), но не поколѣнно (per stirpes); права представительства по отношенію къ наслѣдству не существуетъ,—черта, общая всѣмъ древнимъ правовымъ системамъ,—и внуки такимъ образомъ получаютъ такую-же часть, какъ и живущіе еще дяди. Что касается дочерей, имъ давалось приданое, размѣры котораго не должны были превышать половины той части движимаго имущества, которая доставалась каждому изъ братьевъ.

Обычное право кельтовъ, и въ этомъ отношеніи представляющее аналогію съ правомъ другихъ арійскихъ народовъ, устанавливаетъ различіе между тремя ближайшими и другими болѣе отдаленными степенями родства; но тогда какъ въ Индіи напр. это различіе проявляется въ неодинаковомъ участіи въ жертвоприношеніяхъ, совершаемыхъ въ честь предка (различіе между sapinda и samanodoka), въ Уэльсѣ оно выражается въ неодинаковомъ исполненіи другого долга рода—кровной мести.

Христіанство сдѣлало, конечно, невозможными проявленія кровнаго союза въ области религіи; но оно не могло искоренить обычая родового возмездья и только ослабило его, давъ благопріятныя условія для развитія выкупа и полюбовныхъ сдѣлокъ. И именно въ этой сферѣ и продолжало проявляться различіе между близкими и отдаленными родственниками. Только одна отвѣтственность, отвѣтственность за убійство, простиралась до седьмой степени родства. Это не означаетъ однако, что двѣ слѣдующія степени, седьмая и восьмая, были свободны отъ всякаго обязательства. Но ихъ участіе въ дѣлѣ было случайное; оно являлось необходимымъ только тогда, если преступникъ оказывался слишкомъ бѣднымъ, чтобы уплатить своими собственными средствами причитающійся съ него выкупъ. Въ этомъ случаѣ эти болѣе отдаленные родственники приходили къ нему на помощь, уплачивая такъ называемый „динарій меча".

Остановимся еще на чисто экономической сторонѣ организаціи кельтическаго рода, на его отношеніяхъ къ землѣ. Объ этой сторонѣ мало говорится въ кодексѣ; если Себомъ далъ все-таки ясную картину земледѣльческихъ обычаевъ древняго Уэльса, то только потому, что онъ нашелъ возможнымъ воспользоваться для освѣщенія этихъ темныхъ вопросовъ тѣми документами, на которые не обратили вниманія предшествующіе ему изслѣдователи, какъ напр. Вальтеръ или Льюисъ, именно привилегіями и помѣстными инвентарями, восходящими не далѣе эпохи англійскаго владычества.

Еслибы мы хотѣли охарактеризовать однимъ словомъ производство, которое мы встрѣчаемъ въ Уэльсѣ до его присоединенія къ Англіи, мы должны были бы употребить терминъ: производство

родовое. Ни князь, т. е. глава племени, ни глава рода, ни тѣмъ болѣе отдѣльныя лица не владѣютъ землей на правахъ собственности; ни одинъ классъ общества, не исключая даже чужеродцевъ, членовъ покореннаго племени, не лишенъ пользованія землей. Семьи, носящія названіе «*wele*», составленныя изъ живущихъ сообща родственниковъ, владѣютъ надѣлами общинныхъ полей, въ одной или въ нѣсколькихъ деревняхъ, отнюдь не опредѣленными участками, съ разъ на всегда установленными границами. Единство семьи продолжается до смерти ея главы.

Вотъ почему конфискація, производимая въ пользу казны, даже въ позднѣйшее время постигаетъ не тотъ или другой участокъ земли, а надѣлъ или надѣлы, принадлежащіе семьямъ въ границахъ одного или нѣсколькихъ селеній, паи или дѣлянки, совокупность которыхъ составляетъ семейное достояніе. Источники характеризуютъ этотъ порядокъ вещей, говоря, что земля находится во владѣніи или цѣлаго очага (вѣрнѣе — ложа, такъ какъ терминъ *wele* переводится по-латыни словомъ, *litium*, ложе и указываетъ на происхожденіе всѣхъ отъ одного и того же ложа), или во владѣніи особыхъ подраздѣленій (gavel) одной и той же семьи.

Тотъ, кто знакомъ съ земельными порядками XVII и XVIII вв. на сѣверѣ Россіи, будетъ пораженъ аналогіей между описанными обычаями и той детальной картиной семейной собственности, которую дала г-жа Ефименко въ своихъ интересныхъ «Изслѣдованіяхъ о жизни русскаго народа». Очевидно, что и здѣсь, и тамъ, въ древнемъ кельтическомъ княжествѣ и у новгородскихъ выходцевъ на сѣверѣ Россіи, мы находимъ переживаніе одной и той же организаціи, одного и того же экономическаго строя. И если принять во вниманіе, что семейныя общины, еще въ XVIII вѣкѣ встрѣчающіяся въ Архангельской губерніи подъ характернымъ названіемъ *огнищъ*, распространены были въ XV и XVI столѣтіяхъ по всей Великороссіи подъ аналогичнымъ прозвищемъ *печищъ*, и что древнѣйшіе памятники русскаго права относятъ къ числу лицъ, пользующихся высокой головщиной, такъ-называемаго огнищанина (терминъ, очевидно происходящій отъ *огнище* и означающій собой члена, по всей вѣроятности старѣйшаго, нераздѣльной семьи), то не является ли вѣроятнымъ, что земельный порядокъ въ Россіи былъ основанъ на томъ же родовомъ и семейномъ принципѣ, чуждомъ частной собственности и системы періодическихъ передѣловъ, о которыхъ въ дѣйствительности и не упоминается въ нашихъ древнихъ памятникахъ.

Но оставимъ эти поразительныя аналогіи и вернемся къ характеристикѣ племенной земельной собственности у кельтовъ. То

обстоятельство, что достигшій совершеннолѣтія (т. е. 14-ти-лѣтняго возраста) мальчикъ надѣляется не отцомъ своимъ, а главой рода, и получаетъ вначалѣ только скотъ, указываетъ намъ на причину, въ силу которой семейные надѣлы, wele или lecta, могли сохраниться въ древнемъ Уэльсѣ въ большей неприкосновенности, чѣмъ въ нашихъ сѣверныхъ провинціяхъ, а также даетъ намъ основаніе оспаривать мнѣніе Себома, будто кельтическая семья была семьей индивидуальной, а не семейной общиной типа славянской *задруги* или русской большой семьи. Подобное утвержденіе противорѣчитъ всему тому, чему учатъ насъ данныя сравнительнаго языкознанія и наиболѣе древнія свидѣтельства о структурѣ семьи у индусовъ въ эпоху Ригведы, у германцевъ во времена Цезаря и Тацита и у славянъ временъ Русской Правды, Законника Стефана Душана, Винодольскаго и Полицкаго статута, когда семейная община носила названіе «верви». Но, не говоря уже объ этомъ противорѣчіи, ничто не доказываетъ намъ, что совершеннолѣтній, будучи надѣленъ главой рода, находилъ абсолютно необходимымъ устраиваться самостоятельно, а не продолжалъ жить вмѣстѣ со своимъ отцомъ. Преимущества младшаго могутъ быть объяснены и помимо того предположенія, что въ моментъ кончины отца онъ живетъ въ отцовскомъ очагѣ. Эта кончина, имѣя мѣсто до совершеннолѣтія младшаго сына, отнимала у него возможность быть представленнымъ главѣ рода отцомъ. Ту часть скота, которую братья его получили отъ главы рода, младшій получаетъ въ видѣ скота, принадлежащаго дому покойнаго. Этотъ скотъ является единственной важной частью его *praeciput*. Описаніе уэльскихъ жилищъ, которое даетъ Herald du-Barry, показываетъ, какъ ничтожны были издержки, необходимыя для ихъ постройки. Это были простыя хижины изъ переплетенныхъ вѣтвей, очень часто только въ одну комнату. Какъ у всѣхъ пастушескихъ племенъ, какъ теперь еще у кавказскихъ горцевъ, хижины эти были двухъ родовъ: однѣ, болѣе солидно построенныя для зимы, находились въ долинахъ; другія, сдѣланныя наскоро, были расположены по склонамъ горъ, вблизи тѣхъ мѣстъ, гдѣ паслись стада. Кто не узнаетъ въ послѣднихъ тѣхъ *кошей*, въ которыхъ татаринъ, сванетъ, осетинъ или горный черкесъ проводятъ все лѣто, наблюдая за стадами, пасущимися у подножія Дыхтау или Амантау, Эльборуса или Казбека? Такъ какъ земля составляетъ недѣлимую собственность всего племени, а князь или глава рода только завѣдуетъ ею, то немудрено, что къ пользованію допускаются и покоренные туземцы. Мы находимъ ихъ какъ на земляхъ, отведенныхъ въ пользу князя, такъ и на остальныхъ; они занимаютъ обособленные участки, подъ условіемъ платить натуральныя ренты и от-

правлять личныя службы. Семьи, принадлежащія къ завоевателямъ, свободны и отъ тѣхъ, и отъ другихъ; единственное обязательство, которое лежитъ на нихъ, это—широкое гостепріимство по отношенію къ главному представителю ихъ племени. Оно выражается въ содержаніи главы и свиты его во время ихъ обычныхъ странствованій. Варварскіе обычаи Уэльса даютъ этому гостепріимству количественное опредѣленіе, чего мы не находимъ у народовъ, не сохранившихъ въ писанномъ видѣ своихъ древнихъ обычаевъ. Такъ какъ большая часть дня проводится внѣ дома, на охотѣ или въ военныхъ упражненіяхъ, то древніе законы Уэльса, подобно законамъ Брегоновъ въ Ирландіи или подобно варварскимъ законамъ германцевъ, напр. «Рипуарской Правдѣ», измѣряютъ числомъ ночей тотъ промежутокъ времени, втеченіе котораго одна кельтическая семья (*wele*) обязана доставлять князю заранѣе опредѣленное количество муки, говядины, пива и т. д. Жилище для князя созидается барщиннымъ трудомъ покореннаго населенія, занимающаго землю рода. Свободные люди обязаны доставлять ему только пищу и питье.

Не будучи собственникомъ даже тѣхъ земель, изъ которыхъ состоятъ его владѣнія и которыя постепенно округляются, благодаря конфискаціямъ, глава рода не можетъ дарить ихъ безъ согласія его ближнихъ. Дарственные акты церквамъ и монастырямъ постоянно говорятъ объ этомъ согласіи, какъ и древніе акты аллемановъ и баварцевъ, извѣстные намъ изъ *Monumenta Boica* или изъ «*Urkundenbuch der Abtei Saint-Gallen*»; это новое доказательство тому, что существованіе въ Уэльсѣ, какъ я предполагаю, недѣлимыхъ семей, аналогичныхъ «задругамъ» славянъ, гораздо больше согласуется съ источниками, чѣмъ дѣлаемое Себомомъ отождествленіе кельтической семьи съ патріархальной семьей древнихъ римлянъ, которая сама, какъ склонны думать современные изслѣдователи, напр. Марквардсенъ, была производнымъ, а не первоначальнымъ типомъ.

Такимъ образомъ надъ соціальной и экономической организаціей древнихъ гаэлловъ господствуетъ одинъ принципъ, принципъ общности крови,—тотъ же, на которомъ, какъ доказали Мэнъ и д'Арбуа де Жюбэнвиль, основано и древнее ирландское право.

Себомъ обѣщаетъ намъ заняться въ дополнительномъ томѣ изысканіемъ слѣдовъ, оставленныхъ въ Англіи этой родовой организаціей, не смотря на позднѣйшія наслоенія германскихъ, скандинавскихъ и франко-норманскихъ порядковъ. Нельзя не назвать счастливымъ то обстоятельство, что тогда, когда авторъ „Сельскихъ общинъ въ Англіи“ находится на пути къ открытію кельтическихъ родовыхъ пережитковъ подъ позднѣйшимъ наслоеніемъ

аграрнаго коммунизма,—историкъ англійскихъ крестьянъ въ средніе вѣка, нашъ соотечественникъ Виноградовъ, поставилъ себѣ цѣлью изслѣдовать въ этихъ-же обычаяхъ скандинавскія переживанія. Если мы прибавимъ, что роль третьяго элемента—римскаго—въ созданіи феодальной системы уже болѣе или менѣе выяснена не только работами Фюстель-де-Куланжа, но и Момзена, Флаха, Фабра, то можно позволить себѣ надѣяться, что въ самомъ недалекомъ будущемъ мы будемъ знать съ большей или меньшей степенью вѣроятности, въ какой мѣрѣ феодализмъ — этотъ центральный фактъ средневѣковой жизни — былъ продуктомъ послѣдовательныхъ кельтическихъ, римскихъ, германскихъ и скандинавскихъ вліяній и особенно роста населенія и національнаго производства, сдѣлавшаго необходимымъ переходъ отъ скотоводства къ земледѣлію и замѣну раздачъ скота, производимыхъ начальниками рода, надѣленіемъ землей начальниками племени, — надѣленіемъ, условіемъ котораго всегда было исполненіе общественныхъ службъ.

Важность изслѣдованій, подобныхъ работамъ Себома, не сводится исключительно къ освѣщенію темной эпохи въ жизни той или иной отдѣльной націи; они бросаютъ не мало свѣта и на общій ходъ эволюціи, ибо открываютъ передъ нами недостающія звенья, которыя состояніе источниковъ не позволяетъ намъ констатировать съ желательной полнотой и опредѣленностью въ бытѣ другихъ народностей.

Популярно-научныя книги.

Исторія первобытныхъ людей. *Э. Клодда.* Съ 88 рис. Переводъ *М. Энгельгардтъ.* Ц. 40 к.
Очерки психологіи. *Э. Тиченера.* Ц. 1 р.
Множественность населенныхъ міровъ и условія обитаемости небесныхъ земель съ точки зрѣнія астрономіи, физіологіи и естественной философіи. *К. Фламмаріона.* Ц. 1 р.
Мужчина и женщина. Этюдъ о вторичныхъ половыхъ признакахъ у человѣка. *Г. Эллиса.* Перев. съ англ. Ц. 1 р.
Силы и законы природы. *А. Лампа.* 48 рис. Ц. 1 р.
Вліяніе среды на животныхъ. *Л. Кено.* Перев. съ франц. Съ множ. рис. Ц. 40 к.
Общедоступная анатомія и физіологія человѣка и животныхъ. *Э. Реттерера,* проф. Парижскаго университета. Съ 380 рис. и 6 хромолитографіями. Ц. 2 р.
Психологія чувствъ. *Рибо.* Перевод. *М. Гольдсмитъ.* Ц. 80 к.
Характеръ и нравственное воспитаніе. *Ф. Кейра.* Пер. подъ редак. *Р. Сементковскаго.* Ц. 40 к.
Психологія характера. *Ф. Полана.* Пер. съ франц. подъ ред. *Р. Сементковскаго.* Ц. 75 к.
Звѣздный міръ. Популярно-астрономическія бесѣды. *Е. Предтеченскаго.* Съ рис. Ц. 30 к.
Разсказы о небѣ. *Фламмаріона.* Съ 64 рис. Ц. 50 к.
Уходъ за больными въ семьѣ. *Энцлера.* Ц. 50 к.
Гигіена дѣтства. *Д-ра Перье.* Ц. 50 к.
Записки желудка. Съ англійскаго. Ц. 50 к.
Электричество въ природѣ. *Жоржа Дари.* Перев. съ франц. *Д. Голова.* Съ 102 рис. Ц. 1 р. 25 к.
Міръ грезъ. Д-ра *Симона.* Сновидѣнія, галлюцинаціи, сомнамбулизмъ, гипнотизмъ. Съ франц. Ц. 1 р.
Физіологія души. *А. Герцена,* профес. Лозанскаго университета. Перев. съ франц. 2-е изд. Ц. 75 к.
Ручной трудъ. *Графиньи.* Руководство къ домашн. занятіямъ ремеслами. Перев. съ фр. Съ 375 рис. 2-е изд. Ц. 1 р. 50 к., въ пап.—1р. 75 к., въ переплетѣ 2 р.
Эйфелева башня. Состав. *Г. Тисандье.* Съ 34-мя рис. Ц. 50 к.
Экстазы человѣка. *П. Мантегацца.* Пер. съ 5-го итал. изд. [illegible] *[illegible]енберга.* Ц. 1 р. 50 к.
Душев[illegible] [illegible] Популярно-научный оч[illegible] съ Д[illegible] *[illegible]* [illegible]р. съ франц. и нѣмецк. Ц. 40 к.
[illegible] Божій Популярные очерки міровѣдѣн. [illegible] 50 рисунками. Ц. 30 к.
[illegible]ступная а[illegible]ономія. *К. Фламмаріона.* Пер. [illegible] 100 рис. 4-е изд. Ц. 70 к.
[illegible] практическія примѣненія. Сочин. *[illegible]исса.* Пер. *Д. Голова.* Съ 293 рис. Ц. [illegible] к.
[illegible]ческіе элементы. Соч. *Ніоде.* Перев. и дополнилъ *Д. Голова.* Съ 102 рис. Ц. 2 р.
[illegible]ктрическіе аккумуляторы. *Э. Ренье.* Перев. и дополнилъ *Д. Голова.* Съ 76 рис. Ц. 1 р. 25 к.
Электрическое освѣщеніе. Составилъ *В. Чиколева.* Съ 151 рис. Ц. 2 р. 50 к.
Домашнее электрическое освѣщеніе и уходъ за аккумуляторами. *Саломенса.* Съ англ. 18 рис. Ц. 1 р. 25 к.
О безопасности электрическаго освѣщенія. *В. Чиколева.* Ц. 25 к.

Электричество и магнитизмъ. *А. Гано* и *Ж. Маневрье.* Переводъ *Ф. Павленкова, В. Черкасова* и *С. Степанова.* 340 рис. Ц. 1 р. 50 к.
Главнѣйшія приложенія электричества. *Э. Госпиталье.* Съ 143 рис. Ц. 2 р. 50 к.
Электрическая передача энергіи (Передача силы на разстояніе) *Каппа.* Съ 59 рис. Ц. 1 р. 60 к.
Электричество въ домашнемъ быту. *Э. Госпиталье.* Съ 257 рис. Ц. 2 р.
Электрическіе звонки. *Боттона.* Съ свѣд. воздуш. звонкахъ. 121 рис. 2-е дополнен. изд. Ц. 1 р.
Духовный прогрессъ и счастье. Психологическое изслѣдованіе. *Лоскутова.* Ц. 1 р.
Преступная толпа. Опытъ коллективной психологіи. *С. Сигеле.* 2-е изд. Ц. 30 к.
Пессимизмъ. Сочиненіе *Джемса Селли.* Популяр. обзоръ всѣхъ пессимистич. ученій. Ц. 1 р. 50 к.
Философія Герберта Спенсера. Въ сокращ. изложеніи *Коллинса.* Перев. съ англ. *П. Мокіевскаго.* 2-е изд. Ц. 2 р.
Законы подражанія. *Тарда.* Переводъ съ франц. Ц. 1 р. 50 к.
Уходъ за больными дѣтьми. Д-ра *Э. Перье.* Ц. 50 к.
Жизнь на Сѣверѣ и Югѣ (отъ полюса до экватора). *А. Брэма.* Дополненіе къ его сочин. „Жизнь животныхъ“. Со многими рис. Ц. 2 р.
Воспитаніе воли. *Ж. Пейо.* Переводъ *Шишмаревой.* 2-е изд. Ц. 75 к.
Соціальная жизнь животныхъ. *Эспинаса.* Перев съ фран[illegible] *Ф. Павленкова.* 2 изд. Ц. 1 р.
Единство физическихъ силъ. Опытъ популярно-научной философіи. *А. Секки.* Перев. съ франц. *Ф. Павленкова.* 2-е изд. Ц. 2 р. 50 к.
Психологія вниманія. Д-ра *Рибо.* Съ франц. 3-е изд. Ц. 30 к.
Психологія великихъ людей. *Жоли.* Съ франц. 3-е изд. Ц. 60 к.
Современные психопаты. *Кюллера.* Съ франц. Ц. 1 р. 50 к.
Вредныя полевыя насѣкомыя. *Иверсена.* 43 рис. Ц. 80 к.
Хлѣбный жукъ. Съ 3 рис. *Барона Н. Корфа.* Ц. 10 к.
Огородничество. Практич. наставл. для народн. учителей *Ф. Шубелера.* Съ 137 рис. Ц. 60 к.
Воздушное садоводство. *Н. Жуковскаго.* Съ 73-ю рис. Изд. 2-е. Ц. 60 к.
Живописная астрономія. *Фламмаріона.* Съ 382 политипажами въ текстѣ и раскрашенными рисунками. Переводъ съ франц. *Е. Предтеченскаго.* Цѣна 3 руб.
Мозговая работа и переутомленіе. *Блекка.* Переводъ съ англійскаго. Цѣна 30 коп.
Наука о жизни. Популярная физіологія *В. Лункевича.* Съ 91 рис. Ц. 1 р.
Популярная біологія. *В. Лункевича.* Большой томъ съ 208 политипажами и таблицей раскрашенныхъ рисун. Ц. 2 р.
Автобіографія земли. *Гетчинсона.* Популярная картина геологическаго образованія земли. Съ 63 рис. въ текстѣ. Перевелъ и дополнилъ *М. А. Энгельгардтъ.* Ц. 80 коп.
Новѣйшія химическія теоріи. *Этара.* Переводъ съ французскаго. *Б. Вилита.* Съ 58 рис. въ текстѣ. Ц. 75 к.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 20 Октября 1898 г.

С. К.